

История материальной культуры Узбекистана

Выпуск 16

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИСТОРИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ УЗБЕКИСТАНА

ВЫПУСК 16

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР
1981

В сборнике представлены результаты археологических исследований на территории Узбекистана — новейшие материалы и итоговые статьи. Рассматриваются вопросы первобытной, античной и средневековой археологии Узбекистана, а также проблемы методологии. Освещаются достижения смежных с археологией наук.

Для археологов, историков, преподавателей и студентов гуманитарных вузов, а также всех интересующихся древней историей Узбекистана.

Ответственный редактор
доктор исторических наук *А. Аскар*

Рецензенты

доктор исторических наук *А. Р. Мухамеджанов*,
кандидат исторических наук *Э. В. Ртвеладзе*

И 10602—000
М 355(04)—81—108—80 0507000000

© Издательство «Фан» Узбекской ССР, 1981 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий выпуск сборника «История материальной культуры Узбекистана» посвящается результатам археологических исследований последних лет на территории Узбекской ССР. В него включены научные статьи и сообщения, затрагивающие вопросы среднеазиатской археологии различных периодов: от каменного века до позднего средневековья.

В статье М. Касимова и Г. Тетюхина «К вопросу об археологическом возрасте многослойной палеолитической стоянки Кульбулак» дается сжатая характеристика археологической стратиграфии стоянки, геологический и геоморфологический обзор Кульбулака и его окрестностей. Авторы утверждают, что высказанные некоторыми исследователями сомнения по поводу датировки и вопросов генезиса культурных горизонтов Кульбулака необоснованны.

Б. Абдуллаев в статье «Новые данные о культуре Сапалли» на материалах могильника Джаркутан (Шерабадский район Сурхандарьинской области) смог убедительно показать выделение неизвестного ранее кузалинского этапа данной культуры. На этом этапе происходят заметные изменения в формах керамики, в погребальном ритуале, в составе и количестве погребального инвентаря. Сопоставив многочисленные материалы Джаркутана с находками на территории Южного Туркменистана и из долины Инда, автор считает возможным датировать кузалинский этап второй половиной XIV — концом XIII в. до н. э.

При раскопках квартала керамистов на поселении эпохи поздней бронзы — Бустансае были найдены три очень редких для этой эпохи фрагмента керамики с изображениями оленя и быков. Изучению этих изображений посвящается статья У. Рахманова «Зооморфные изображения на керамике памятника эпохи бронзы Бустан 4». Автор, проведя широкие параллели находкам, приходит к выводу, что изображение на сосудах культуры Сапалли копытных животных, характерных для данного региона, свидетельствует о достаточно развитых у носителей культуры Сапалли религиозных представлениях тотемистического характера и их связи с духовными воззрениями древнеземледельческих обществ эпохи бронзы ряда областей древнего Востока.

В статье К. Сабирова «Новые материалы к изучению укреплений кушанского времени городища Хайрабадтепа» рассматриваются результаты раскопок, выявивших один из важных элементов городской культуры — оборонительную фортификацию. Автор установил периодизацию крепостных сооружений, изучил их конструкцию и определил время сооружения стен каждого этапа. В статье дается важный вывод о том, что в кушанскую эпоху фортификационные каноны, представленные в крупных городских центрах, были характерны и для мелких поселений, что свидетельствует о высокой степени культурной интеграции кушанского общества.

Одному из узлов фортификации Еркургана, античной столицы Юго-Западного Согда, посвящена статья М. Туребекова «Раскопки бастиона внутренней крепостной стены Еркургана». Полученная из двух разрезов на бастионе керамика делится на два комплекса, которые датируют два основных периода его функционирования и обживания: V—VI и VIII—IX вв. Существенно, что бастион продолжал обживаться, когда вся остальная территория городища была давно заброшена.

Небольшая, но очень интересная коллекция терракотовых художественных изделий публикуется Е. Усовой и Ю. Буряковым в статье «Терракотовые поделки с городища Канка». Для Чача это вообще первая, достаточно разнообразная группа зоо- и антропоморфных изображений. При всем своеобразии она находит тесные аналогии со скульптурой Согда. В целом находки с Канки характеризуют религиозно-мифологические воззрения, уровень и особенности искусства древнего Чача.

Статья К. Абдуллаева «Стеклянные изделия X—XII вв. из Бухары» вводит в научный оборот комплекс разнообразной средневековой утвари, добытой в последние годы. Материалы выявлены в основном из бадрабов и хорошо датируются монетами и керамикой. Анализ находок приводит автора к заключению, что бухарское стекло домонгольского времени не уступает лучшим образцам стеклянных изделий из других областей Средней Азии и свидетельствует о высоком уровне стекольного производства в Бухаре.

Одна из сторон позднесредневекового ремесла Шаша охарактеризована Ю. Буряковым и М. Тихониным в статье «Раскопки керамической мастерской конца XV—XVI в. в Шахрухии». Здесь описаны остатки мастерской, которая служила прежде всего для производства гончарных изделий, но, вероятно, использовалась и для приготовления стеклянной фритты. Полученные при вскрытии мастерской находки позволяют полнее осветить материальную культуру Шаша периода XV—XVI вв.

Небольшая статья В. Гришина содержит новые материалы к археологической карте Ташкентского оазиса. При обследовании среднего и нижнего течения р. Чирчик автору удалось выявить ряд неизвестных памятников, в основном поры раннего и

зрелого средневековья. На территории Чаткальского заповедника, кроме поселений, обнаружены отдельные каменные орудия, остатки рудоплавильной печи, наскальные рисунки, курганная группа.

В статье Б. Кочнева «Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Часть 3» приводятся некоторые не публиковавшиеся монеты XI—XVII вв. Таковы позднекараханидские фельсы третьей четверти XII в., первая, ставшая известной науке, монета Мас'уд-бека XIII в., новые оттарские монеты XIII и XV вв., не публиковавшиеся джанидские тенги начала XVII в. Новые материалы дополняют наши представления о монетном чекане некоторых среднеазиатских династий (Караханидов, Чагатаидов, Тимуридов, Джанидов) и позволяют уточнить отдельные спорные вопросы.

В 1976—1977 гг. Ахсикентский археологический отряд Института археологии АН УзССР проводил раскопки арка домонгольского Ахсикента. Здесь выявлен хозяйственно-жилой комплекс XI в. Среди прочих находок выделяется серия стеклянных изделий, которым посвящена статья О. Папахристу и И. Ахрарова «Стекло из раскопа в арке домонгольского городища Ахсикент». Проведя функциональную и типологическую классификации стеклянной утвари и рассмотрев технику ее изготовления, авторы приходят к выводу, что средневековый Ахсикент имел собственное производство различных видов стеклянной продукции.

Статья Дж. Мирзаахмедова «Поливная керамика Бухары второй половины XVII — первой половины XVIII в.» посвящена большому и важному, но совершенно неизученному этапу в истории материальной культуры Узбекистана. Здесь описан богатый и разнообразный комплекс поливной посуды, полученный при раскопках близ купола Так-и Заргарон в Бухаре. Он хорошо зажат стратиграфически и потому надежно датирован. Тщательное его рассмотрение приводит автора к выводу, что керамика XVII—XVIII вв. резко отлична от керамики предшествующего периода — XV—XVI вв. и характеризуется низким качеством глазури, бедностью цветовой гаммы, упрощенностью орнамента, грубостью и массивностью форм.

Своеобразным продолжением статьи Дж. Мирзаахмедова является написанная им же в соавторстве с И. Ахраровым статья «Керамика риштанского типа из Бухары второй половины XIX в.». Здесь описаны немногочисленные образцы этой посуды, которые имеют, по мнению авторов, двойное происхождение: некоторые из них действительно привезены из Риштана, другие изготовлены на месте, в Бухаре, по риштанским прототипам.

Обнаружение стеклянных изделий на археологических памятниках — признак многоотраслевой деятельности былого ремесленного производства. По результатам анализа стекол прежних лет для средневекового Согда были известны два химических типа стекла. Дальнейшие исследования позволили выявить су-

ществование еще трех типов стекол на территории нынешнего Узбекистана и наметить область их распространения. Об этом рассказывается в статье А. Абдуразакова «Особенности химического состава стекол раннесредневекового Согда».

Небольшое сообщение М. Реутовой, Ш. Ильхамова, А. Абдуразакова посвящено реставрации древних игральных фишек и четырех кубиков, обнаруженных в слое X в. при стратиграфических раскопках на территории старой части Бухары. Авторы, отмечая недостатки в реставрационной практике, в методических рекомендациях по закреплению костяных изделий, предлагают свой метод закрепления 10-процентным раствором полибутилметакрилата (ПБМА).

В статье А. Батырова «Фауна домашних и диких животных поселения Сеталак I» рассматриваются результаты изучения состава домашней и дикой фауны по остеологическим материалам из раскопок поселения Сеталак I в Бухарской области, датированного IV—V вв. н. э. Отмечается, что домашние животные на поселении Сеталак I преобладали над дикими, и среди них первое место занимал мелкий рогатый скот (60%). Ландшафтно-географические условия окрестностей Сеталак I, представляющие собой полупустыню, способствовали развитию здесь овцеводства.

Разнообразный остеологический материал из района нижнего течения р. Амударьи представлен в статье Б. Батырова и А. Батирова «Средневековая фауна поселения Курганча». Здесь абсолютно преобладают кости домашних животных. Несколько неожиданно обилие останков черепах. Костные материалы позволяют охарактеризовать породную принадлежность домашних животных и их место в хозяйстве, состав стада, объекты охоты былых обитателей Хорезма.

М. КАСЫМОВ, Г. ТЕТЮХИН

К ВОПРОСУ ОБ АРХЕОЛОГО-ГЕОЛОГИЧЕСКОМ ВОЗРАСТЕ МНОГОСЛОЙНОЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ КУЛЬБУЛАК

Значительным событием в палеолитоведении Узбекистана явилось открытие и исследование уникального многослойного палеолитического поселения Кульбулак, расположенного у подножья юго-восточных склонов Чаткальского хребта на правом берегу р. Ахангаран, в среднем ее течении, в 5—6 км к юго-западу от г. Ангрена Ташкентской области¹.

За время стационарных работ на поселении Кульбулак (1963, 1965—1976 гг.) вскрыто более 500 м² площади и на различных участках раскопа выявлены 13 разновременных культурных слоев. Во время углубления раскопа 3 (1969, 1970, 1976 гг.) на глубине 4 м от дневной поверхности обнаружен новый древнемустьерский культурный горизонт мощностью от 10 до 32 см. Он расположен на 2,5 м выше ранее известных позднеашельских горизонтов и на 1,8 м ниже всех мустьерских слоев Кульбулака. Выявление данного культурного горизонта имеет важное значение, так как он заполняет почти пятиметровую пустоту между нижними позднеашельскими горизонтами и мустьерскими слоями, а также дает полное представление о непрерывной продолжительной жизни первобытных людей на Кульбулаке.

Таким образом, результаты археологических раскопок на стоянке Кульбулак позволили выявить 14 культурных слоев, расположенных в разновременных четвертичных отложениях². Из них I—III — позднепалеолитические, IV—XII — мустьерские и XIII—XIV — позднеашельские слои. Из культурных слоев поселения получено несколько десятков совершенно новых типов каменных изделий и остатков ископаемых животных и других ма-

¹ К а с ы м о в М. Р. Памятники каменного века в долине Ангрена.— ОНУ, 1967, № 2; Он же. Об итогах исследования памятников каменного века на территории Узбекистана в 1965—1967 гг.— ОНУ, 1968, № 3; Он же. Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак в Узбекистане.— МИА. Вып. 185. Т. VII. Палеолит и неолит СССР. Л., 1972, с. 111 и др.

² В связи с выявлением в последние годы четырех дополнительных культурных слоев поселения соответствующие культурные слои перенумерованы, начиная с VIII^а и ниже, т. е. в IX (VIII^а), X (VIII^б), XI (VIII^в), XII (нововыявленный древнемустьерский слой) и два позднеашельских горизонта в XIII (IX) и XIV (X). В последующих публикациях о Кульбулаке будет принята эта нумерация культурных слоев.

териалов, предоставляющих новые данные для изучения многих вопросов палеолита Средней Азии.

Комплекс каменных индустрий Кульбулака в целом характеризуется слишком экономным использованием породы для изготовления орудий, хотя рядом были расположены выходы сырья. Многие нуклеусы сработаны до предела. Некоторые из них подвергнуты вторичной обработке. В качестве орудий использованы, кроме хороших заготовок, первичные и полупервичные сколы и даже осколки и обломки камней различных пород.

Нижний палеолит впервые в Средней Азии обнаружен (*in situ*) в шурфе 3 на поселении Кульбулак в 1967 г. Это первый позднеашельский горизонт, а в 1972 г. выявлен второй нижележащий горизонт. Они расположены в шурфе на глубине 6,9—7,8 см от дневной поверхности³. Эти культурные горизонты вскрыты всего лишь на площади 6 м², притом нижний полностью не вскрыт, снята только его верхняя часть.

В лессовых отложениях двух горизонтов найдено более 200 предметов каменной индустрии. Среди них крупные дисковидные, одно-, двухплощадочные нуклеусы различной стадии сработанности, грубые и массивные орудия, наряду с которыми встречаются изделия, изготовленные на более мелких, порой миниатюрных отщепах⁴. Кроме того, весь комплекс индустрии из обоих горизонтов совершенно не окатан и местами изделия имеют сильную патинизацию, что характерно для потревоженных слоев. В целом комплекс изделий из двух горизонтов — XIII (IX) и XIV (X) — по технике первичного скола и вторичной обработки характерен для финального ашеля⁵.

Средний палеолит Кульбулака представлен девятью мустьерскими культурными слоями (XII—IV). Они прослежены почти во всех раскопах поселения, что хорошо представлено в разрезе стенки раскопа 3 (1969, 1970, 1976 и 1978 гг.).

Разрез западной стенки раскопа 3 по линии кв. Д₂—42—Х₁—42 (рис. 1) имеет следующее строение:

1. Дерновый слой	0,05—0,10 м
2. Золотисто-серая супесь с включением карбонатных конкреций, мелкого щебня и наличием местами нор грызунов	0,07—0,50 м
3. Тонкое отложение серого цвета со слегка загипсованным песком и с редкими включениями мелких кристаллов гипса	0,02—0,07 м
4. Мелкозернистый, слегка загипсованный серый песок с редкими включениями мелкого щебня изверженных пород карбоната, мелких кристаллов гипса с мелкими линзами суглинка; без находок	0,02—0,24 м
5. III культурный слой, слабо гумусирован, сравнительно тонкий; с находками каменных изделий	0,02—0,05 м

³ К а с ы м о в М. Р. Археологические работы в Узбекистане.— АО 1967 г. М., 1968; Он же. Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак в Узбекистане.— МИА. Вып. 185. Т. VII. Палеолит и неолит СССР. Л., 1972.

⁴ К а с ы м о в М. Р. Археологические работы в Узбекистане, рис. 1.

⁵ К а с ы м о в М. Р. Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак..., с. 113—114, рис. 1 А.

6. Суглинок желтовато-серого цвета с серым песком и редкими включениями мелкого щебня изверженных пород карбоната, мелких кристаллов гипса; без находок	0,06—0,41 м
7. IV культурный слой, гумусирован; с находками каменных изделий	0,06—0,08 м
8. Суглинок желтовато-серого цвета с серым песком и с редкими включениями щебня изверженных пород карбоната (5—8 см); без находок	0,14—0,29 м
9. V культурный слой, слегка гумусирован; с находками каменных орудий	0,06—0,09 м
10. Песок и супесь с включениями суглинка с неокатанными обломками изверженных пород (4—9 см)	0,04—0,13 м
11. VI культурный слой, слегка гумусирован; насыщен находками каменных изделий	0,06—0,09 м
12. Песок с почвой с неокатанными и слабоокатанными обломками изверженных пород (4—10 см), мощность которого увеличивается к юго-западу	0,08—0,17 м
13. VII культурный слой, слегка гумусирован; с многочисленными изделиями	0,05—0,17 м
14. Песок с почвой желтовато-зеленого оттенка с неокатанными и слабоокатанными обломками изверженных пород (5—25 см), местами ожелезнение, мощность его увеличивается к юго-западу; без находок	0,04—0,25 м
15. VIII культурный слой, слегка гумусирован; с обильными находками каменных орудий	0,06—0,21 м
16. Песок с примесью суглинка желтовато-зеленоватого оттенка с неокатанными обломочными материалами. Редко встречаются слегка окатанные обломки изверженных пород; без находок	0,03—0,14 м
17. IX (VIII ^a) культурный слой; с находками каменных изделий	0,02—0,08 м
18. Уплотненный песок с примесью суглинка желтоватого оттенка с редкими мелкими обломками изверженных пород; без находок	0,02—0,13 м
19. X (VIII ^b) культурный слой, сравнительно тонкий по мощности; с находками каменных изделий	0,02—0,06 м
20. Уплотненный песок с примесью суглинка желтовато-зеленоватого оттенка и обломочным материалом изверженных пород; без находок	0,04—0,14 м
21. XI (VIII ^b) культурный слой, сравнительно тонкий; с редкими находками каменных изделий	0,02—0,06 м
22. Плотный желтый песок с обломками изверженных пород; без находок	0,05—0,07 м
23. Линза плотного песка с примесью суглинка желтовато-зеленоватого оттенка; без находок	0,02—0,20 м
24. Плотный суглинок желтоватого цвета с песком и неокатанными и слабоокатанными обломочными материалами (5—28 см), местами ожелезнение, мощность его увеличивается к юго-западу; без находок	0,10—0,27 м
25. Суглинок с плотным песком желтого цвета со слабоокатанными обломками изверженных пород средних размеров	0,26—0,56 м
26. Суглинок с песком сероватого цвета, щебнем и мелкими обломочными материалами; без находок	0,24—0,55 м
27. Плотный суглинок с щебнем рыжеватого цвета, местами ожелезненный; с единичными находками каменных изделий	0,15—0,32 м
28. Суглинок с песком серовато-желтого оттенка с единичными включениями щебня; с археологическими находками	0,51—0,67 м
29. Суглинистый слой с щебнем желтого цвета; без находок	0,08—0,12 м
30. XII мустьерский культурный слой, суглинистый, с щебнем	

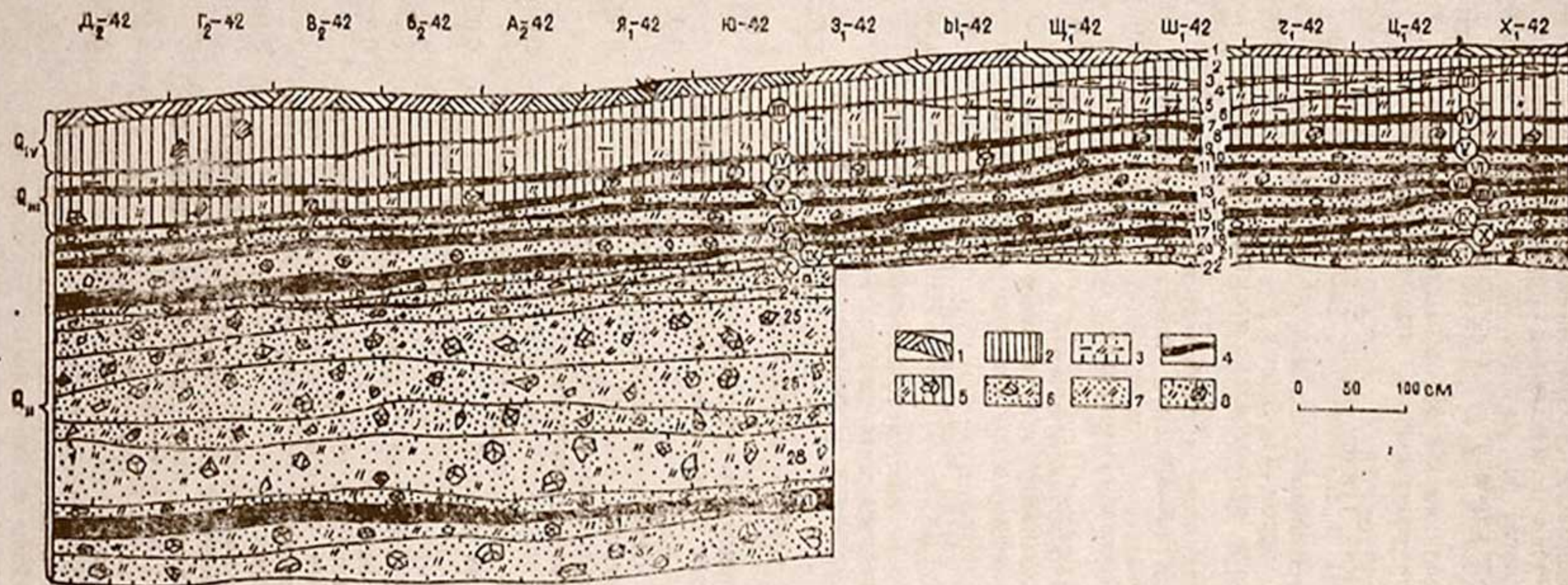

Рис. 1. Разрез западной стенки раскопа 3 по линии Ц₂-42-Х₁-42:

1—дерновый слой; 2—золотисто-серая супесь с включением карбонатных конкреций мелкого щебня и наличием местами нор грызунов; 3—тонкое отложение серого цвета со слегка загипсованным песком с редкими включениями мелкого щебня; 4—культурные слои; 5—супесчаный суглинок желтовато-серого цвета с серым песком и редкими включениями щебня изверженных пород карбоната; 6—отложение песка с почвой с окатанными и неокатанными обломками изверженных пород карбоната; 7—отложения талого песка с примесью суглинка желтовато-зеленоватого оттенка; 8—х мощное суглинистое отложение с плотным песком и неокатанными и слабоокатанными обломочными материалами изверженных пород различных размеров, местами ожелезнения.

и каменными изделиями	0,10—0,22 м
31. Суглинок с песком серовато-желтого оттенка, с щебнем средних и мелких размеров	0,02—0,24 м
32. Серое болотистое отложение с песком и единичными обломочными материалами	0,32—0,45 м

В разрезе стенки раскопа четко прослеживается несколько культурных слоев. Из них нижний древнемустьерский выявлен в 1978 г. Этот горизонт встречался и в шурфе 3 (1967—1972 гг.). Однако тогда он как самостоятельный культурный горизонт не был выделен.

Выше расположены XI—IX (VIII^b—VIII^a) мустьерские горизонты. Они выявлены в северной части раскопа 3 и восточной части раскопов 1, 8 и 14⁶. Еще три вышележащих (VIII—VI) культурных слоя прослежены во всех квадратах раскопов площадки поселения, которые также встречены в шурфе 3⁷. Выше них расположены V—IV, сравнительно тонкие позднемустьерские слои, которые, продолжаясь к востоку, кончаются на западном участке раскопа 2. Встречались они также в центральной и западной частях раскопа 1. Самый верхний, III позднепалеолитический слой незначительной мощности и беден археологическими находками. На востоке раскопа 3 он исчезает. По-видимому, на этом участке вскрыта лишь его восточная окраина. Остальные — III—I позднепалеолитические культурные слои — выявлены в раскопе 1 и на западной части площадки Кульбулака. В них видны следы очага, вокруг которых найдены каменные орудия и остатки костей ископаемых животных.

Следует отметить, что все культурные слои расположены неровно, с уклоном к юго-западу. Это объясняется тем, что в прошлом палеогеографический ландшафт площадки поселения Кульбулак был иной, чем теперь.

Все мустьерские слои насыщены каменными орудиями, которые весьма многочисленны и своеобразны. Для первичной техники обработки изделий характерна некоторая небрежность, прослеживаемая как в ядрищах, так и в заготовках, сколы на них массивные, отщепы укороченные, сравнительно толстые. Однако серийность типов сколов отсутствует. В огранении преобладает система радиального и конвергентного скалывания. Леваллуазские сколы в комплексе немногочисленны, но несмотря на это, они придают индустрии Кульбулака своеобразие, поскольку для других памятников подобного типа характерна только техника короткого массивного скола.

Своеобразна и вторичная обработка орудий Кульбулака. В его комплексе доминирует зубчатая, выемчато-скребущая об-

⁶ К а с ы м о в М. Р. Результаты работ Ахангаранского палеолитического отряда в 1970 г. — В сб.: Успехи среднеазиатской археологии. Вып. 1. Л., 1972; Он же. О результатах работ Ахангаранского палеолитического отряда (по данным раскопок 1971 г.). — В сб.: ИМКУ. Вып. 10. Ташкент, 1973.

⁷ К а с ы м о в М. Р. Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак., с. 113, рис. 1.

работка, которая дает картину хорошо выраженной выемчато-зубчатой и скребковой системы с преобладанием более тонких ее разновидностей. Инвентарь характеризуется наличием скребел боковых, прямых, брюшковых и других типов. Часть их оформлена краевой полукрутой и пологой ретушью, порой довольно скудной. Встречаются остроконечники, пластины различных размеров, резцы, проколки, клювовидные и многофункциональные орудия, сочетающие на одной заготовке несколько рабочих участков (рис. 2, 3). Особенностью инвентаря мустьерских слоев Кульбулака является также наличие концевых скребков, микроорудий и орудий с черенком, что не характерно для других известных нам среднеазиатских мустьерских памятников.

Все это позволяет говорить о специфической особенности инвентаря Кульбулака и более развитой индустрии по сравнению с зубчато-выемчатыми и теякскими комплексами групп одновозрастных палеолитических памятников Кавказа⁸, Крыма⁹, Днестра¹⁰, Западной Европы¹¹ и Ближнего Востока¹².

Район раскопа Кульбулак посещался многими геологами¹³. Нами выполнены детальные геолого-геоморфологические исследования стратиграфии культурных слоев местонахождения и его окрестностей. Были описаны естественные обнажения на территории поселения Кульбулак и его окрестностей, а также серия шурфов, заданных по направлению сноса отложений, формирующих четвертичный покров района, и в крест его простираения. Были изучены рельеф и его субстрат, представленный четвертичными отложениями на площади в пределах бассейна Кызылалмаса на юго-западе и частично сая Карабау на северо-востоке.

Четвертичные отложения, выходящие на дневную поверхность, здесь представлены аккумуляциями среднечетвертичного (ташкентский комплекс), позднечетвертичного (голодностепский ком-

⁸ Коробков И. И., Мансуров М. М. К вопросу о типологии теякско-зубчатых индустрий.—МИА. Вып. 185. Т. VII. Палеолит и неолит СССР. Л., 1972; Коробков И. И. Итоги пятилетних исследований Яштухского палеолитического местонахождения.—СА, 1967, № 4; Векилова Е. А. О зубчатом мустье и зубчатых орудиях мустьерских слоев Ахштырской пещеры.—КСИА, 1973, № 137.

⁹ Бонч-Осмоловский Г. А. Грот Киик-коба. М.—Л., 1940.

¹⁰ Анисюткин Н. К. Мустьерская стоянка Стинка на Среднем Днестре.—АСГЭ, 1969, № 11.

¹¹ Lumley H. et Bottet B. Sur l'évolution des industries et des industries au Riss et au Würm d'après le remplissage de la Baume Bonne. Festschrift für Lothar Lötze. Bonn, 1960; Henry de Lumley—Woodward. 1. Le paléolithique inférieur et moyen du Midi Méditerranéen dans son cadre géologique. T. I. Ligurie, Provence, Gallia Préhistoire v. suppl., Paris, 1969; 2. Une cabane acheuléenne dans la grotte du Lazareth (Nice). Mem. Soc. Préhist. Fr., t. 7, 1969.

¹² Solecki R. The Shemsh Industry, a Tayacian Related Industry at Yabroud, Syria, In Préhistoire. Paris, 1968; Clark J. D. The Middle Acheulean Occupation Site at Latamne. Northern Syria. Quarternaria, 1967, № 9; 1969, № 10.

¹³ Касымов М. Р. Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак..., с. 111—114; Он же. Результаты работ Ахангаранского палеолитического отряда по данным раскопок 1975 г.—В сб.: ИМКУ. Вып. 14. Ташкент, 1978, с. 6.

плекс) и голоценового (сырдарьинский комплекс) возрастов. Ими сформирована серия террас, образующих по склонам долин соответствующие уровни в рельефе. Наиболее древняя из них — раннеташкентская — венчает водоразделы Кызылалмасая и его притоков, простирающихся в субмеридиональном направлении в сторону русла р. Ахангаран. Самыми молодыми формами рельефа — голоценовыми являются пойма и две первые надпойменные террасы, образующие наиболее низкий уровень. Наибольшей мощностью осадков отличаются среднечетвертичные террасы.

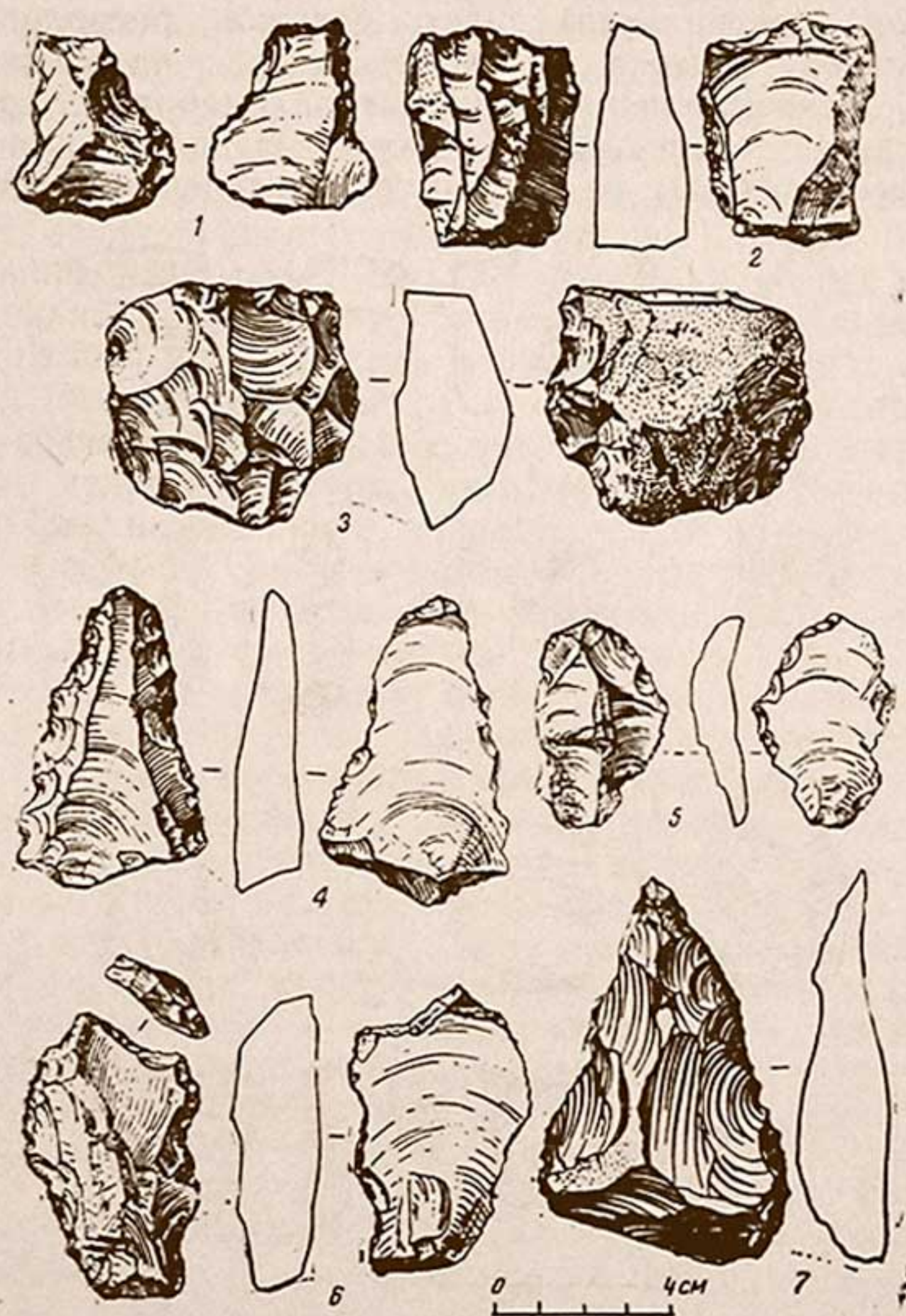

Рис. 2. Каменные изделия VII культурного слоя:

1, 6 — multifunctional tools; 2 — single-flaked nucleus with retouching; 3 — discoidal nucleus; 4 — toothed tool; 5 — scraper with handle; 7 — pointed tip.

Раннечетвертичный комплекс вскрыт заданными шурфами (шурф 3; 1967—1972 гг., в центральной части раскопа) лишь в

верхних горизонтах на глубину около 10 м. В толще лессовых пород здесь обнаружены два позднеашельских культурных горизонта.

Таким образом, археологические находки подтверждают геологическую интерпретацию возраста вмещающих пород (Q^{II}). Находки предметов позднеашельской культуры *in situ* в отложениях раннеташкентского комплекса представляют большой интерес не только для этого района. Подобные находки не часты в Средней Азии даже в качестве подъемного материала, а обнаружение их *in situ* тем более единично.

Основная (центральная) часть раскопа располагается при впадении левого притока в Кызылалмасай на эрозионной поверхности древнеголоценовой (абайской) террасы, врезанной в толщу позднечетвертичных отложений. Очень маломощный покров древнеголоценовых отложений представлен в основном про-

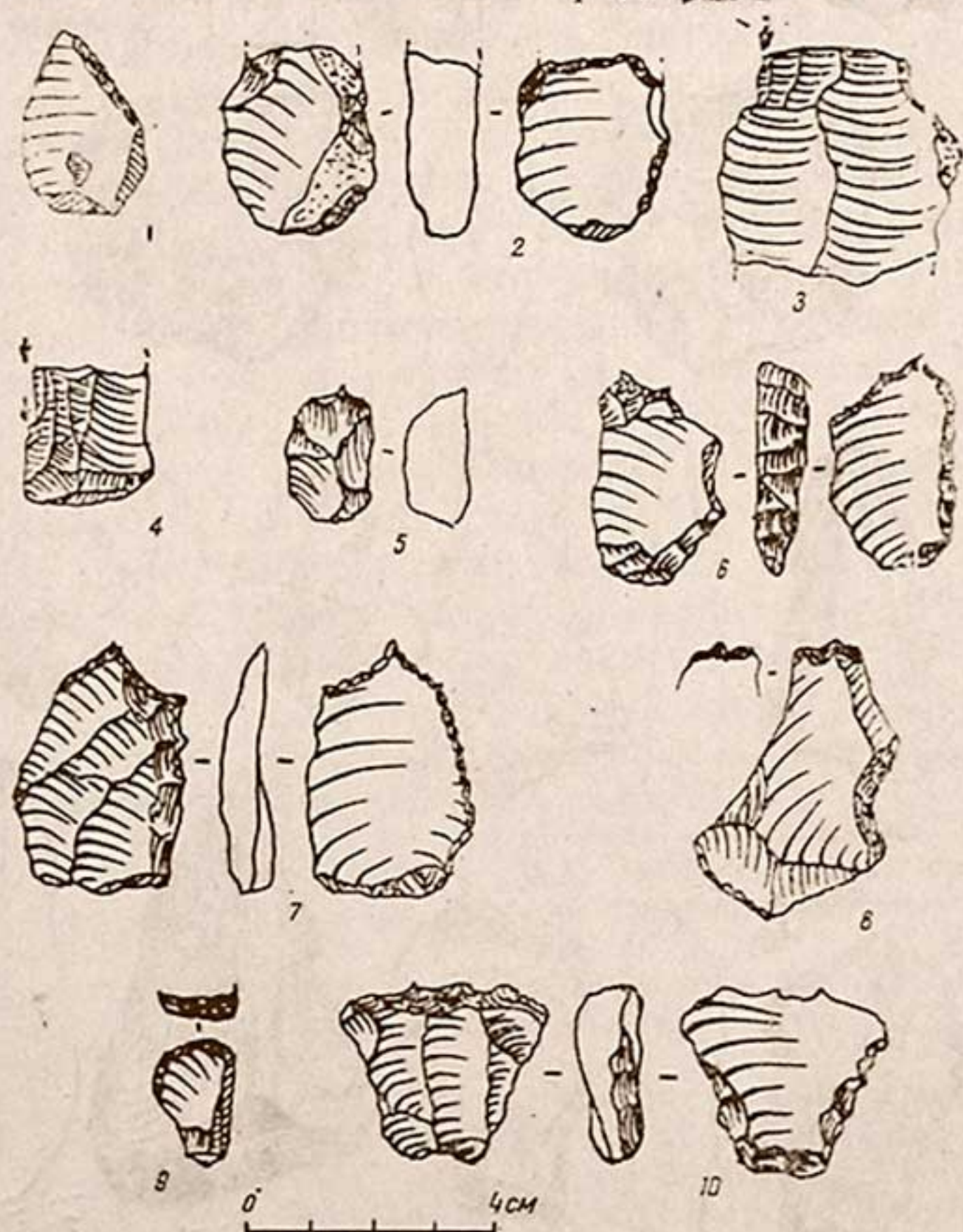

Рис. 3. Каменные изделия IV культурного слоя:

1—режущее орудие; 2, 5—8—многофункциональные орудия, т. е. проколки-острия, сочетающиеся с выемчато-скоблящими или режущими элементами; 3, 4—угловые резцы; 9—концевой скребок; 10—скребок-скобель и режущее орудие.

лювиальными осадками, а в центральной части у выхода родника — озерными образованиями. Существование небольшого озера

и определило название этой местности. Выход грунтовых вод, иногда с образованием небольшого озера, временами уменьшавшегося до небольшой мочежины, происходил еще до голоцена.

Отложения второй фазы ташкентского цикла представлены главным образом делювиальными и пролювиальными осадками и содержат значительную часть образований, связанных с выклиниванием вод и существованием небольшого водоема.

Отложения второй фазы среднечетвертичного времени (позднеташкентские — Q_{II}^2) в районе раскопа образованы толщей мелкоземных пролювиальных осадков, переслаивающейся грубообломочными материалами селевых образований. Однако выделяемые в этой толще мустьерские культурные горизонты VI—XI (VIII^a — VIII^b), располагающиеся на глубине от 1 до 4 м, связаны с мелкоземными пролювиально-озерными осадками, изобилующими ржавыми пятнами и пропластками. Гранулометрический состав вмещающих осадков свидетельствует об очень малых скоростях, формировавших их поток. Каменная индустрия в этих мелкоземных отложениях не имеет следов окатанности. Отмечены следы зольных остатков на поверхности отдельных орудий, нуклеусов и отщепов. Все это достаточно убедительно свидетельствует о различных скоростях осадконакопления толщи в целом. Кратковременные действия быстрых селевых потоков сменялись продолжительными интервалами времени, когда аккумуляровались мелкоземные осадки. Скапливавшиеся в них предметы хозяйственной деятельности человека, как известно, отличаются значительными размерами, предполагать их перемещение водой не обоснованно, так как это могло быть только при очень больших скоростях потока. При этом плановое размещение культурных горизонтов менялось в зависимости от размера затопления водами родника. Следовательно, предметы каменной индустрии не переносились селевыми потоками, а скапливались лишь в промежутках между ними, то есть они не переотложены, а залегают во вмещающих породах *in situ*. Такие же процессы осадконакопления и формирования культурных горизонтов поселения Кульбулак прослеживаются и в позднечетвертичное время — Q_{III} . Осадки этого возраста преимущественно пролювиально-делювиальные, со следами существования в пределах раскопа спорадически меняющего свои размеры водоема. Вскрыты они шурфами 1, 2 и 3 (1975—1976 гг.). В раскопах поселения на глубине от 0,4 до 1,1 м от поверхности, вблизи бывшего родника и образовавшегося вокруг него озера, выделено два позднемустьерских (V—IV) и три позднепалеолитических (III—I) культурных горизонтов. Первые два расположены в толще ранней фазы аккумуляции голодностепского комплекса — Q_{III}^1 , а последние три — в осадках поздней фазы того же комплекса — Q_{III}^2 .

В перекрывающих разрез осадках абайской террасы раннеголоценового возраста на расстоянии 0,1—0,5 м от поверхности встречены единичные переотложенные каменные предметы.

В позднечетвертичных отложениях голодностепского комплекса предметы каменной индустрии размещаются в мелкоземных отложениях, характеризующихся гумусированностью культурных слоев зольными, а местами угольными линзами.

Характерно, что культурные горизонты на востоке раскопа заканчиваются в 9—10 м от правого склона Джарсай. В осадках, вскрытых траншеей, продолженной далее на восток по правому борту сая, и на ее продолжении в заданном шурфе 5, на его первой надпойменной террасе, каменные орудия встречены лишь в единичных экземплярах и разного возраста.

В борту под делювием склона вскрыты лессовидные среднечетвертичные отложения ранней фазы ташкентского комплекса (рис. 4), прослеженные на большую мощность в шурфе 3 (1967—1972 гг.).

Боковая эрозия при формировании долины Джарсай — левого притока Кызылалмасай — на протяжении всей эволюции этой долины не достигала культурных горизонтов. Размыв и форми-

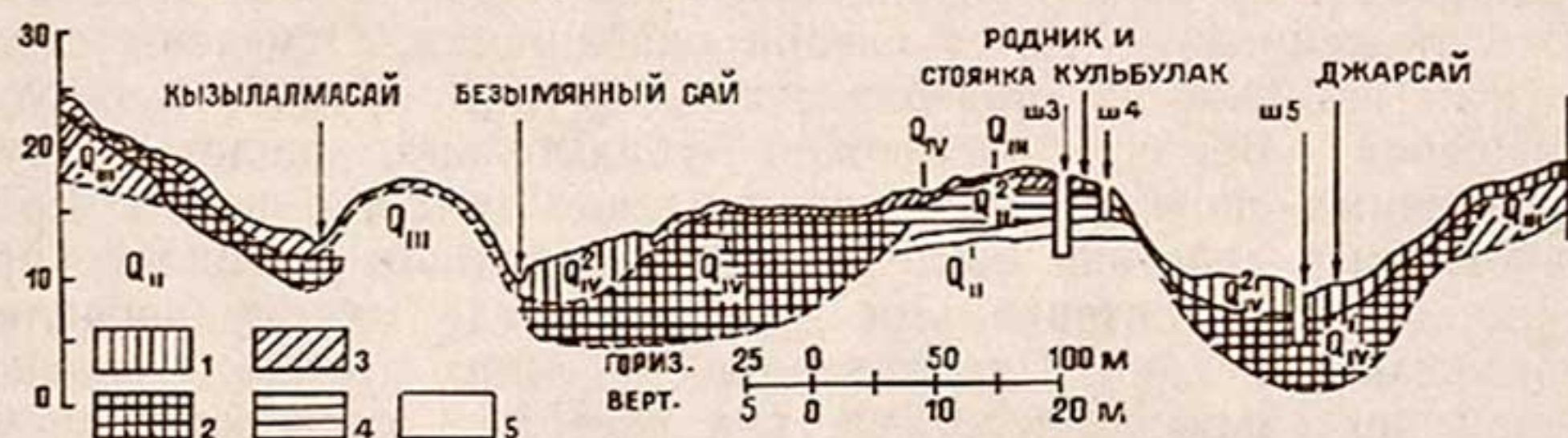

Рис. 4. Поперечный разрез (через Джарсай, поселение Кульбулак, Безымянный сай и Кызылалмасай) по линии В—Г:

1—современный почвенный горизонт и позднеголоценовые отложения; 2—раннеголоценовые отложения; 3—позднечетвертичные отложения; 4—позднесреднечетвертичные отложения; 5—раннесреднечетвертичные отложения.

рование сая осуществлялись за пределами площадки, где обитал древний человек.

Результаты наших многолетних исследований поселения и его окрестностей не совпадают с выводами С. А. Несмеянова и В. А. Ранова о генезисе культурных горизонтов Кульбулака¹⁴. Их утверждения о «выплескивании селевых масс Джарсаем и о переотложении культурных слоев» не подтверждаются фактическими данными и противоречат элементарным условиям осадконакопления. Это объясняется, видимо, кратковременностью наблюдений и поспешностью заключения В. А. Ранова и С. А. Несмеянова.

Можно спорить о деталях стратиграфического расчленения, так как четвертичные отложения этого района еще бедны пале-

¹⁴ Ранов В. А., Несмеянов С. А. Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии. Душанбе, 1973, с. 92—94; Они же. Совещание по каменному веку Средней Азии.— БКПИЧП, № 41. М., 1974, с. 187—194 и др.

онтологическими данными, но крупные стратиграфические подразделения и генезис стоянки Кульбулак достаточно достоверны. Приведенные выше сведения опираются на многочисленные данные как по описываемому району, так и за его пределами.

Подводя итоги, следует отметить, что материалы, полученные в результате стационарного исследования стоянки Кульбулак, представляют исключительный интерес не только для палеолитоведения, но и для четвертичной геологии. Это уникальное местонахождение несет богатую информацию в комплексе обоснования стратиграфической характеристики четвертичных отложений не только этого района. Оно также утверждает достоверность палеогеографической реконструкции одного из весьма перспективных в народнохозяйственном отношении районов Средней Азии — долины Ахангарана и Приташкентского района в целом.

Б. АБДУЛЛАЕВ

НОВЫЕ ДАННЫЕ О КУЛЬТУРЕ САПАЛЛИ

Шерабадский археологический отряд АН УзССР, возглавляемый А. Аскарковым, в 1973—1977 гг. провел обширную работу по исследованию грунтового могильника Джаркутан 4а, расположенного на территории колхоза им. В. И. Ленина Шерабадского района Сурхандарьинской области¹. За восемь полевых сезонов на площади могильника была вскрыта 731 могила, давшая богатый археологический и палеоантропологический материал, комплексное изучение которого позволит осветить самые ранние этапы этнической истории народов Средней Азии. Благодаря чрезвычайно богатому и разнообразному материалу из могильника Джаркутан 4а можно проследить последовательное изменение и внутреннее развитие древнеземледельческого населения в эпоху поздней бронзы и изучить на их базе местный древний пласт раннегородских культур на юге Узбекистана.

Предварительный анализ археологических материалов могильника позволил выделить два хронологических периода в эпоху поздней бронзы². Наиболее ранний комплекс могильника назван джаркутанским, а поздний — молалинским³.

Детальный анализ материалов полностью раскопанного могильника Джаркутан 4а не только подтвердил первичную периодизацию культуры Сапалли, но и позволил расчленить комплекс завершающего этапа на две хронологические стадии — кузалинскую и молалинскую.

В хронологической шкале могильника кузалинская стадия культуры соответствует переходному этапу от джаркутанского к молалинскому. В настоящее время расчленение молалинского этапа культуры на две стадии подтверждается многими фактами. Это прежде всего прослеживается в погребальном обряде. Как известно, при определении хронологии комплекса важную роль

¹ Аскарков А. Новый памятник эпохи бронзы на территории Северной Бактрии.— АО. 1974. М., с. 496—497; Абдуллаев Б. Новый памятник эпохи бронзы на юге Узбекистана.— ОНУ, 1977, № 1, с. 33—38.

² Аскарков А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977, с. 48—49; Абдуллаев Б. Указ. раб.

³ Аскарков А. Древнеземледельческая культура..., с. 46—127.

играют стратиграфия захоронений, ориентировка скелета и сопровождающий его инвентарь.

В культуре Сапалли на всех ее этапах покойные уложены в могилу на бок, в скорченном положении (женщины на левом, мужчины на правом боку). Такой обряд погребения был широко распространен и по всей территории культур степной бронзы Средней Азии, Казахстана, Приуралья, в зонах срубной культуры Поволжья и Северного Причерноморья, а также среди высокоразвитых древнеземледельческих культур Древнего Востока. Для более поздних периодов он зафиксирован на различных территориях Евразии.

Несмотря на общность погребального обряда, связанного со скорченным положением костяков на обширном географическом пространстве, устанавливаются различия в ориентировке скелетов в погребениях. Их можно объяснить как хронологической разновременностью, так и местными традициями и ритуалами древних обществ. К примеру, если на сапаллинском этапе скелеты были ориентированы головой в основном на север, то на джаркутанском — на север и северо-запад, а на кузалинском преобладает западная ориентировка. На последнем, молалинском этапе, погребенные уложены головой на юго-запад.

Хронологическая разновременность могил четко прослеживается и по их стратиграфии. В процессе раскопок часто встречаются ранние могилы, расположенные под могилами позднего периода.

Таким образом, археологический материал трех этапов существования могильника Джаркутан четко отличается друг от друга как по ориентировке скелетов и стратиграфии захоронений, так и по погребальному инвентарю, что указывает на их разновременность.

Исходя из вышеизложенного, молалинский этап мы расчленили на две хронологические стадии: кузалинскую и молалинскую. В настоящее время исследование этого своеобразного, впервые выделенного комплекса кузалинского этапа культуры Сапалли находится еще на начальном этапе. Несмотря на это, богатый археологический материал, полученный в ходе раскопок на могильнике Джаркутан, дает основание установить его хронологическое место в культурной системе древнеземледельческих племен, некогда входивших в состав Древней Бактрии — одного из центров древнегородской цивилизации Востока. Для решения этого важного вопроса мы располагаем материалами 161 захоронения с богатым погребальным инвентарем. Из них 115 погребений принадлежит взрослым мужчинам и женщинам, 46 могил — детским захоронениям. Парных погребений среди могил кузалинского этапа не обнаружено.

Если в джаркутанском периоде в детских могилах ставили от одного до трех глиняных сосудов, то на кузалинском этапе количество сосудов достигает семи экземпляров. Погребальный инвентарь детских могил обычно состоял из мелких сосудов, но на

кузалинском этапе встречались и большие глиняные сосуды. Например, в могиле № 51 находилось пять больших сосудов. Из них две вазы, два горшка и один банкообразный сосуд. В могиле № 281 — семь крупных сосудов, в том числе три вазы, два кувшина и два горшка, что не характерно для детских погребений.

При исследовании детских погребений джаркутанского периода ни в одном случае не были обнаружены металлические предметы, в то время как на кузалинском этапе в отдельных женских могилах были найдены и металлические изделия. Так, в детской могиле № 51, кроме глиняных сосудов, находился и бронзовый вотивный нож, а в могиле № 112 была обнаружена золотая сережка. Ориентировка и положение детских скелетов ничем не отличаются от взрослых — в скорченном положении, на боку; мальчики на правом, девочки на левом.

Отсюда можно сделать вывод, что на кузалинском этапе особое значение стали придавать и ритуалу детских захоронений, о чем свидетельствует наличие в отдельных детских могилах предметов из металла и сосудов больших размеров, чего не наблюдалось на предыдущих этапах культуры Сапалли.

Если раньше при погребении детей не придавалось особого значения ориентации скелета, то, начиная с кузалинского периода, детей хоронили строго по ориентации взрослых.

Много кенотафов и на кузалинском этапе. В 15 могилах этого периода не были обнаружены скелеты погребенных в то время, как погребальный инвентарь этих могил доходил до нас нетронутым кладонскателями. В них встречались от 2 до 11 глиняных сосудов, в отдельных могилах — металлические предметы и кости барана.

Погребенные кузалинского этапа лежат на боку, в скорченном положении; мужчины на правом, женщины на левом. Лишь в двух случаях (мог. №№ 407, 641) скелеты лежали на спине с поднятыми коленями. Большинство могил кузалинского этапа было ограблено, кости скелетов разрушены и разбросаны, и только в 42 погребениях удалось установить анатомический порядок скелетов.

В 20 могилах погребенные лежали головой на запад, в пяти — на восток, в четырех — на юго-запад, в двух — на северо-запад, в трех — на северо-восток, в двух — на юго-восток и еще в шести — на юг. Если господствующей ориентацией скелетов в джаркутанском периоде была северная и северо-западная, то в кузалинском — в основном западная.

Особенностью кузалинского этапа является также резкое сокращение в могилах погребального инвентаря и строгая стандартизация ритуальных сосудов, а также появление в могилах вотивных предметов параллельно с предметами бытового и производственного назначения. В 22 погребениях были найдены различные бронзовые изделия: ножи, кинжалы, шпильки, лопаточ-

ки, серьги и браслеты. В одном случае обнаружена золотая серьга. В двух могилах встретились бронзовые шпильки и лопаточки и в одной мужской могиле найден бронзовый браслет тазабагябского типа. В 15 мужских могилах и в одной женской имелись разнообразные вотивные ножи и кинжалы, в двух мужских — восемь кремневых наконечников стрел. Из 22 могил, где были обнаружены бронзовые предметы, лишь пять принадлежали жен-

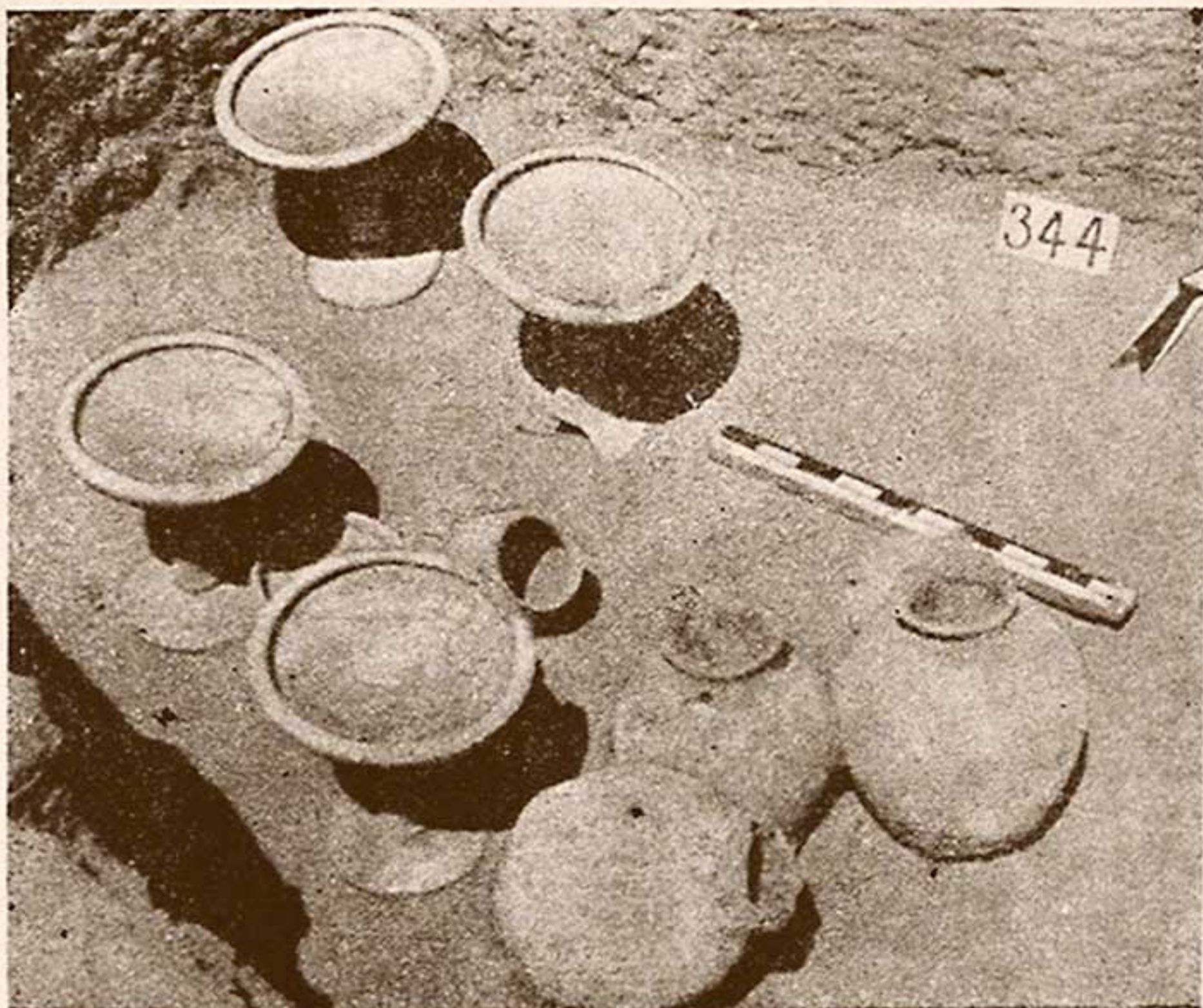

Рис. 1. Общий вид могилы № 344.

щинам, остальные — мужчинам, что указывает на увеличение количества мужских могил с металлическими изделиями на кузалинском этапе культуры Сапалли.

Особого внимания заслуживает в погребальном ритуале жертвоприношение животных — в могилу клали определенные части тушки — лопатку, задние ноги и ребра молодого барана.

Устройство могил на кузалинском этапе, как и в предыдущих периодах, в основном было подбойно-катакомбное (рис. 1).

Расположение погребального инвентаря в могилах таково: глиняные сосуды находятся у головы и ног погребенного. Сосуды в кенотафах ставились в одной половине ямы или под одной из стенок погребальной камеры. При этом большой участок погребальной камеры всегда оставался пустым.

В могилах редко встречались украшения и предметы женско-

го туалета. В мужских погребениях часто находили votivные бронзовые изделия, в то время как из могил исчезали бытовые орудия труда и каменные бусы. В целом погребальный инвентарь кузалинского этапа беднее джаркутанского.

Основная часть археологического материала кузалинского комплекса могильника Джаркутан — керамика. Она состоит исключительно из парадно-столовой посуды, изготовленной на гончарном круге быстрого вращения. Вся посуда изысканных форм, правильных пропорций. Обжиг сосудов высокого качества, чере-

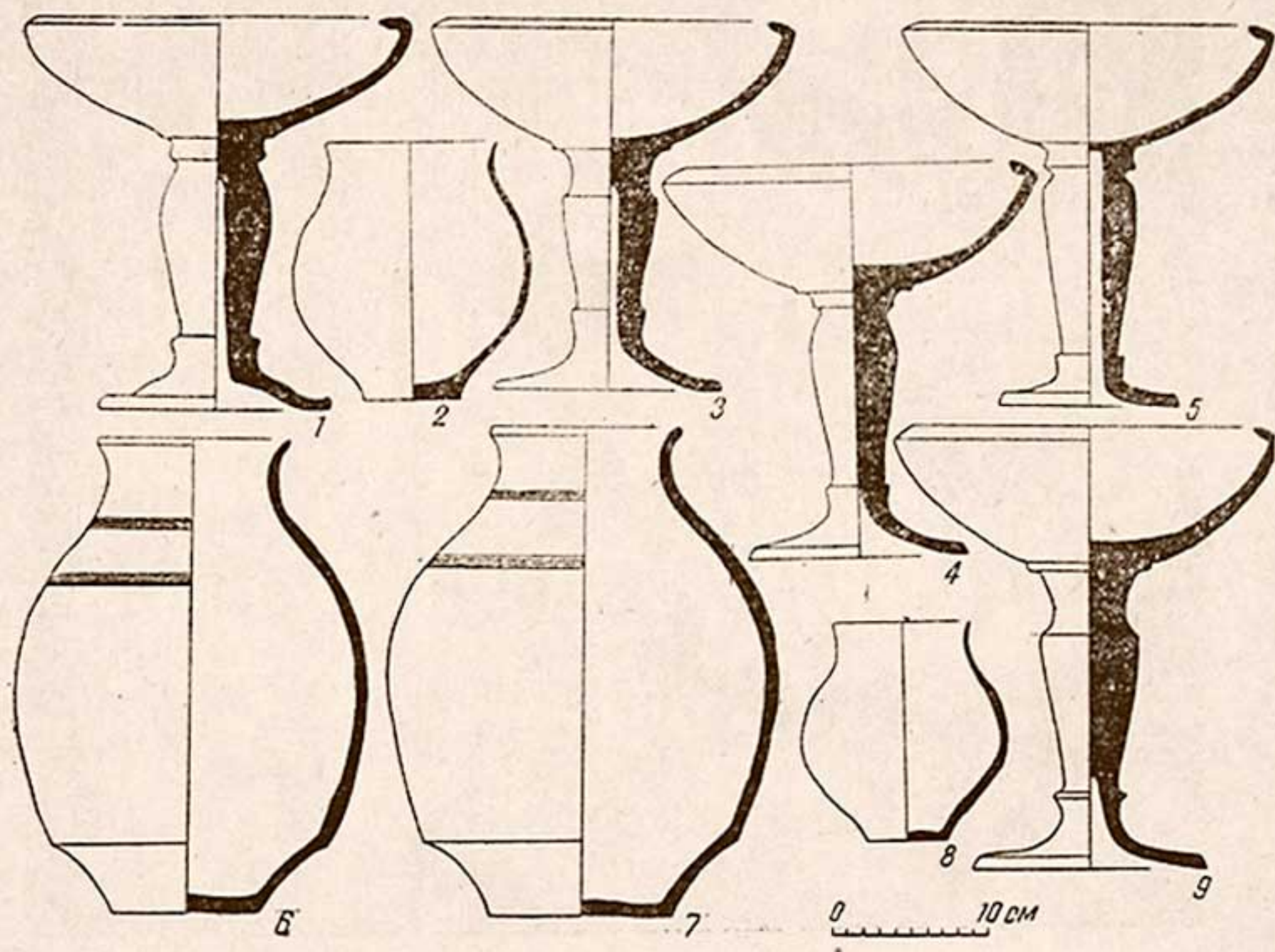

Рис. 2. Керамика кузалинского этапа культуры Сапалли:

1, 3—мог. 51; 2, 4—9—мог. 42.

пок в изломе кирпичного цвета. Снаружи большая часть сосудов покрыта густым слоем светлого ангоба. В этот период в погребальном инвентаре могил исчезают лепные и сероглиняные сосуды.

Все типы сосудов кузалинского этапа по пропорциям и оформлению резко отличаются от джаркутанских. Например, конические сосуды, чайники с носиками, хумчи, кубки, вазообразные чаши, чаши со сливом, плоские блюда, типичные для керамики джаркутанского этапа, исчезают из кузалинской керамики. Появляются разнообразных вариантов вазы на высокой массивной ножке, кувшины с широкими высокими горлами, горшки на поддоне и миски (рис. 2). Ножки ваз имеют балясинообразную форму с круглым плоским основанием. На плечики отдельных кув-

чинов нанесены параллельные горизонтальные линии, иногда внутри линий — зигзаг (рис. 2, 1, 3, 4).

Количество форм керамики кузалинского этапа по сравнению с формами керамики предыдущих периодов сокращается, сосуды приобретают стандартную форму, правильные пропорции, параметры их колеблются в незначительных пределах, что, видимо, связано с выделением из основной массы рядовых общинников керамистов-профессионалов.

Для установления хронологических рамок кузалинского этапа имеются вазы на высокой ножке, кувшины, миски, горшки и банкообразные сосуды. Среди них особый интерес представляют вазы на высокой массивной балясинообразной ножке с плоским основанием, с загнутым вовнутрь под острым углом краем венчика (рис. 2, 1, 3, 5, 9). Подобной формы вазы, за исключением одного экземпляра, найдены на поселении Тахирбай 3 в Мургабском оазисе Южного Туркменистана⁴. В комплексе керамики поселения Тахирбай 3 часто встречаются кувшины с процарапанным орнаментом на плечиках в виде чередующихся прямых и зигзагообразных кольцевых линий⁵.

Кувшины с процарапанным орнаментом на плечике являются также характерным признаком керамики кузалинского этапа культуры Сапалли (рис. 2, 6, 7). Тахирбайские кувшины с процарапанным орнаментом в отличие от кузалинских в основном имеют низкую горловину и менее отогнутый наружу венчик, что не характерно для керамики кузалинского этапа. Кувшины этапа Кузали более стройные, с вытянутым и высоким горлом, развернутым венчиком. В составе погребального инвентаря могил кузалинского этапа отмечены кувшины, покрытые густым слоем белого ангоба, с низким, слегка выделенным горлом, согнутым округлым венчиком, сферическим туловом и со скошенной придонной частью, которая свойственна для раннего этапа культуры Сапалли⁶, Дашли 1, 3⁷, Аучиндепе и Тахирбай 3⁸.

В комплексе кузалинской керамики также встречаются вазы на невысокой полый ножке и с овально загнутым во внутрь краем венчика. Подобной формы вазы найдены и в керамике Тахирбай 3⁹. Единственное отличие от последних — при переходе от ствола ножки к тулову имеется ярко выраженный валик.

⁴ Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы. — МИА. Вып. 73, табл. VII, 10. М.—Л., 1959.

⁵ Массон В. М. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина. — Труды ЮТАКЭ. Т. VII, табл. XXXVIII, 5, 6. Ашхабад, 1956; Он же. Древнеземледельческая культура... Табл. VI, 1, 2, 3, 5—7, 9, 11.

⁶ Аскаров А. Древнеземледельческая культура... Табл. XXI, 5, 9, 10, 13, 16.

⁷ Сариянди В. И. Исследование памятников Дашлинского оазиса. — В сб.: Древняя Бактрия. М., 1976, рис. 17, 4, 5; рис. 33, 19; рис. 34, 24, 25; рис. 40, 8; Он же. Древние земледельцы Афганистана. М., 1977, рис. 5, 8.

⁸ Массон В. М. Древнеземледельческая культура... Табл. I 9; табл. II, 8; табл. V 1; табл. X, 7.

⁹ Там же, табл. VII, 1; табл. X, 4.

Банки, тулово которых имеет в нижней части округлые очертания, переходящие в усеченный конус, также находят аналогии в керамике Аучиндепе и Тахирбая 3¹⁰.

Таким образом, приведенные сопоставления свидетельствуют о том, что керамика кузалинского этапа имеет некоторые аналогии в комплексах Тахирбая 3 Мургабского оазиса Южного Туркменистана. Вазы на балясинообразной массивной ножке с мелкими, широко открытыми резервуарами (рис. 2, 1, 3, 5, 9) кузалинского этапа находят близкие аналогии с керамикой памятников Северо-Западной Индии, особенно постхараппской культуры долины Инда. Например, аналогичные вазы широко представлены в керамике Моханджо-Даро¹¹ и Хараппы¹². Подобной формы вазы встречаются также в комплексе постхараппской культуры Чанху-Даро¹³.

Одна из характерных форм керамики кузалинского этапа могильника Джаркутан — кувшины с высоким горлом, развернутым венчиком и подкошенным дном (рис. 2, 6, 7). Подобные формы кувшинов характерны для постхараппской культуры долины Инда¹⁴. Кувшины Хараппы и Чанху-Даро в отличие от кувшинов кузалинского этапа оформлены без скошенной придонной части. Близкие параллели между керамикой кузалинского этапа и культуры Хараппы отмечаются и в других формах сосудов. Например, миски на плоском узком поддоне, кувшины малых размеров с развернутым венчиком и банкообразные сосуды характерны для керамики обеих групп памятников¹⁵, что свидетельствует о влиянии древнегородской цивилизации долины Инда на развитие комплекса кузалинского этапа культуры Сапалли.

Территориально наиболее близкие аналогии обнаруживаются в керамике памятников скотоводческого населения Бишкентской и Вахшской долин Таджикистана.

Основная масса керамики раннетулхарского могильника состоит из лепных горшков, мисок и цилиндрических сосудов. Однако среди этих сосудов встречаются высококачественные станковые глиняные сосуды¹⁶, не отличающиеся от мисок и горшков куза-

¹⁰ Там же. Табл. I, 6; табл. VII, 13.

¹¹ Mackay E. Further Excavations of Mahenja-doro, New-Dehli, 1937, pl. LII, 29, 34; LX, 13; LXV, 35; LXVI, 52.

¹² Vats M. S. Excavations of Harappa New, Peht, 1940, pl. XXIV, 7; XX, 6, 10—14; LXXII, 7—10.

¹³ Mackay E. Chanhy-Daro Excavations 1935—1936. Neha Haven Canneticut, 1943, pl. XXV, 1, 7, 19, 21, 27; XLI, 20, 22.

¹⁴ Vats M. S. Op. cit., pl. LXX, 23, 29; LXXI, 36, 52; Mackay E. Chanhy-Daro..., pl. XXVI, 71; XLI, 29, 41.

¹⁵ Mackay E. Further Excavations of Mahenja-doro..., pl. LII, 10, 22, 37; LIII, 6, 24, 32; LVI, 29, 37, 47—49; LX, 25—30, 37, 39; LXI, 23—28; 51—68; LXIV, 17, 52—55; Ibid. Chanhy-Daro Excavations 1935—1936..., pl. XXVI, 74—91; XXVII, 1—9; XXVIII, 3, 12, 19, 23, 24, 35, 50.

¹⁶ Мандельштам А. М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане.—МИА. Вып. 145. Л., 1968, табл. XII, 6—8; XIII, 1—5; XIV, 1—7; XVIII, 1, 5.

линского этапа, что свидетельствует не только об их хронологической одновременности, но и о тесных культурных связях между древнеземледельческими и пастушеско-скотоводческими племенами, обитавшими здесь в эпоху поздней бронзы.

Для датировки комплекса кузалинского этапа большое значение имеет исследованный Б. А. Литвинским могильник Тигровая Балка в долине Вахша. Несмотря на то, что керамика этого могильника лепная, тем не менее прослеживается сходство в ряде ее форм с кузалинской керамикой. Например, горшки на поддоне, миски с плоским дном, высокогорлые кувшины с прочерченным орнаментом и биконические сосуды характерны для обоих комплексов¹⁷.

Таким образом, проводя типологическую синхронизацию погребального инвентаря кузалинского этапа культуры Сапалли с материалами других синхронных памятников, отметим, что комплекс материалов кузалинского этапа наиболее близок комплексам Тахирбай 3 Мургабского оазиса Южной Туркмении, могильникам раннего Тулхара и Тигровой Балки Бишкентской и Вахшской долин, юго-западных районов Таджикистана, а также комплексам постхараппской культуры долины Инда, датируемым концом третьей — началом четвертой четверти II тысячелетия до н. э. Исходя из этих данных, комплекс кузалинского этапа культуры Сапалли можно отнести к XIII—XII вв. до н. э.

Итак, исследование могильника Джаркутан 4а показало, что за весь период функционирования некрополя в конструкции могил существенных изменений не произошло. На всех этапах положение скелетов скорченное, на боку (мужчины на правом, женщины на левом). Кроме того, сохранение прежних традиций погребального обряда, гончарное производство, жертвоприношение животных позволяют рассматривать кузалинский комплекс как новый этап развития культуры Сапалли. Однако заметные изменения произошли в погребальном ритуале, в частности, в ориентации скелетов и в составе погребального инвентаря.

Количество погребального инвентаря в могилах резко сокращается, редки украшения и предметы женского туалета из металла. В этот период наблюдается постепенное обеднение женских захоронений: уменьшается количество керамических изделий, украшений, металлических предметов при одновременном обогащении мужских захоронений. На кузалинском этапе число изделий из металла резко увеличивается в мужских могилах, что свидетельствует об укреплении положения мужчины в обществе. Металлические предметы, в первую очередь орудия труда и оружие, постепенно переходят от натуральных форм в имитацию.

Заметно уменьшается количество металлических украшений. Этот факт объясняется, по-видимому, тем, что в связи с неуклон-

¹⁷ Литвинский Б. А. Таджикистан и Индия.— В кн.: Индия в древности. М., 1964, с. 157—158; Пьянкова Л. Т. Могильник эпохи бронзы Тигровая балка.— СА, 1979, № 3, с. 165—180.

ным развитием общества потребность в металлических изделиях постоянно возрастала, поэтому в могилы последних этапов культуры Сапалли вместо подлинных изделий клали лишь votивные бронзовые образцы, соблюдая тем самым древнюю традицию погребального ритуала.

Керамическое производство кузалинского этапа достигло подлинного расцвета, о чем свидетельствует высокое качество изготовления сосудов, изящество и определенная стандартизация форм керамики. Усовершенствование гончарных печей, применение гончарного круга быстрого вращения и новая технология обжига требовали большого практического опыта, что было свойственно лишь профессиональным мастерам-керамистам.

Появление столь высокопроизводительного специализированного производства было связано с профессиональной организацией труда и окончательным обособлением кустарного ремесла. Можно предполагать, что к этому времени гончарные печи не только обеспечивали внутренний спрос населения, но и изготавливали продукцию для внешнего рынка.

Наряду с керамическим производством высокого уровня развития достигли металлообработка и металлургия. Бронза остается для этого периода основным сырьем. Все изделия из бронзы характеризуются точностью и тщательностью обработки. Металлургия пользуется особым вниманием общества, испытывавшего постоянную потребность в изделиях из металла, поэтому данная сфера деятельности человека с самых первых шагов пошла по пути профессионального обособления.

У. РАХМАНОВ

ЗООМОРФНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ НА КЕРАМИКЕ ПАМЯТНИКА ЭПОХИ БРОНЗЫ БУСТАН 4

В течение многих лет Шерабадский археологический отряд Института археологии АН УзССР ведет исследовательские работы на памятниках эпохи бронзы древнего историко-культурного региона — Северной Бактрии. В результате археологических раскопок и исследований выявлено много памятников, относящихся к древнеземледельческой культуре эпохи бронзы. Один из них — Бустан 4, входящий в состав бустансайской группы памятников.

Летом 1977 г. нами были проведены раскопки керамических горнов на данном памятнике¹. Всего в Бустане 4 раскопано 6 керамических горнов и 6 ям для отвала золы, шлака и бракованной керамики. При раскопках найден богатый керамический материал, целиком относящийся к джаркутанскому этапу культуры Сапалли, который датируется XV—XIV вв. до н. э.² Среди этой многочисленной керамики выделяются три фрагмента трех сосудов с зооморфными изображениями.

1. Фрагмент венчика кубка (рис. 1). На поверхности кубка в центральной части его тулова изображены шагающие олени (бухарские?). Но на найденном черепке сохранилось только изображение головы одного оленя с ветвистыми рогами и следы от крупа другого. Венчик оформлен снизу слитными равнобедренными треугольниками, вершины которых опущены вниз. Изображения животных и треугольники выпуклые, с четкими подрезанными краями. Фон, видимо, выскабливался, а затем подвергался обработке — заглаживанию. Кубок имел тулово округлой формы, стенки его плавно сужались к венчику. Затупленный край венчика также плавно выгнут наружу. Диаметр венчика — 17 см. Черепок в изломе кремового цвета. Обжиг хороший. Сосуды подобной формы довольно широко представлены в керамических комплексах памятников культуры Сапалли³.

¹ Рахманов У. Раскопки керамических горнов культуры Сапалли на Бустан 4. — В сб.: ИМКУ. Вып. 15. Ташкент, 1979.

² Аскаров А. А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977, с. 90—101.

³ Абдуллаев Б. Новый памятник эпохи бронзы на юге Узбекистана. — ОНУ, 1977, № 1, с. 33—38; Аскаров А. А. Древнеземледельческая культура..., с. 82.

2. Фрагмент керамической подставки, на поверхности которого изображена процарапанная контурная фигура быка (рис. 2а). Изображение схематическое, перевернутое. Фигура быка передана округлыми линиями, тулово имеет почти круглую форму. Узкая морда увенчана двумя прямыми рогами и сильно опущена вниз, хвост плавно поднят вверх. Видимо, художник хотел передать облик животного в момент его возбуждения.

3. Фрагмент миски конической формы. На нем процарапана фигура быка, перевернутого навзничь. Изображение схематичное (рис. 2б). Хребет животного показан прямым. Голова быка с двумя прямыми рогами находится в горизонтальном положении. Скорее всего облик животного передан в момент движения.

Традиции нанесения на керамику зооморфных изображений имеют древние корни. Это связано с огромным влиянием животного мира на жизнь человека. Животные играли значительную роль в духовной жизни древнего общества. Это явилось одной

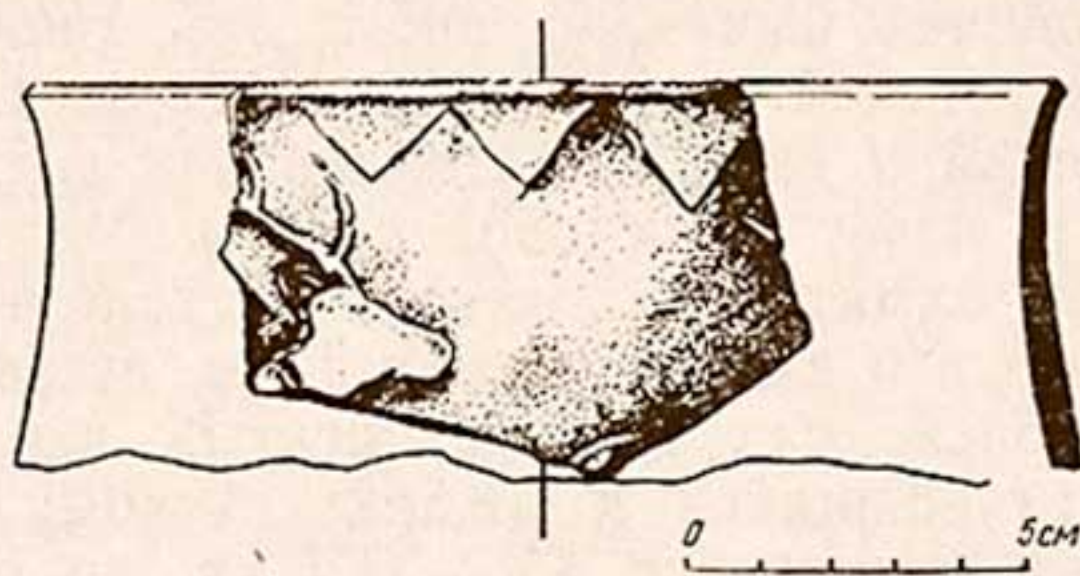

Рис. 1. Фрагмент венчика кубка.

из причин возникновения тотемизма. На территории Средней Азии зооморфные изображения появились на памятниках древнеземледельческих культур еще в эпоху энеолита. В Южной Туркмении на керамике этой эпохи имеется довольно значительное количество изображений козлов, барсов. Г. А. Пугаченкова⁴ отмечает, что вхождение животных как символов тотемизма в духовную жизнь общества приводит к тому, что зооморфные образы постепенно выходят из сферы реального восприятия. Они становятся уже объектами ритуальных обрядов. Вследствие этого изображения стилизуются. Орнаментирование керамической посуды, в том числе и зооморфными изображениями, было прервано в связи с возникновением потребности древнего общества в производстве ремесленной продукции в массовом количестве. Ко времени Намазга V исключительно вся керамика древних земледельцев изготовлялась на гончарном круге. Для керамики эпохи развитой и поздней бронзы характерно полное отсутствие орнаментации, в том числе и зооморфной. Но сохранившиеся в духовной жизни тотемистические образы проявляются уже в несколько другом аспекте. Например, при раскопках Сапаллитепа

⁴ Пугаченкова Г. А. Искусство Туркменистана. М., 1967, с. 22.

А. А. Аскарковым⁵ было найдено несколько бронзовых и каменных печатей с изображениями животных и птиц. Бронзовая печать с изображением орла обнаружена при раскопках могил джаркутанского этапа на могильнике Джаркутан 4⁶. Печать с изображением быка найдена на территории Южной Бактрии⁷.

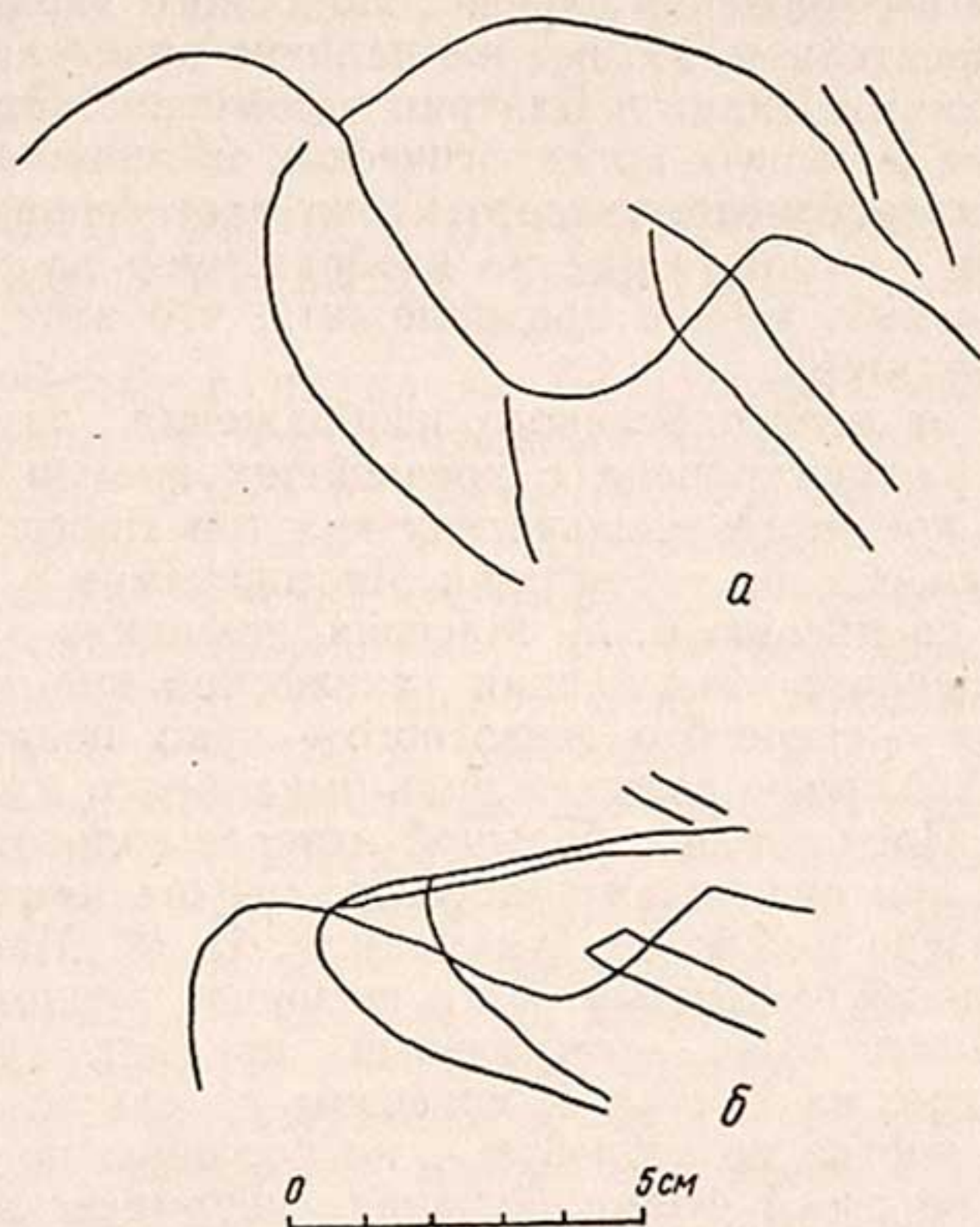

Рис. 2. Изображения быка на фрагментах керамики:

a—фрагмент керамической подставки; *б*—фрагмент конической формы.

Изображение оленя на керамике совершенно не характерно для Средней Азии, как и вообще для Востока. Техника нанесения его на сосуд довольно своеобразна. Интересен сам факт использования подобного рисунка и изобразительной техники при оформлении сосуда-кубка — наиболее распространенного вида керамики раннего Джаркутана. Изображение оленей на фрагменте кубка находит довольно относительные аналогии на памятниках древнеземледельческих культур Декана (Центральная Индия). На сосуде, найденном в Даймабаде, изображены олени и человек. Изображения расположены в виде фриза, схематичны,

⁵ Аскар А. А. Сапаллитепа. Ташкент, 1973, с. 78.

⁶ Аскар А. А. Древнеземледельческая культура..., с. 84.

⁷ Сариниди В. И. Древние земледельцы Афганистана. М., 1977, с. 90—93.

но довольно полно передают все характерные особенности фигур. Этот сосуд относится к III фазе Даймабада, которую, по мнению А. Я. Щетенко, можно датировать серединой II тысячелетия до н. э. Изображения нанесены черной краской по красному фону. На керамике, найденной на памятниках Невасе и Навдотили, также имеются изображения оленей⁸. Подобного характера аналогии весьма относительны. Но все же наличие определенных связей между памятниками Индии и Бактрии несомненно. Эти связи прослеживаются на основных археологических материалах.

Уникальность рассматриваемого кубка дает основание считать его ритуальным сосудом. Судя по изображению на сосуде именно диких животных, можно предположить, что этот ритуал был охотничьего характера.

В отличие от вышеописанного изображения тема букrania была широко распространена с древнейших времен. В прикладном искусстве древнеземледельческих культур Востока образ быка был известен еще на территории Месопотамии в V тысячелетии до н. э. и, по мнению В. М. Массона, возможно даже являлся символом племенного объединения (халафской культуры)⁹.

Образ быка — свирепого животного — ярко показан в эпосе о Гильгамеше¹⁰. Хорошо известна роль быка Аписа в религии Древнего Египта¹¹. Представляет большой интерес золотая голова быка, найденная при раскопках культового центра памятника эпохи бронзы Алтындепе в Южной Туркмении¹². В. М. Массон предполагает, что данный культовый центр посвящен лунному божеству.

Золотая голова быка — ритуальный предмет. Изображения быков, найденные на Бустан 4, нанесены на самую обычную керамику, даже иногда не столовую — на большую подставку. Точно такая же по своей форме большая керамическая подставка была найдена в слоях Намазга V на Алтындепе¹³. Аналогичное изображение быка нанесено на внутреннюю сторону подставки. Поскольку эти подставки, несомненно, использовались под котлы с пищей, изображения быков, видимо, являлись оберегами.

Фрагменты керамики с изображениями животных, найденные на Бустан 4, позволили сделать следующие выводы. Носители культуры Сапалли имели достаточно четко сформулированные религиозные взгляды тотемистического характера. Судя по имеющимся данным, духовные представления населения Сапалли были тесно связаны с аналогичными представлениями древнеземледельческих обществ эпохи бронзы других областей.

⁸ Щетенко А. Я. Древнейшие земледельческие культуры Декана. Л., 1968, с. 114, рис. 35.

⁹ Массон В. М. Средняя Азия и древний Восток. М.—Л., 1964, с. 366.

¹⁰ Эпос о Гильгамеше. М., 1961, с. 43.

¹¹ Культура древнего Египта. М., 1976, с. 190.

¹² Массон В. М. Раскопки погребального комплекса на Алтындепе. — СА, 1974, № 4, с. 3—22.

¹³ Массон В. М. Протогородская цивилизация в Средней Азии. — СА, 1967, № 3, с. 165—190.

К. САБИРОВ

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К ИЗУЧЕНИЮ УКРЕПЛЕНИЙ КУШАНСКОГО ВРЕМЕНИ. ГОРОДИЩЕ ХАЙРАБАДТЕПА

Археологическая разведка на территории Северной Бактрии привела к открытию многочисленных археологических памятников разных эпох¹. Одной из задач Бактрийской экспедиции Института археологии АН УзССР, исследовавшей городской центр Зартепа, являлось изучение кушанской фортификации. Были изучены мощные крепостные стены с внутренним коридором, овальными башнями высотой 7 м при толщине у основания 10 м. Диаметр каждой башни — 8,50 м, расстояние между ними — 34 м².

Исследования оборонительных сооружений проводились не только в крупных городских центрах, но и в сельских округах Северной Бактрии: в частности в Шортепа³, Мирзакултепа⁴ и Кумтепа⁵, где были изучены крепостные стены, башни, бойницы. На основе археологических данных выявлены две группы оборонительных сооружений: городская и сельская.

Для широкого распознавания приемов и техники возведения оборонительных сооружений мелких поселений кушанского времени значительный интерес представляет городище Хайрабадтепа. Оно расположено в 1 км к юго-западу от г. Ангора, в 30 км к северо-западу от г. Термеза. Хайрабадтепа имеет прямоугольные в плане очертания с небольшим отклонением к западу. Общая площадь 1,5 га. Поселение со всех сторон окружали крепостные стены, высота которых достигала 5—7 м. В южном углу расположена цитадель, имеющая квадратную форму. Она отделена от поселения незастроенным участком. Ширина цитадели — 10 м, высота — около 8—10 м.

Конкретные данные о городище Хайрабадтепа были получены в послевоенные годы, когда проводилась археологическая развед-

¹ Ртвеладзе Э. В. Разведочное изучение бактрийских памятников на юге Узбекистана.— В кн.: Древняя Бактрия. Л., 1974, с. 74—85.

² Сабиров К. С. Кушанская фортификация в свете раскопок на городище Зар-тепе.— В кн.: Бактрийские древности. Л., 1976, с. 46—51.

³ Пугаченкова Г. А. Новые данные о художественной культуре Бактрии.— В кн.: Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973.

⁴ Пидяев Ш. Р. Поселения кушанского времени Северной Бактрии. Автореф. канд. дисс. Л., 1975.

⁵ Литвинский Б. А. Об археологических работах в Вахшской долине и в Исфаринском районе (в Ворухе).— КСИИМК. Вып. 64. Л.—М., 1956.

ка в Северной Бактрии. Производились раскопки на цитадели, где был изучен ряд хозяйственных помещений⁶.

В 1953 г. отряд Института истории и археологии АН УзССР, возглавляемый В. Д. Жуковым, осуществил разрез крепостной стены на юго-западном фасе поселения. В итоге были изучены оборонительные стены с обводным коридором, возведенные из пахсы и сырца⁷.

В 1975 г. с целью выяснения конструкции крепостных стен нами осуществлен разрез стены Хайрабадтепа (рис. 1). В результате выявлены четыре строительных периода, которые раскрывают всю историю оборонительных сооружений поселения. Высота сохранившихся крепостных стен в разрезе составляет 7,5 м (I—XVI ярусы).

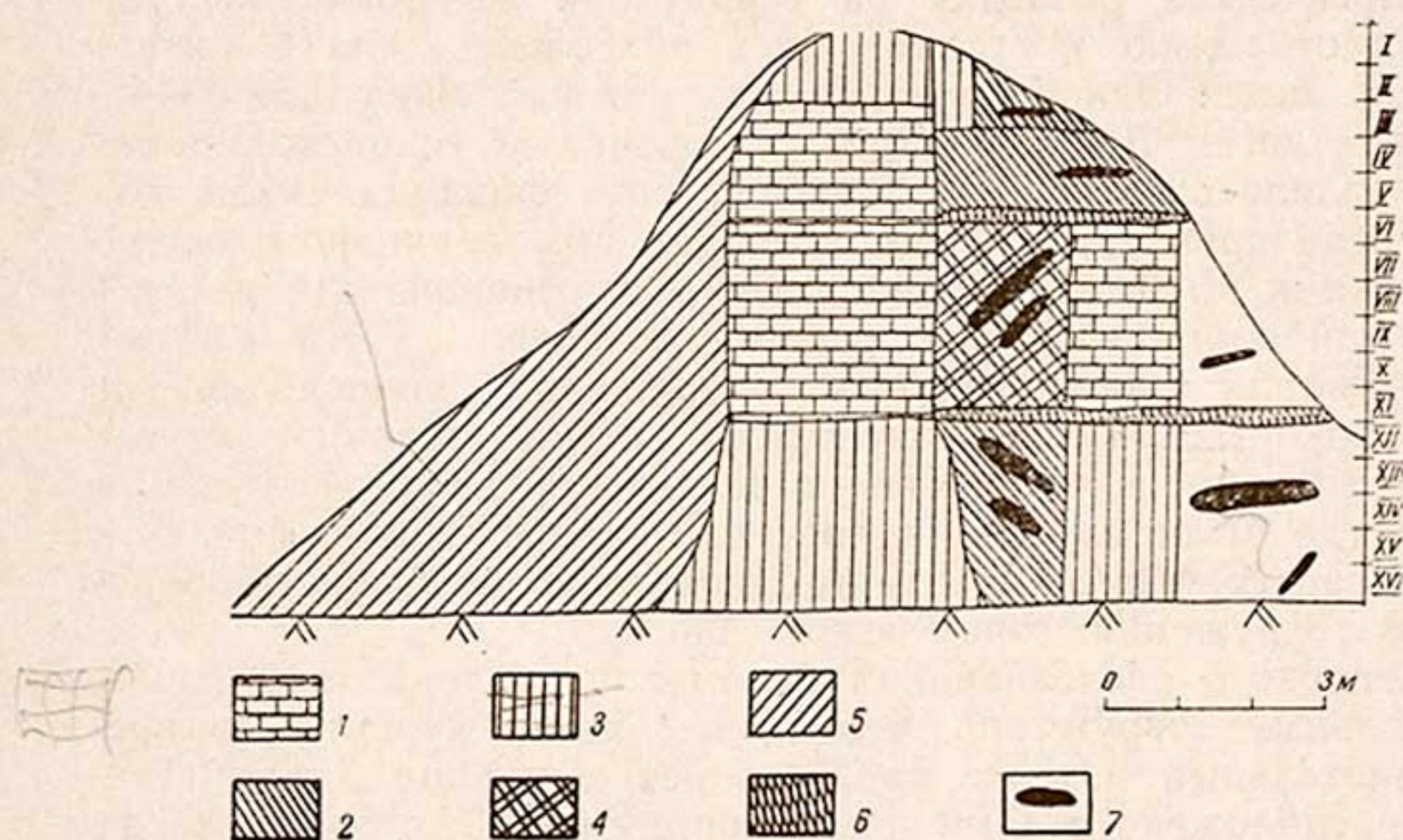

Рис. 1. Разрез стены Хайрабадтепа:

1—кирпичная кладка; 2—культурные слои; 3—пахсовая стена; 4—плотная забутовка; 5—слой плотной глины; 6—рыхлый культурный слой зеленоватого цвета; 7—зола.

В первом периоде прослежены крепостные стены в виде пахсовой стены толщиной 3,5 м, высотой 3 м (XV—XI ярусы). Ширина обводного коридора в начальном этапе 1,2 м, затем коридор постепенно расширяется до 1,5 м (XI ярус). Толщина оборонительных стен у основания около 5 м.

Во втором периоде кладка обводного коридора перекрыта зеленовато-пепельной прослойкой толщиной 10—12 см. После этого была сооружена кирпичная кладка размером 36×36—12×14 см. Толщина оборонительных стен теперь составила 3 м, а ширина обводного коридора — 2 м.

⁶ Альбаум Л. И. Болаликтепе. Ташкент, 1960.

⁷ Жуков В. Д. Археологическая разведка на шахристане Хайрабадтепе.— В сб.: ИМКУ. Вып. 2. Ташкент, 1961, с. 177—180.

В третьем периоде чередуется кирпичная кладка размером $31 \times 31 - 10$ и $30 - 34 \times 12$ см. Обводной коридор больше не функционирует, его заполняют плотными забутовками. Со стороны городища отмечен рост культурных отложений, которые примыкали к крепостной стене (V—III ярусы). Толщина крепостных стен 3 м. Представленный здесь материал — в основном глиняные ядра.

Наконец, четвертый период отмечен пахсовой кладкой толщиной 3 м, со стороны городища появляются пристенные помещения. В них обнаружены фрагмент венчика хума, хумчи, чаши

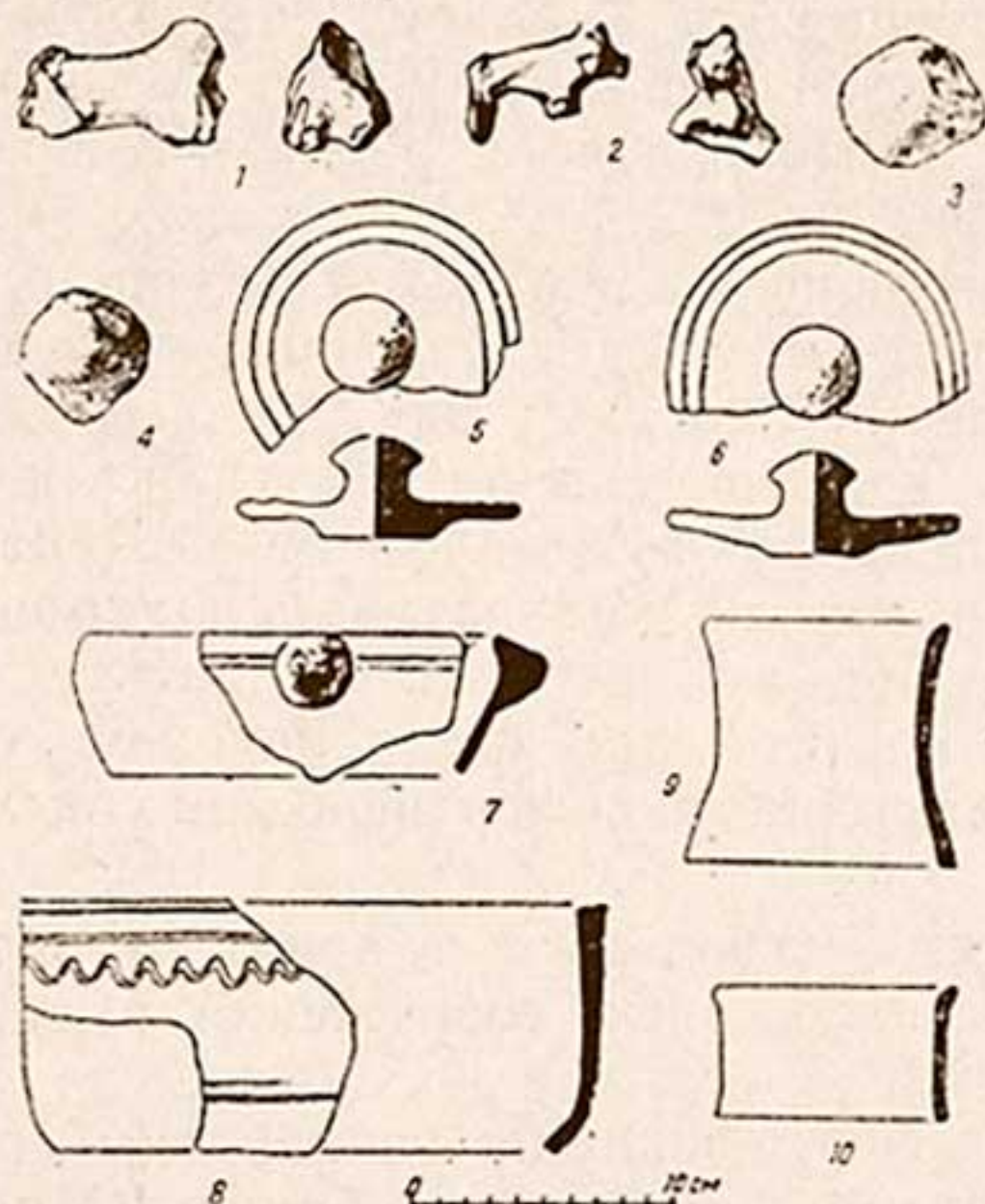

Рис. 2. Керамика из Хайрабадтепа.

и глиняные статуэтки. В ходе исследований найдены фрагменты керамики, в частности, чаши, миски, глиняные ядра и терракотовые фигурки животных (рис. 2). Обращает на себя внимание фрагмент чаши с изображением головы льва. Глина хорошо обработана, чаши тонкостенные, сделаны на гончарном круге, покрыты красным ангобом.

Хайрабадтепинский керамический комплекс обнаруживает близкое сходство с керамикой из слоев Каратепа⁸. В ходе раскопок найдены глиняные статуэтки, в частности в единичном экземпляре фигурка лошади и ручка хозяйственного сосуда. У лошади сохранилось только тулово. Не обнаружены следы прикрепления фигурки всадника или узлы. Фрагмент светло-серого цвета. Второй фрагмент — ручка хозяйственного сосуда, вы-

⁸ Ставиский Б. Я. Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1961—1962 гг. — В кн.: Кара-тепе. Буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе. М., 1964, с. 38—42.

полненная в виде собаки. Хорошо сохранились головка, фантастически изображены ее рот и челюсть. Подобные терракотовые фигурки найдены на ряде северобактрийских городищ, они происходят из верхних слоев Кейкобадшаха, Каратепа, Халчаяна, Айртама и Аккурмана⁹.

Находки из верхних слоев городища могут быть датированы IV—V вв. н. э. Показательно, что устройство фортификационных стен и керамические материалы Хайрабадтепа почти идентичны крепостным стенам и керамическим материалам Зартепа, где также отмечено четыре периода развития. На основании приведенных аналогий городище Хайрабадтепа можно приблизительно датировать четвертым периодом IV в. н. э., а самый древний период — I в. до н. э. Появление и расцвет Хайрабадтепа, вероятно, связаны с проведением Зангского канала.

Историко-топографическое и архитектурно-планировочное решение Хайрабадтепа указывает на продуманную основу. Истоки планировки поселений Северной Бактрии восходят к эпохе бронзы, что видно на примере Дашли¹⁰, а также к периоду раннего железа, представленному поселением Кызылтепа¹¹.

Прямоугольная или подквадратная планировка получила широкое распространение в Бактрии в кушанскую эпоху. Необходимо отметить, что в настоящее время накоплен определенный материал и для характеристики фортификационных сооружений Северной Бактрии.

По конструкции, устройству и архитектурно-фортификационному назначению крепостные сооружения в основном представлены двумя типами:

1. Упрощенная фортификация: глинобитный вал или стена без обводного коридора при отсутствии башен (Мирзакултепа, Шортепа);

2. Развитая фортификация: крепостные стены соединены обводным коридором с башнями (Хайрабадтепа, Кумтепа).

Интересно сопоставить распространение этих фортификационных типов сельских поселений с планировочными решениями городских центров. В Северной Бактрии выделяются следующие типы городского характера: Зартепа, Дальверзинтепа, Кейкобадшах, Кухна-кала и многочисленные сельские поселения, которые

⁹ Мандельштам А. М., Певзнер С. Б. Указ. раб., с. 301—302; Мешкерис В. А. Терракоты из Кара-тепе.— В кн.: Кара-тепе — буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе. М., 1969, с. 136—137; Пугаченкова Г. А. Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии. Ташкент, 1969, с. 230—234; Тургунов Б. А. К изучению Айртама.— В кн.: Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973, с. 75—76; Пидзев Ш. Р. Кушанская терракота из Мирзакул-тепа.— ОНУ, 1975, № 8, с. 62—63.

¹⁰ Сариниди В. А. Бактрия в эпоху бронзы.— СА, 1974, № 4, с. 49—52.

¹¹ Пугаченкова Г. А. Из недавних открытий в Южном Узбекистане (К проблеме бактрийской культуры).— В сб.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1974 г. М., 1975, с. 412—414.

по своей планировке подразделяются на ряд подгрупп¹². На небольших поселениях овального или аморфного плана оборонительные сооружения не обнаружены, что, в частности, подтверждается раскопками на поселении Аккурган¹³. На мелких поселениях отмечена подквадратная планировка и прослежены крепостные стены первого типа, что видно по результатам исследования поселений Шортепа и Мирзакултепа¹⁴.

Как показали археологические раскопки, на округлых в плане поселениях (Аккурган) крепостные стены отсутствуют, на мелких поселениях четкого геометрического плана обнаружены обводные стены первого типа.

В результате раскопок установлено, что поселение Хайрабадтепа по своим размерам относится к числу небольших центров, но тем не менее представляет развитую фортификацию. Это свидетельствует о сильном воздействии элементов городской культуры кушанской Бактрии на сельские поселения¹⁵.

¹² Массон В. М. Кушанские поселения и кушанская археология (некоторые результаты работ Бактрийской экспедиции в 1973—1975 гг.).— В кн.: Бактрийские древности. Л., 1976, с. 3—17; Пидяев Ш. Р. Указ. раб., с. 4—5.

¹³ Пидяев Ш. Р. Некоторые данные о раскопках кушанского поселения Аккурган в Северной Бактрии.— СА, 1976. № 1, с. 187—189.

¹⁴ Пугаченкова Г. А. Новые данные о художественной культуре Бактрии.— В кн.: Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973, с. 57—98; Пидяев Ш. Р. Указ. раб., с. 9.

¹⁵ Массон В. М. Указ. раб., с. 3—17.

М. ТУРЕБЕКОВ

РАСКОПКИ БАСТИОНА ВНУТРЕННЕЙ КРЕПОСТНОЙ СТЕНЫ ЕРКУРГАНА

Кашкадарьинский отряд Института археологии АН УзССР под руководством Р. Х. Сулейманова в 1975 г. продолжил работы на древнем городище Еркурган¹. Здесь нами был исследован бастион внутренней крепостной стены (рис. 1).

Расположенный на юго-восточном углу внутреннего вала, овальный в плане, бастион вытянут в широтном направлении. До раскопок поверхность его имела вид оплывшего конусовидного бугра с усеченным верхом. Размеры верхней площадки — 30×20 м, у подошвы — 100×70 м.

С целью изучения стратиграфии бастиона были заложены два разреза. Первый, длиной 40 м и шириной 2 м, — на южном склоне в меридиональном направлении от центра площадки до подошвы². Второй разрез (по ББ), длиной 36 м и шириной 2 м, был заложен на западном склоне по направлению восток — запад. Глубина разрезов от 0,2 м до 5 м.

В разрезе 1 под дерновым слоем прослеживается слой оплыва. Затем идет слой утрамбованной земли с керамикой, где местами просматривается кирпичная кладка (45×22 — 24×8 —10 см). Ниже, на уровне II—V ярусов, отмечается культурное напластование толщиной 1—1,5 м, которое состоит из рыхлого грунта с прослойками золы и угля, завалов кладки и обломков жженого кирпича ($45 \times 22 \times 10$ см, $45 \times 23 \times 9$ см). На уровне V—VII ярусов зафиксировано культурное напластование, представляющее собой утрамбованную землю зеленовато-коричневого цвета. Здесь встречаются горелые прослойки, натеки и остатки кладки из сырцово-

¹ Сулейманов Р. Х., Исхаков М., Туребеков М., Нефедов Н. Раскопки на городище Еркурган. — АО 1975 г. М., 1976; Сулейманов Р. Х., Туребеков М. Этапы развития фортификационной системы Еркургана. — В сб.: ИМКУ. Вып. 14. Ташкент, 1977; Исамиддинов М. Х. Стратиграфия городища Еркурган в Южном Узбекистане. — СА, 1978, № 3.

² Фиксация археологических материалов произведена по культурным напластованиям строительных периодов. Для удобства работы за нулевой уровень (репер) была принята отметка тригонометрической вышки, расположенная на вершине бастиона, от которой отбивались ярусы через каждые 0,5 м. Для удобства характеристики стратиграфии разреза строительные периоды условно отмечены буквами А, Б, В, и их описание дается от поздних слоев к ранним.

го кирпича и пахсы. Вышеописанные культурные напластования относятся к последней ремонтной кладке «А» бастиона. Толщина кладки — 5 м, высота — 2,5 м. Она сложена из сырцового кирпича и местами из глины. Размеры кирпича: $46 \times 24 \times 9$ см; $45 \times 24 \times 9$ см; $45 \times 25 \times 9$ см.

Строительный период «Б» вскрыт в южной части разреза. Он представлен пахсовыми блоками с откосом 65° . В нижней его части имеется выступ размером $1,2 \times 1$ м. Сохранившаяся высота кладки — 8,5 м. толщина с выступом — 3,5 м. С внешней сторо-

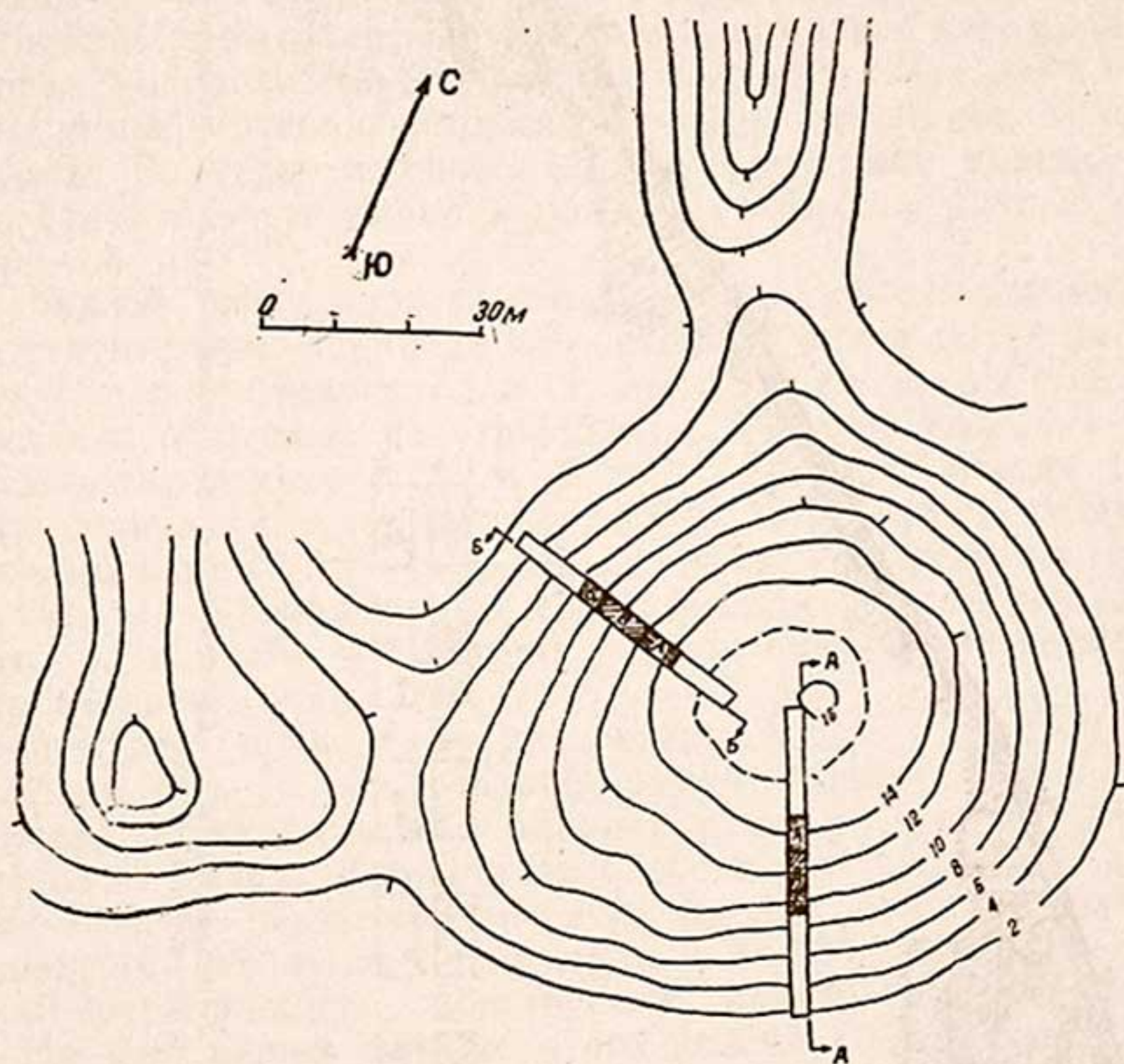

Рис. 1. План бастиона внутренней крепостной стены.

ны у основания кладки под завалом стены залегает слой наносной земли толщиной 50 см. На наружной стороне на уровне XXX—XXXIII ярусов обнаружен слой утрамбованного грунта и слой золы с керамикой, подстилавшие кладку строительного периода «Б». Эти культурные отложения, судя по стратиграфии, залегают у основания кладки более раннего строительного периода «В», которая прослеживается на внутренней стороне кладки «Б» и под кладкой «А». Размеры кладки строительного периода «В» определить не удалось. Установлено лишь, что стена этого периода была сооружена из пахсовых блоков.

В результате раскопок на разрезе 2 (рис. 2) обнаружены три строительных периода, аналогичные трем строительным перио-

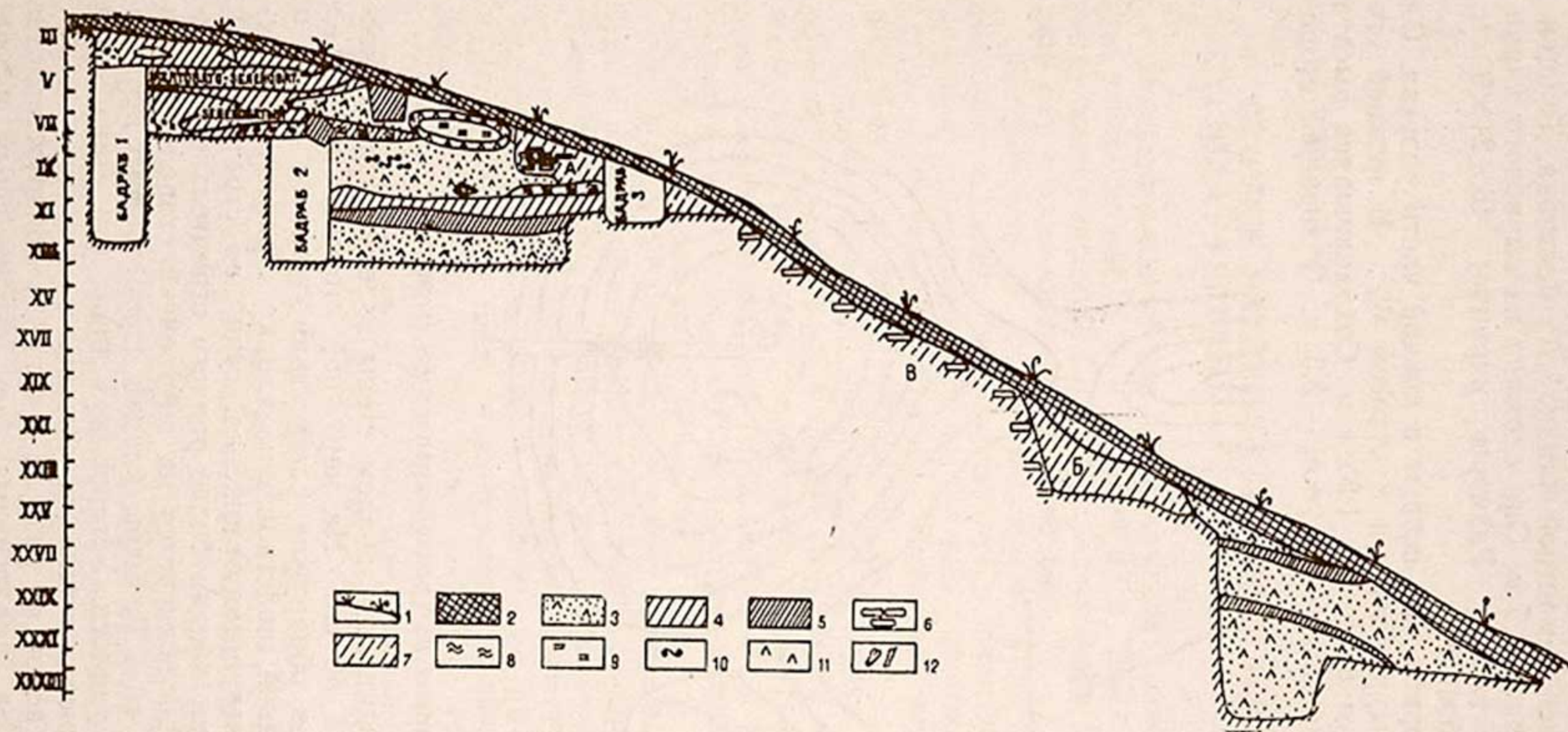

Рис. 2. Разрез 2 (по ББ):

1—дерновый слой; 2—оплыв; 3—завал стены; 4—рыхлая земля; 5—плотная земля; 6—кирпичная кладка; 7—нахсовая кладка; 8—прослойка золы; 9—натечные прослойки; 10—камень; 11—уголь; 12—кости животных.

дам разреза 1. Так, на разрезе 2, под оплывом, зафиксировано наслоение толщиной 1,5 м, которое покрывает пол какого-то помещения (IV ярус). Оно состоит из рыхлого грунта с керамикой, с прослойками золы и натеков. Отмечены следы пожара. С пола начинается бадраб 1, в котором выявлено незначительное количество керамики и костей животных. Ниже вскрыт более мощный слой рыхлой земли желтоватого и желтовато-зеленого цвета, где прослеживаются прослойки золы, строительные остатки, завалы стены и обломки жженого кирпича ($31 \times 23,5 \times 17 \times 5$ см; $28 \times 21,5 \times 19,5 \times 5$ см). В слое этого разреза расчищены бадрабы 2 и 3, где также выявлен выразительный комплекс керамики. Эти культурные напластования прилегают к кладке последнего строительного этапа бастиона, которая сооружена из сырцового кирпича и пахсы. Размеры кирпича сходны с размерами кирпича последнего строительного периода разреза 1. Высота кладки 1,5 м, толщина — 5 м.

В западной части разреза, под оплывом, вскрыта ремонтная кладка строительного периода «Б», относящаяся к более раннему периоду, чем ремонтная кладка строительного периода «А». Пахсовая кладка построена на утрамбованной земле. Толщина кладки у основания и высота 3,5 м. В западной части кладки строительного периода «Б» на уровне XXV—XXXIV ярусов выявлены слои утрамбованного грунта и завала стены (толщина 4,5 м), которые, судя по расположению слоев, подстилают кладку строительного периода «Б» и залегают у основания кладки более раннего строительного этапа «В».

Строительный период «В» прослеживается во внутренней стороне кладки «Б» и под кладкой строительного периода «А». Здесь кладка производилась комбинированным способом: из кирпича-сырца и пахсы. Кирпичи зеленовато-илистого цвета размером $46—48 \times 31—33 \times 8—10$ см расположены друг от друга на расстоянии 10—35 см по горизонтали и 5—40 см по вертикали. Судя по сохранившейся конструкции, кладка имела толщину 7,5 м. На внутренней стороне этого строительного периода под культурным напластованием позднего этапа вскрыт слой рыхлой, утрамбованной земли с прослойками горелой земли и завала стены.

Керамический материал из бастиона городища Еркурган распределен нами на два комплекса. Первый — более ранний комплекс, представленный материалами из культурных наслоений, подстилающих кладку строительного периода «Б». Для этого комплекса характерны фрагменты тонкостенных чаш (более 50 экз.) вытянутой формы с чуть вогнутыми во внутрь краями. Донца их сняты с гончарного круга при помощи нитки, в результате чего появились «вихревидные» розетки. Чаши в основном покрыты изнутри красным или коричневым ангобом. Диаметры венчиков 16—17 см (рис. 3, 1—4). Кувшины с широким туловом и короткой шейкой, с валикообразным венчиком, устья их чуть вогнуты

во внутрь, а иногда и наружу. Ручки пластинчатые (рис. 3, 12, 13). Фрагменты миниатюрных кувшинов в большинстве случаев покрыты светло-серым ангобом. Из кладки строительного периода «Б» найдены фрагмент кувшина с ойнохоевидным сливом (рис. 3, 8) и горшки с валикообразным венчиком (рис. 3, 9—11).

Фрагменты лепных сосудов в комплексе бастиона составляют около 50%. Найденные лепные миски состоят из двух частей: нижняя часть изготовлена на специальном сосуде, в результате получилась гладкая поверхность, а верхняя, более неровная часть, прикреплена дополнительно. Представлены фрагменты толсто-стенных котлов, светильников и жаровен с разными налечами (рис. 3, 14—17). Большие хумы с вытянутым туловом округлых очертаний, с валикообразным венчиком. Некоторые венчики заострены наружу. С внешней стороны имеется орнамент, образованный пальцевыми вдавлениями по шейке и по верху венчика сосуда (рис. 3, 5, 6).

Керамика с бастиона городища Еркурган находит аналогии в керамике V—VII вв. городища Афрасиаб³, V—VI вв. Тали-барзу IV⁴, V—VI вв. Калаи-Зохак-Марон⁵ и III—VI вв. поселений Южного Согда⁶.

Большинство керамических сосудов с бастиона (тонкостенные чаши вытянутой формы, кувшины с широким туловом и короткой шейкой, миниатюрные кувшины, лепные миски, котлы, светильники, жаровни с разными налечами) аналогичны керамике V—VI вв. городища Еркурган⁷, что выявлено в результате исследований стратиграфии на Р-5. Отсюда можно заключить, что данный комплекс керамики относится к V—VI вв. Следовательно, основываясь на датировке культурного наслоения, подстилающего кладку строительного периода «Б», строительный период «В» можно датировать временем не позднее V в. н. э. Возможно, он был сооружен одновременно с V строительным этапом внутрен-

³ Брусенко Л. Г. Остатки монументального здания I в. н. э. на Афрасиабе.— В сб.: Афрасиаб. Вып. II. Ташкент, 1973, с. 103—109, рис. 2, 19, 20, 27.

⁴ Григорьев Г. В. Городище Тали-барзу.— Труды отдела Востока Гос. Эрмитажа. Л., 1940, ч. II, с. 101.

⁵ Турбеков М. Археологическое изучение оборонительных сооружений городища Калаи-Зохак-Марон.— В сб.: ИМКУ. Вып. 15. Ташкент, 1979, рис. 2, 13—15.

⁶ Кабанов С. К. Археологические работы 1948 г. в Каршинском оазисе.— В сб.: Труды ИИА АН УзССР. Т. II. Ташкент, 1959, рис. 6. Табл. IV, 1, 6, 9; табл. V, 12; Он же. Руины поселения III—V вв. в долине Кашкадарьи.— В сб.: ИМКУ. Вып. 6. Ташкент, 1965, с. 79—83, рис. 4, 9—14, 17; рис. 5, 13—17; Он же. Руины здания времени кушан близ Карши.— В сб.: ИМКУ. Вып. 10. Ташкент, 1973, рис. 2, 1, 3—11, 13; Он же. Нахшеб на рубеже древности и средневековья (III—VII вв.). Ташкент, 1977, рис. 13, 22, 24, 25, 27—30, 36.

⁷ Исамиддинов М. Х. Стратиграфия городища..., с. 227, рис. 7, 2—7, 9, 12—14, 17—20.

ней крепостной стены и последней ремонтной кладкой внешней оборонительной стены городища. Доказательством этому служат и приемы кладки, и размер кирпича⁸.

Более поздний керамический комплекс с бастиона Еркурган был получен из культурных напластований строительных периодов «А» и «Б» (I—V ярусы) и из бадрабов 1, 3. Однотипные чаши здесь представлены в трех экземплярах. Корпус чаш, плавно расширяясь вверх, вогнут до вертикального положения. Венчики оформлены в виде уплощенного края и закруглены. Под ними с внешней стороны проходит желобок (рис. 3, 7, 43).

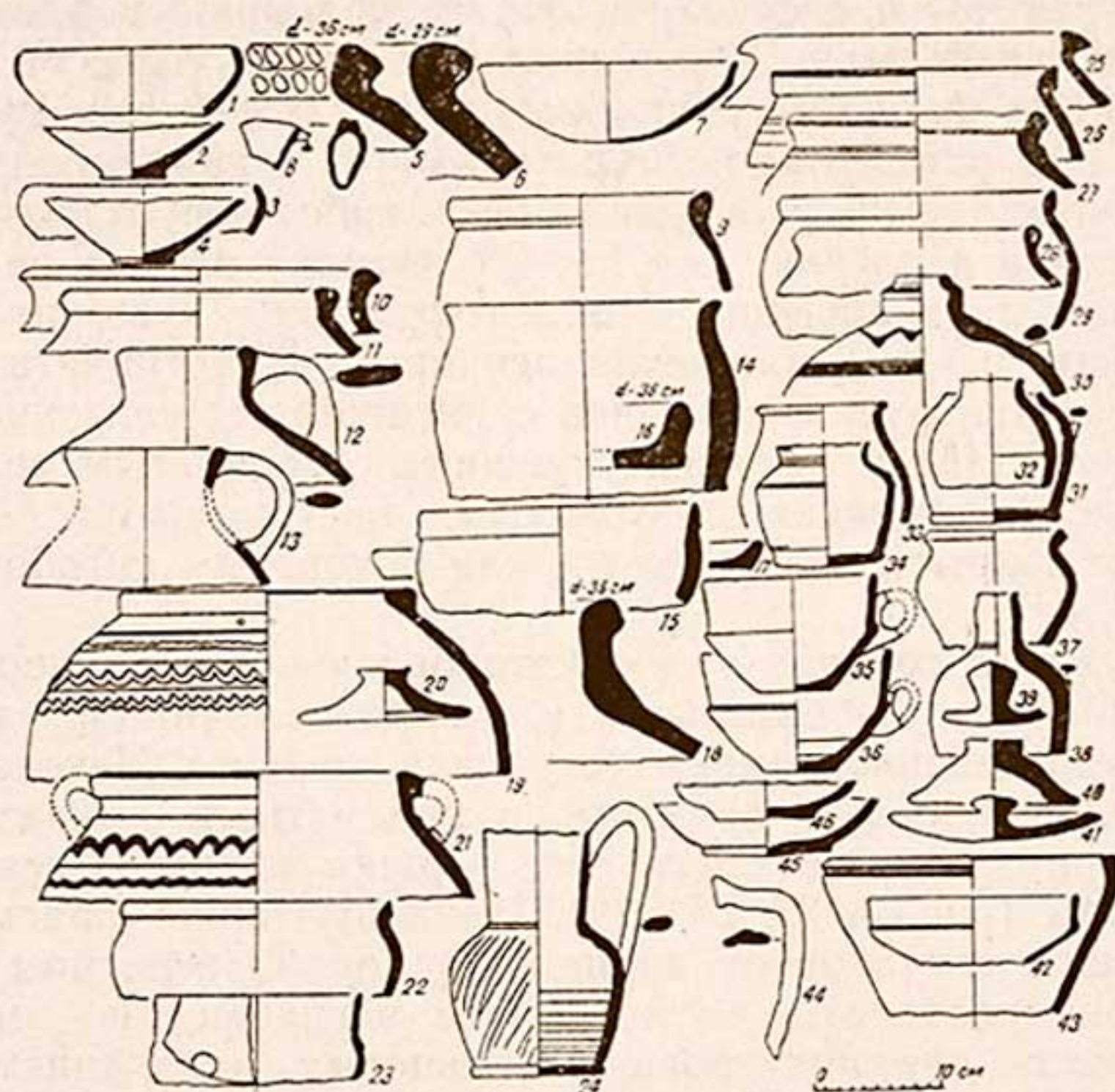

Рис. 3. Керамический материал из бастиона Еркургана:

1—6, 8—17—V—VI вв.; 7, 18—46—VIII—IX вв.

Кружки в основном цилиндроконической формы. Устья открытые, с круглыми ручками, прикрепленными к тулову сосуда (рис. 3, 35, 36). Имеется единственный экземпляр фрагмента кружки со следами штампа под венчиком (рис. 3, 23). Найдены крышки вогнутой, полусферической формы с уплощенным Т-образным и заостренным к наружной стороне венчиком (рис. 3, 20, 39—41).

Блюда такие же, как и в первом комплексе, только более глубокие (до 22 см). Диаметр венчиков 29—34 см. Стенки у устья, плавно поднимающиеся вверх, чуть вогнуты во внутрь. У некото-

⁸ Сулейманов Р. Х., Туребеков М. Этапы развития..., с. 64—65.

рых блюд под венчиком проходит глубокая, широкая ложбинка, резко отделяющая венчик от стенки сосуда. Ложбинка имеется и на сосудах других типов, обнаруженных в бадрабе, что, вероятно, указывает на одновременность их изготовления. Найдено еще одно блюдо с валикообразным венчиком, под которым проходит желобок, как бы отделяющий его от тулова сосуда. Все блюда изготовлены из коричневатого теста и покрыты с внешней стороны светло-серым ангобом.

Кувшины представлены экземплярами с длинными, широкими, цилиндрическими, вытянутыми горлышками, занимающими треть верхней части сосуда. На стыке горловины и плечика имеется валик, разделяющий сосуд на две части. Тулово банкообразное. Донце широкое, почти наравне с плечиком. Ручки прикреплены к верхнему краю горлышка и плавно поднимаются вверх, а затем резко, с коленчатым изгибом опускаются вниз и прикрепляются к плечу сосуда. От плечика вниз в радиальном направлении идет лощение. Найден фрагмент кувшина с узким треугольным (5,5 см) в сечении венчиком. Пластинчатые, сферические в сечении ручки кувшинов с внешней стороны иногда профилированы. Найден фрагмент кувшина с волнистым орнаментом на плечике, изготовленный зубчатым инструментом. Кувшины в основном покрыты светло-серым или беловатым ангобом (рис. 3, 24, 31—34, 44).

Обнаружены горшки с манжетообразным, валикообразным, подтреугольным, Т-образным и профилированным венчиком. Большинство венчиков имеют уступ для крышки. Некоторые плечики орнаментированы прямыми и волнистыми линиями, нанесенными при вращении круга. Все горшки покрыты серовато-белым ангобом (рис. 3, 22, 25—29). Найдены также фрагменты валикообразных венчиков от крупных хумов. С середины внешней стороны они разделены на две части неглубокими вмятинами. Нижняя часть орнаментирована пальцевым вдавлением. Короткий венчик в сечении плавно переходит к плечу. Встречаются хумчи, поверхность которых покрыта светло-серым ангобом (рис. 3, 18, 19, 21).

В комплексе имеются четыре фрагмента (два из них из бадраба 2) поливных чаш. Цвет поливы темно-зеленый и зеленоватый, местами имеет голубовато-белый оттенок или на голубовато-белом фоне голубовато-зеленую поливу (рис. 3, 45, 46).

При сравнительном анализе керамики верхнего комплекса бастииона с керамическим материалом городища Афрасиаб⁹, Пенд-

⁹ Немцева Н. Б. Стратиграфия южной окраины городища Афрасиаб.— В сб.: Афрасиаб. Вып. I. Ташкент. 1969, с. 173—175, рис. 8, 4, 6—9, 15, 18, 20; Кабанов С. К. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб.— В сб.: Афрасиаб. Вып. II. Ташкент, 1973, рис. 17, 16—18; Брусенко Л. Г. Остатки монументального здания..., рис. 23, 1—3.

жикента¹⁰, Кафыркалы¹¹. Варахши¹² и Каджартепа¹³ этот комплекс керамики можно отнести к VIII—IX вв. Более детальное расчленение комплекса — работа будущего.

Таким образом, анализ керамических комплексов и стратиграфия бастиона городища Еркурган показали, что первый комплекс керамики относится к V—VI вв., а второй — к VIII—IX вв. Между двумя исследованными комплексами имеется разрыв, т. е. можно предположить, что в конце VI в. бастион прекратил свое существование. Возможно, в этот период прекращается обживание и самого городища. Лишь в VIII в. некоторые части городища заново обживаются и на месте бастиона строится круглое укрепленное сооружение со служебными помещениями, которое до X в. служит как наблюдательная (возможно даже сигнальная) вышка¹⁴ средневекового города Несефа. Подобные вышки известны в системе бухарского Кампирдувала¹⁵ и в средневековом Хорезме¹⁶.

¹⁰ Большаков О. Г. Отчет о раскопках северо-восточной части объекта III.—МИА. Вып. 124. М., 1964, рис. 6 и 8; Бентович И. Б. Керамика верхнего слоя Пенджикента (VII—VIII вв.), рис. 8, 2; рис. 10, 13; рис. 17, 7; рис. 21, 2, 7, 9; рис. 23, 1—3.

¹¹ Григорьев Г. В. Городище Тали-барзу.... с. 101, рис. 6; Тереножкин А. И. Согд и Чач.—КСИИМК. Вып. 33. Л.—М., 1950, рис. 6, Тали-барзу, V, 1, 5.

¹² Шишкин В. А. Варахша. М., 1963, рис. 54, 17.

¹³ Кабанов С. К. Нахшеб на рубеже древности и средневековья..., с. 18—19, рис. 13, 40, 44.

¹⁴ Кабанов С. К. Археологические работы 1948 г..., с. 108.

¹⁵ Мухамедов Х. Қадимий мудофа деворлари. Тошкент, 1961, 90—91-б.

¹⁶ Толстов С. П. По следам древне-хорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, с. 248—249.

Е. УСОВА, Ю. БУРЯКОВ

ТЕРРАКОТОВЫЕ ПОДЕЛКИ С ГОРОДИЩА КАНКА

В процессе археологических раскопок (1975—1978 гг.) на городище Канка в слоях середины I тысячелетия н. э. была получена интересная коллекция терракотовых художественных изделий в виде объемной скульптуры, барельефных плакеток, налепов на ручках или оформления венчиков сосудов. Уровень художественного исполнения и тематика их довольно разнообразны. Среди них можно выделить две большие группы — изображения с зооморфными мотивами и антропоморфными.

Зооморфные сюжеты ранее были широко известны в Чаче¹, а скульптуры с изображением человеческих фигур считались для этого района нехарактерными. Лишь в последние годы близ Канки колхозниками была найдена часть терракотового рельефа с изображением женщины-музыкантши². Поэтому находки различных видов коропластики в Чаче представляют значительную научную ценность, они дают более полное представление о культуре жителей этого региона, их культово-религиозных взглядах и обрядах.

Наиболее многочисленную группу составляют терракотовые поделки с изображением животных. Среди них редким образцом пластики культового назначения является терракотовая фигурка дикого кабана. Она найдена в шурфе раскопа 5 в шахристане III близ дороги, ведущей от южных ворот городища, вместе с материалом Каунчи II (рис. 1). Статуэтка выполнена из хорошо отмученной, коричневой в изломе глины и покрыта снаружи серым ангобом. Длина фигурки — 15 см, высота — 13 см. Сохранность фрагментарная. У животного небольшая морда с выпуклой хрящеватой переносицей, небольшие круглые глазки. Из слегка

¹ Григорьев Г. В. Каунчи-тепе (раскопки 1935 г.). Ташкент, 1940; Он же. Краткий отчет о работе Янгиюльской археологической экспедиции 1937 г. Ташкент, 1940, с. 26, рис. 36; с. 27, рис. 41; Тереножкин А. И. Согд и Чач.—КСИИМК. Вып. XXXIII. М.—Л., 1950, с. 159.

² Абдуллаев К. Уникальная находка терракотового фриза.—ОНУ, 1974, № 2, с. 45—46. Автор считает, что это находка из Канки. Однако осмотр пункта вместе с нашедшим фриз жителем совхоза «Аккурган» Р. Мирзаевым показал, что фриз принадлежит другому памятнику, отделенному от городища древним руслом.

приоткрытого рта видны загнутые вверх клыки. Небольшие, слегка выделенные торчащие уши переходят в характерный, крупный, охватывающий больше половины корпуса загривок, на котором рельефными зигзагами и елочками процарапана щетина. Морда частично покрыта черной краской «внаплеск», переход от головы к загривку оформлен в виде вогнутого коронообразного треугольника с точечным орнаментом. Задние ноги стилизованы в виде цилиндров с уплощенной стопой, передние отбиты, но по положению фигуры они должны быть крупнее задних, хвост также отбит.

Рис. 1. Терракотовая фигурка с изображением кабана.

Весь облик животного передает его воинственно-угрожающее состояние: глазки широко открыты, рот в легком оскале, загривок вздыблен. Объяснение этой позе мы можем найти при ознакомлении с божествами авестийского пантеона, в частности, с могущественным божеством победы Веретрагной. Веретрагна является самым воинственным среди божеств и выступает в различных ипостасях: в виде быка с золотыми рогами или белой лошади с золотыми ушами и уздой, верблюда или дикого кабана, птицы, дикого барана, орла или воина.

Л. Х. Грей отмечает, что из всех божеств авестийского пантеона лишь Веретрагну наделяют эпитетами, подчеркивающими

его могущество³. Он приносит славу, исцеление и силу, изгоняет демонов и дарует победу. Веретрагна отнесен к числу занимающих достаточно высокое положение, создан Ахурой, обладает благодатью — фарном, победоносным и умиротворяющим. В ипостаси кабана он сопровождает Митру во время битвы с врагами и по принесении соответствующей жертвы устрашает и побеждает их.

Культ Веретрагны очень древний. Еще шумерийцы имели божество — «хозяина диких кабанов». Неслучайно название его является составной частью имен ряда народов, придающей символику героя⁴.

Характерную группу находок первой половины I тысячелетия н. э. составляют зооморфные изображения животных на ручках сосудов — кружечек и кувшинчиков. Среди них преобладают фигурки баранов — от реалистических до стилизованных, иногда сохраняются лишь отдельные элементы (имитация руна, головы и т. д.). Б. А. Литвинский связывает их с поклонением божеству — носителю фарна. Подробно разбирая эволюцию фарна в зороастризме, он отмечает аспекты теологического звучания его у разных народов вплоть до недавнего времени в олицетворении высшей благодати, богатства, счастья, здоровья, защиты от дурных сил и процветания домашнего очага⁵.

Интересные параллели этому дает этнографический материал некоторых народностей, в частности осетин, считающихся потомками сармато-аланских племен. Сохранились изображения истуканов в виде баранов, связываемых с древним фарном. В. Ф. Миллер отмечает, что женщины, желавшие иметь детей, изготавливали глиняные изображения баранов, посвящая их покровителю жилища⁶.

На городище не встречены характерные для этого комплекса «шашлычницы» с изображением бараньих фигур на подставке, но зато на раскопах 1 и 7 в слое Каунчи II в большом количестве найдены подставки в виде рогатой головы быка, которая, проходя различные ступени стилизации, доживает вплоть до арабского завоевания. Появление ее, несомненно, связывается с господством новой «волны» родственных племен каунчинского круга, и, возможно, с заменой изображения божества, выполняющего те же функции.

Тематически к этой группе примыкает рельефный налп размером 7,5 см с изображением головы молодого быка, оформлявший горловину сосуда. Верхней частью голова примыкает к венчику сосуда, нижней оформляет кольцевую ручку. Животное по-

³ Gray L. H. Foundations of the Iranian religions. Journal of the KRCama Oriental Institute* 15 (1929). Reprint Bombay, 1930, p. 117.

⁴ Gray L. H. Op. cit., p. 118.

⁵ Литвинский Б. А. Кангюйско-сарматский фарн. Душанбе, 1968, с. 46—58.

⁶ Миллер В. Ф. Осетинские этюды. В 2-х т. Т. 2. М., 1882, с. 252.

казано в анфас очень реалистично. Морда вытянута, рот слегка приоткрыт, верхняя губа пухлая, нижняя слегка раздвоена, с расширенными ноздрями. Крупные миндалевидные глаза показаны жгутовидным обрамлением и углублением зрачка, сбоку неясный цилиндрический налп. Верх головы отбит (рис. 2а).

Хронологически в эту же группу входят налпы на ручках сосудов в виде стилизованной головки козла с округлой мордой,

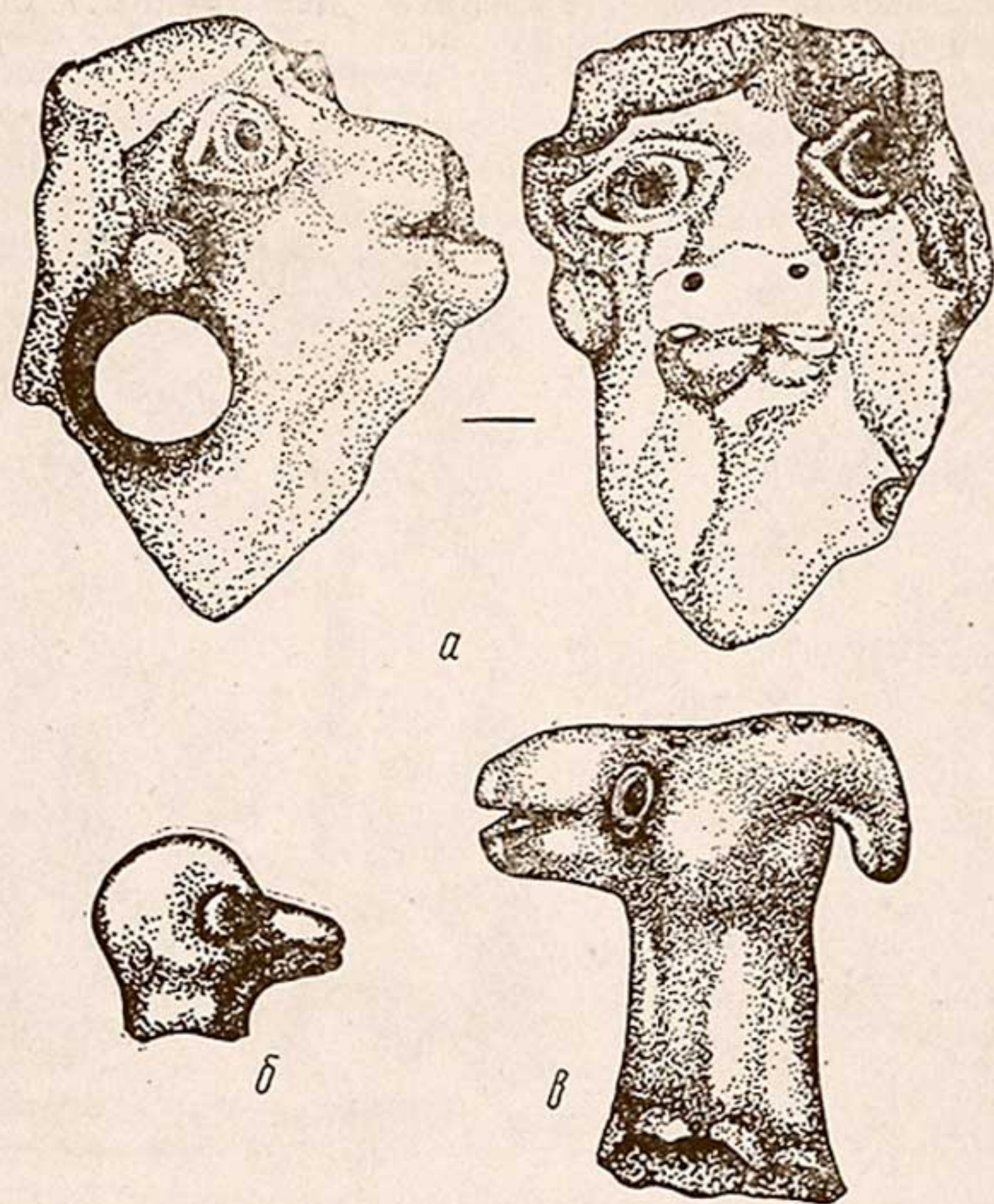

Рис. 2. Головка быка (а), козла (в) и птицы (б).

слегка приоткрытым ртом и круглыми рельефными налпными глазами. Верх морды и головы украшен рядом рельефных кружков-вдавлений. Головка завершается небольшими, отогнутыми назад и вниз, рожками (рис. 2в).

Более реалистично изображена головка птицы с сомкнутым клювом. Для поделки характерна та же манера показа глаза рельефным кружком. Эти фигурки найдены в слоях VI—VII вв. н. э. (см. рис. 2б).

Все эти поделки, являясь образцами массового художествен-

ного производства, выполняли культово-магическую роль, отображая зороастрийский пантеон божеств в различных их проявлениях. Функции их колебались от отображения верховного солярного божества до конкретного охранителя домашнего очага дома в целом и его обитателей.

Принципиально новой является находка на городище Канка скульптур — человеческих фигурок — мужских и женских. По технике исполнения можно выделить две группы: объемную скульптуру и плакетки.

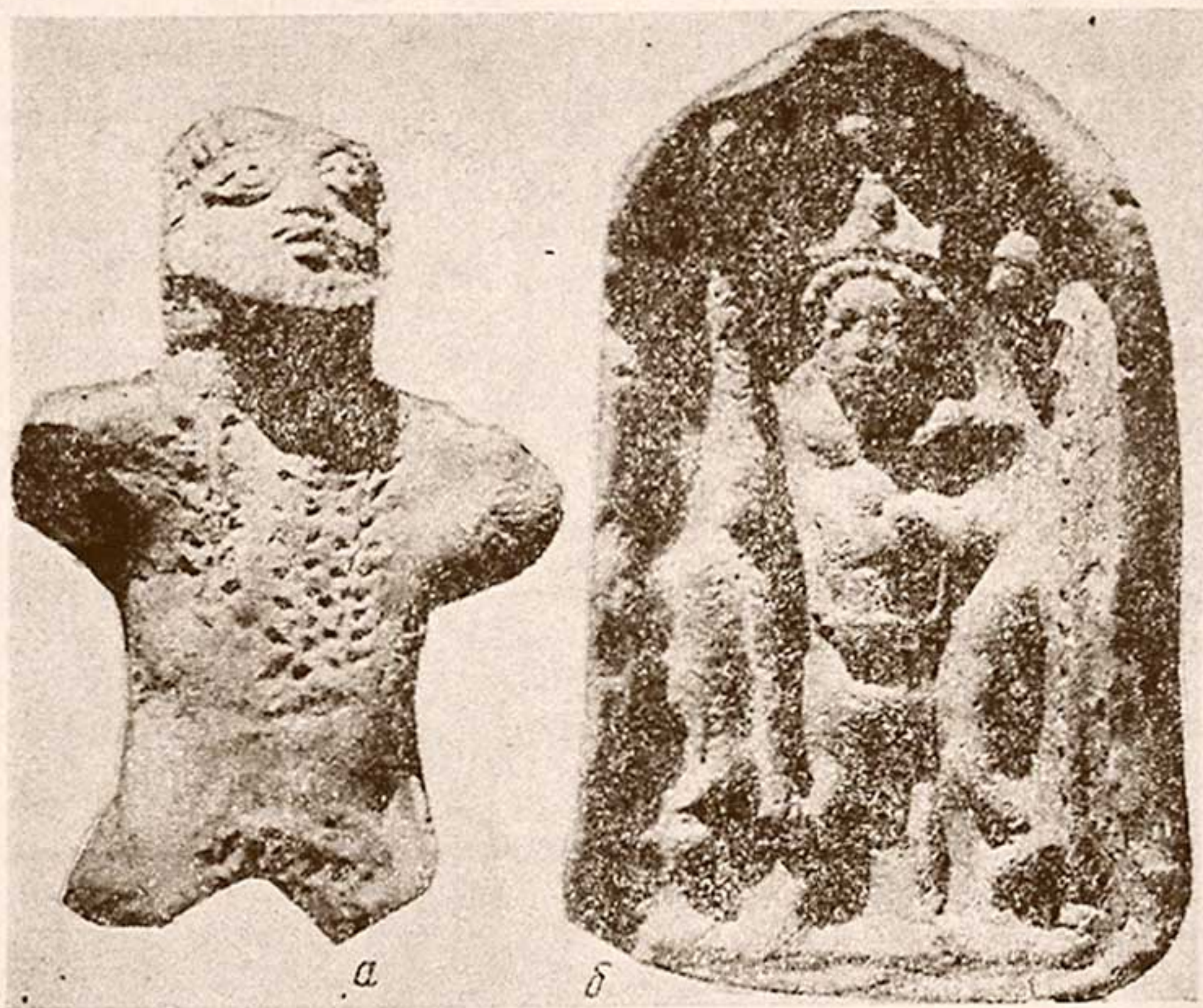

Рис. 3. Мужская фигурка (а) и плакетка с изображением всадника (б).

Первая представлена двумя мужскими фигурками, найденными в жилом комплексе раскопа 7 у южных ворот шахристана III. Фигурки вылеплены с грубыми туловищами и выразительными лицами, выполненными штампом с последующей подправкой от руки.

Первая, наиболее целая фигурка высотой 10 см, представляет мужчину, стоящего в анфас. Лицо овальное, дугообразные рельефные брови переходят в прямую линию носа, расширяющегося книзу. Большие навыкате глаза, зрачки которых обозначены углублениями. Усы плавно загибаются вверх. Нижняя губа резко оттопырена. Борода коротко подстрижена. Завершение головы

сохранилось фрагментарно. Осталась лишь часть головного убора в виде свисающих на лоб круглых бляшек, одна из которых рельефная, расположена в центре лба у самой переносицы (рис. 3а). В левом ухе петлевидная серьга, правое сохранилось лишь частично. Шея короткая, толстая. На торсе глубокие рельефные зубчатые линии, слагающиеся в определенный орнамент, имитирующий, по-видимому, украшение одежды. Аналогичный орнамент встречается на «одеждах» терракоты из Согда⁷. Впереди, на талии, сохранились следы широкого, до 1,5 см налепа, возможно, условно передававшего пояс или какой-то подлепленный спереди предмет⁸. Руки отбиты, но, вероятно, были широко раскинута. Ноги тоже не сохранились. Сзади видны следы налепа, придававшего скульптуре устойчивость. Глина красного цвета, ангоб светлый. Сохранились следы красной краски. Обратная сторона неровная.

От второй скульптуры сохранилась лишь верхняя, надгрудная половина размером 6,5 см. Изображение также в анфас. Лицо круглое, широкое. Дугообразные брови плавно переходят в линию носа с широкими крыльями. Глаза большие, круглые, зрачки переданы углублениями. Веки выпуклые, верхнее соответствует контуру бровей. Усы со слегка опущенными концами. Борода густая, мягкой овальной формы. Лицо обрамлено плотной массой волос в виде вертикальных насечек. На голове подобие диадемы из переплетающихся линий. Толстую шею украшает ожерелье, трактованное процарапанной горизонтальной линией, и перпендикулярно к ней — короткие насечки-подвески. Нижняя часть скульптуры не сохранилась. Руки отбиты, но, видимо, были согнуты к туловищу. Сохранились следы красной краски.

Обе терракоты имеют широкие аналогии в раннефеодалных памятниках Средней Азии. Отличительный признак — трактовка глаз. Изучавшая терракоту Согда этого времени В. А. Мешкерис отмечает, что материалы таких памятников, как Кафыркала, Пенджикент свидетельствуют о существовании типичной для коропластики V—VIII вв. н. э. определенной манеры обозначать зрачки углубленными ямками⁹.

Вторая группа технически исполнена в иной манере. Это плоские овальные плитки с рельефным оттиснутым изображением. Характеризуя подобную группу согдийской терракотой, В. А. Мешкерис отмечает их большую роль в изучении религиозно-мифологических воззрений, искусства и материальной культуры, а воз-

⁷ Мешкерис В. А. Терракоты Самаркандского музея. М., 1962, с. 36.

⁸ На одном из безымянных памятников близ Канки найдена женская фигурка с подлепленной спереди чашевидной курильницей.

⁹ Мешкерис В. А. Коропластика Согда. Душанбе, 1977, с. 49. Интересно отметить, что среди многочисленных согдийских фигурок в кафтанах большинство представлено торсами с отбитой головой или головками. Поэтому канкинские терракоты представляют собой редкие образцы целых фигурок этого типа.

еникование их относит к V—VI вв. н. э.¹⁰ В нашей коллекции представлены две плакетки. Первая — хорошо обожженная глиняная плитка светло-коричневого цвета в виде стрельчатой арки с рельефным изображением всадника в фас. Высота плитки — 11 см, ширина у основания — 7 см. Фигура передана очень реалистично. Лицо широкое, слегка скуластое, с остроконечной бородой, нос расширен книзу. Рот сливается с усами, концы которых опущены. Волосы уложены в крутые букли, обрамляющие лицо. На голове корона, состоящая из венчика и трех остроконечных зубцов. В левом ухе каплевидная серьга (рис. 3б). Слабый рельеф плечей и груди не позволяет характеризовать одежду воина. Правой рукой он держит копье, левой — уздечку коня. Ноги непропорционально увеличены по отношению к туловищу и выступают на первый план. Выражение лица — застывшее в гордом воинском величии, полное невозмутимого спокойствия и достоинства.

Конь изображен также очень реалистично: с маленькими торчащими ушами, со стриженной остроконечной гривой, округлым туловом и тонкими, расставленными в стороны ногами. Фигура коня уменьшена, что, возможно, должно было акцентировать в композиции главенствующее положение венценосного всадника.

Подобные плитки с сюжетными изображениями широко известны по памятникам раннего феодализма. Их распространение относится к V—VI вв. н. э., что полностью подтверждается сопровождающим керамическим материалом. Уникальность находки состоит в том, что впервые мы встречаем скульптуру коня и всадника во фронтальном изображении, в попытке представить все аксессуары царственного конного всадника.

По технике исполнения к ней примыкает терракотовая плакетка, найденная на раскопе I шахристана I на полу монументального помещения с суфой-эстрадой с материалами середины I тысячелетия н. э. Плакетка красной глины размером 7×5 см изображает сидящую в рельефной нише-арке женскую фигурку со струнным музыкальным инструментом в руках. Округлое лицо с небольшим острым носом и круглыми рельефными глазами. Брови густые, расходящиеся от переносицы. На голове — шапочка. Рельефом показаны ожерелье на шее и одежда. Правая рука перебирает струны, левая держит инструмент. Инструмент типа лютни, вероятно, является одним из видов широко распространенного щипкового музыкального инструмента уда (руд, барбат), известного у народов Средней Азии и Ирана и описанного Фирдоуси¹¹ и Фараби¹². Эта плакетка продолжает сюжет жен-

¹⁰ Там же, с. 59—60.

¹¹ Фирдоуси. Шах-наме. В 4-х т. Т. 2. М., 1960, с. 49—60.

¹² Подробное описание инструментов см.: Садоков Р. Л. Музыкальная культура древнего Хорезма. М., 1970, с. 87—89; Вызго Т. С. Афрасиабская лютня. — В сб.: Из истории искусства великого города (к 2500-летию Самарканды). Ташкент, 1972, с. 269—297.

щины-музыкантши, представленный барельефным терракотовым изображением из района близ Канки, и позволяет считать его характерным для Чача. Не случайно историки поры раннего феодализма в восторженных тонах характеризуют музыкальную культуру Чача V—VI вв. н. э.¹³

Разнообразная скульптура Канки представляет интересный материал для характеристики религиозно-мифологических воззрений и искусства жителей Чача. Отдельные образцы ее находят тесные аналогии со скульптурой Согда, под влиянием которой они, вероятно, и проникали в бассейн Сырдарьи; другие, особенно с зооморфными сюжетами, более оригинальны. Все это позволяет характеризовать коропластику Чача как особую отрасль искусства ташкентского региона.

¹³ Р и ф т и н Б. Л. Из истории культурных связей Средней Азии и Китая (II в. до н. э.—VIII в. н. э.).— «Проблемы востоковедения», 1960, № 5.

К. АБДУЛЛАЕВ

СТЕКЛЯННЫЕ ИЗДЕЛИЯ X—XII вв. ИЗ БУХАРЫ

Бухарским археологическим отрядом (1977—1978 гг.) при закладке стратиграфического шурфа близ медресе Мир-и-Араб выявлен богатый археологический материал. Среди находок наибольший интерес представляют стеклянные изделия, производство которых, характеризующееся как чисто городское, занимало важнейшее место среди других городских ремесел Бухары.

Возникновению и развитию стекольного производства Средней Азии посвящены работы А. А. Абдуразакова, М. А. Безбородова, Ю. А. Заднепровского¹, И. Ахрарова², а также ряд статей, характеризующих особенности изделий того или иного города с присущим им стилем. Между тем почти неизученным остается вопрос стеклоделия средневековой Бухары, несмотря на то, что она являлась единственным городом с кварталом стеклоделов — «бутылочников», упоминающимся в исторической литературе³. Аналогичных сведений о других городах в письменных источниках мы не находим.

Обилие фрагментов стеклянных изделий и целые археологические формы (около 10), многочисленные осколки оконных стекол подтверждают факт существования стекольного производства в городе Бухаре, хотя следов мастерских пока обнаружить не удалось.

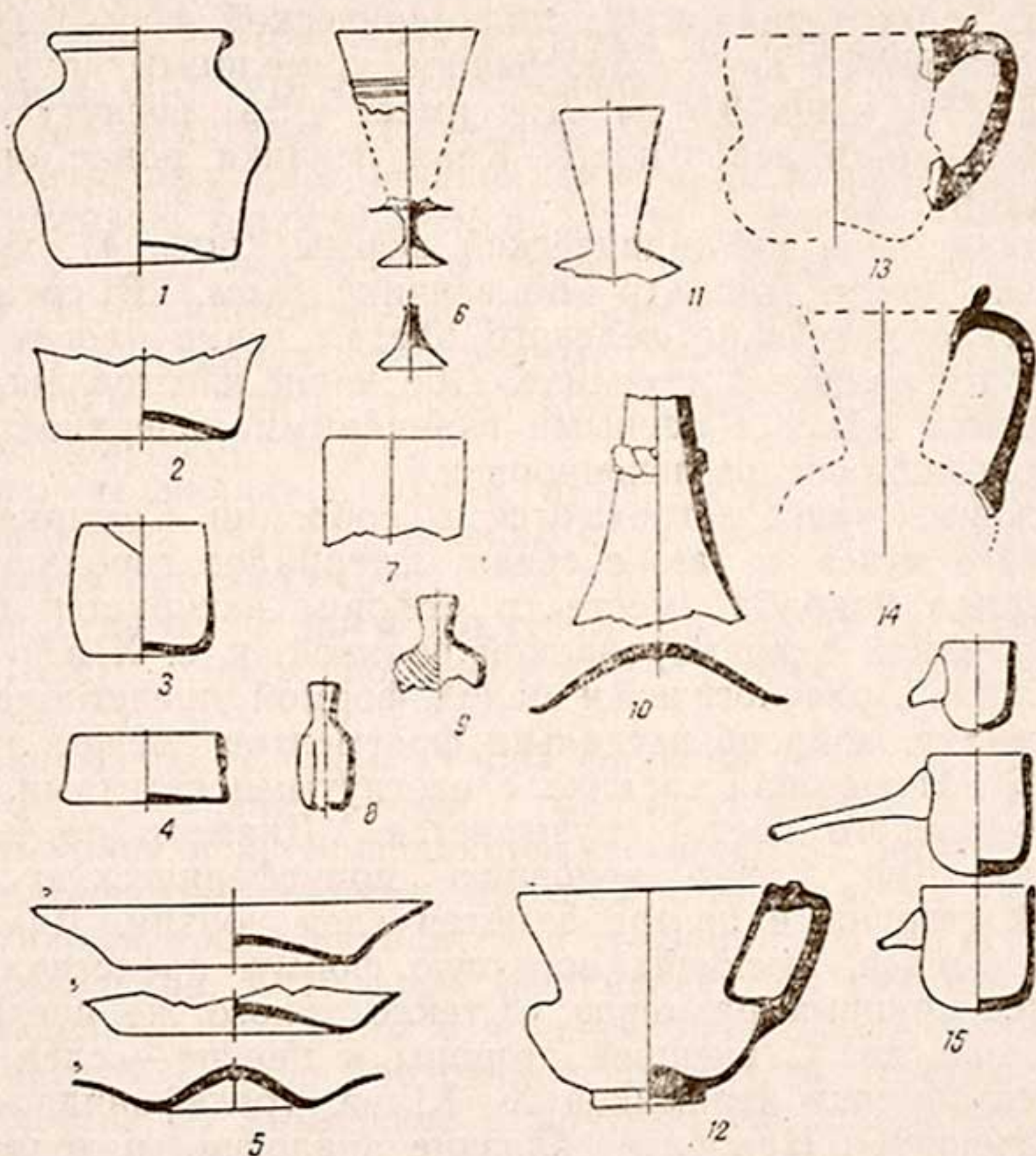
Автор не преследует цели детального изучения стеклоделия Бухары, кроме описания сосудов и некоторых фрагментов посудного и оконного стекла, выявления характерных особенностей и художественных начал в обработке стеклянных изделий. Материал, полученный из различных бадрабов, относится к разному времени, поэтому каждый фрагмент и форма датируется комплексом остальных находок, т. е. глазурованной керамикой и монетами.

¹ Абдуразаков А. А., Безбородов М. А., Заднепровский Ю. А. Стеклоделие Средней Азии в древности и средневековье. Ташкент, 1963.

² Ахраров И. Средневековые стеклянные бокалы из Кувы. Изв. АН УзССР. Серия обществ. наук, 1960, № 4.

³ Беленицкий А. М., Большаков О. Г., Бентович И. Б. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с. 285.

Посудное стекло. Банкообразный сосуд (рис., 1). Высота — 11 см. Невысокая горловина имеет утолщенный венчик, диаметр которого 9 см. В том месте, где венчик немного оттянут, образуя слабовыраженный носик, остался след зажима щипцов. Горловина, расширяясь книзу, переходит в округлые плечики сосуда, ниже, с небольшим изгибом вовнутрь, стенки переходят в донце. Донце диаметром 9 см вогнутой формы. Стекло прозрачное, с зеленоватым оттенком. Поверхность гладкая, блестящая, что сви-

Изделия из стекла X—XII вв. из Бухары.

детельствует о технике свободного выдувания. Изделия, изготовленные этим методом, отличаются от других более гладкой блестящей поверхностью, имеют лучшую «огневую полировку»⁴.

Фрагмент нижней части тонкостенного сосуда (рис., 2). Профилировка повторяет контуры этой части вышеописанного сосуда. Стекло малопрозрачное, светло-синего, в местах утолщения темно-синего цвета. Донце вогнутой полусферической формы диаметром 9,5 см. Наиболее близких аналогий подобные формы

⁴ Абдуразаков А. А., Безбородов М. А., Заднепровский Ю. А. Стеклоделие Средней Азии..., с. 217.

не имеют. Форма эта скорее близка к керамическим прототипам. В X—XIII вв., в пору бурного расцвета стеклоделия, многие формы керамики переносились и на стекло, хотя последнее имело уже свои специфические черты, выраженные в новых формах, присущих только этому материалу, связанных с техникой изготовления и обработки. Датируются эти два изделия глазурованной керамикой с белофонным орнаментом в виде веерообразных коричневых, оранжевых линий. Подобная керамика из Самарканда относится к X в.⁵

Ч а ш и. Тонкостенная чаша цилиндрической формы (рис., 3). Стекло желтоватого цвета, прозрачное, с мелкими пузырьками воздуха. Высота чаши 6,5 см. Дно имеет чуть вогнутую форму. Блестящая гладкая поверхность. Края венчика ровно оплавленные. Диаметр 7 см.

Невысокая чаша цилиндрической формы (рис., 4), чуть расширяющаяся книзу. Диаметр по венчику 8 см. Высота сосуда 3,5 см. Стекло голубовато-зеленого цвета. Донце плоское, с еле заметным утолщением в середине. Обе чаши изготовлены техникой свободного дутья с ровными глянцевыми поверхностями, не имеют каких-либо следов декорирования.

Аналогичные чаши встречаются в собрании Самаркандского исторического музея, а также среди материалов городища Хульбук. Материал бадраба вместе со стеклом датируется глазурованной керамикой с мраморовидной поливой, т. е. X в.⁶

Т а р е л к и. Археологически целой формой представлен лишь один экземпляр, найдено несколько фрагментов посуды этого типа (рис., 5). Невысокая тарелка с отогнутыми стенками. Стекло голубовато-зеленого цвета, пузыристое. Диаметр по верхнему краю 19 см. Дно имеет неровную полусферическую форму. С внешней стороны в центре заметен след понтии. Два других фрагмента донцев, имеющих вогнутую форму, представляют тарелки более крупных размеров. Стекло такого же цвета, с пузырьками воздуха. С внешней стороны в центре — след понтии. Датируются тарелки керамикой X—XI вв. (белофонная с точечным заполнением). Наиболее близкие аналогии находим среди стеклянных изделий городища Хульбук⁷.

Р ю м к и. Сосуды этого типа представлены лишь несколькими фрагментами. Только одна форма восстановлена благодаря двум фрагментам, принадлежащим одному сосуду, — ножке и верхней части рюмки (рис., 6).

Стекло очень тонкое, мелкопузыристое, расслаивающаяся патина делает его очень хрупким, трудно поддающимся обработке. Матовый оттенок стекла снижает его прозрачность. Конический

⁵ Т а ш х о д ж а е в Ш. Художественная поливная керамика Самарканда X—XII вв. Ташкент, 1967.

⁶ Там же.

⁷ Гулямова Э. Стекло с городища Хульбук. — Изв. отд. обществ. наук АН ТаджССР, 1961, № 1.

резервуар, суживаясь и округляясь книзу, как бы опирается на тонкую дисковидную платформу диаметром 4,5 см, образованную путем наложения друг на друга стеклянных нитей. Затем следует невысокая в виде сплошного стержня ножка, переходящая в воронкообразный поддон (найденa еще одна аналогичная ножка рюмки). Верхняя часть рюмки орнаментирована в виде двух горизонтальных проходящих по тулову параллельных нитей. Высота от края дисковидного кольца до основания поддона 2 см. Диаметр поддона 3,7 см.

Один из фрагментов венчика рюмки со стенкой (рис., 7) имеет диаметр 7 см. Чуть ниже венчика поверхность фрагмента покрыта едва заметным рифлением. Стекло тонкое, желтоватого оттенка. Датировку дает чашка конической профилировки с бирюзовой поливой, относящаяся к XII в. Подобного типа сосуды встречаются среди материалов городища Кува⁸ (собрание ташкентского Музея истории народов Узбекистана им. М. Т. Айбека АН УзССР) и Хульбук⁹, датируемые X—XII вв. Вышеописанная рюмка отличается более строгой конической профилировкой стенок на сохранившейся части.

Флакoны являлись одним из наиболее распространенных типов стеклянных изделий, широко используемых в парфюмерном и аптекарском производстве.

Флакон с шестигранным корпусом. Высота 6 см. Стекло темно-синего цвета. Горлышко высотой 2 см имеет конусообразную форму (рис., 8).

Фрагмент верхней части тулова флакона (рис., 9). Стекло зеленоватого цвета, непрозрачное, горлышко имеет коническую, с некоторой кривизной, профилировку. Флакон орнаментирован косыми рельефными линиями, проходящими по всему тулову.

Аналогичный сосуд находится в собрании Музея истории народов Узбекистана. Остальные фрагменты по форме горлышка можно разделить на группы с конической профилировкой и идущие на раструб. Стекло прозрачное, пузыристое, светло-зеленого, голубого цветов. В комплексе с другими материалами флаконы датируются X—XI вв.

Графины. Фрагмент верхней части бутылки грушевидной формы (рис., 10). Стекло светло-зеленого цвета, пузыристое. Стенки сосуда утолщаются к горловине, которая перехвачена приваренным пояском с косыми насечками, имитирующими жгут.

Горлышко графина с конической профилировкой (рис., 11). Высота 6,5 см, диаметр 5,5 см. Сохранившаяся небольшая часть тулова предполагает шаровидную форму сосуда. Эти фрагменты по ряду признаков можно отнести к изделиям, выполненным тех-

⁸ Ахраров И. Средневековые стеклянные бокалы из Кувы.—Изв. АН УзССР. Серия обществ. наук, 1960, № 4.

⁹ Аминджанова М. Средневековые стеклянные сосуды из музеев Ташкента и Самарканда.—В сб.: ИМКУ. Вып. 3. Ташкент, 1962.

ником свободного дутья. Датируются глазурованной керамикой XI в.

Горшки с ручкой. Археологически целая форма (рис., 12). Стекло голубого цвета с пузырьками воздуха. Тулово полусферической профилировки с широкой горловиной, идущей на раструб. Диаметр 12,5 см. Высота сосуда 10 см. Дно имеет вогнутую форму и опирается на плоский поддон диаметром 6 см. Сплошная ручка в верхней части крепится к краю венчика, а в нижней — к изгибу плечика тулова. Подобный сосуд, но только без ручки, находится в собрании Самаркандского исторического музея¹⁰, датируется XI в. Сосуд из Бухары отличается от самаркандского более изящной формой с плавными изгибами линий, подчеркивающими тулово и округлые плечики сосуда.

Ручки сосудов разных форм. Сплошная ручка из синего стекла (рис., 13), в местах утолщения насыщенной темно-синей окраски. По оставшейся части венчика и тулова в местах приварки прослеживается профилировка сосуда, напоминающая кружку.

Ручка удлиненной формы с выступом для большого пальца на месте приварки к венчику отличается от предыдущей желтой окраской с разводами красновато-коричневого цвета (рис., 14). Профилировка иная, чем у первого сосуда. Вытянутая ручка в верхней части крепилась к горловине, а в нижней — к округлой стенке тулова. По всей вероятности, это ручка кувшина с высокой горловиной. Посуда датируется второй половиной X в. монетой, найденной в том же бадрабе (монета датирована Б. Д. Кочевым).

Химическая посуда. Из всех стеклянных сосудов самыми многочисленными были алембики, представляющие собой стакано-подобный сосуд с полусферическим дном, с длинными, имеющими выходные отверстия, носиками. По технике изготовления можно выделить сосуды, полученные методом свободного дутья, а также дутья в форме. Размеры алембиков по верхнему краю — 3,5—6,5 см. Встречаются совершенно одинаковые по размеру и емкости алембики, позволяющие говорить о возможном существовании техники литья, что, в свою очередь, свидетельствует о широком производстве этих химических сосудов. Алембики найдены в бадрабах с материалом X—XIII вв.

Оконное стекло. Фрагменты оконных стекол совершенно плоской формы с утолщением по краю. Диаметр 34—36 см. Стекло прозрачное, пузыристое, голубовато-зеленого оттенка толщиной 1 мм.

Оконные стекла представляют большой интерес уже тем, что позволяют включить Бухару в число городов Средней Азии, производивших редкий для того времени материал. Примером наиболее раннего употребления плоского оконного стекла называют

¹⁰ Там же.

Нису, датируемую IX—X вв.¹¹ За период работы археологического отряда в г. Бухаре (1977—1978 гг.) места стекольного производства обнаружить не удалось, но сам факт его существования здесь не вызывает сомнений.

Формы стеклянных изделий не исчерпываются находками, обнаруженными за этот период работы. Но и их достаточно, чтобы говорить о некоторых характерных приемах изготовления и обработки стеклянной посуды. Сосуды, полученные методом свободного дутья, имеют блестящую ровную поверхность, стекло пузыристое, стенки и донце порой с некоторой кривизной. На изделиях явный след понтии. Дутье в форме малопрозрачное, с меньшим количеством пузырьков, с шероховатой поверхностью, с ровными и правильными контурами стенок и донца. След понтии едва заметный.

Стеклянные изделия, имеющие форму химических сосудов, светлой, зеленовато-голубой окраски преимущественно прозрачны. Сосуды с тонкостенной профилировкой, используемые в быту, окрашены в различные цвета — от светло-желтого, голубого и светло-зеленого до насыщенных темно-синих, зеленых, фиолетовых и коричневых тонов.

По качеству стекла, разнообразию форм и окраски, по различным приемам изготовления и обработки можно судить о высоком уровне мастерства стеклоделов. Продукция бухарских мастеров не уступает лучшим образцам стеклянных изделий других средневековых городов Средней Азии.

¹¹ Давидович Е. А. Стекло из Нисы.— Труды ЮТАКЭ. Т. I. Ашхабад, 1949, с. 388.

Ю. БУРЯКОВ, М. ТИХОНИН

РАСКОПКИ КЕРАМИЧЕСКОЙ МАСТЕРСКОЙ КОНЦА XV—XVI в. В ШАХРУХИИ

Среди памятников городской культуры ташкентского региона особое место занимает городище Шахрухия (Шаркия), расположенное на правом берегу р. Сырдарьи, в 8 км от г. Канки. Возведенное по приказу Тимура на руинах средневекового Бинакета (1392 г.), это городище отождествлялось с ним¹. Оно было построено как крепость у переправы и играло важную роль в политических событиях на восточной границе тимуридского государства XV в.² Одновременно город являлся крупным торгово-экономическим центром. К востоку от хисара к нему примыкал ремесленный пригород. При узбекских ханах Шахрухия становится центром одноименного вилайета³ и резиденцией наследников ташкентских ханов⁴. Роль Шахрухии как крупного центра подчеркнута в исторических документах XVII в., называющих реку Сырдарью «рекой Шахрухии»⁵.

Однако письменных данных об этих малоизученных этапах городской жизни ташкентского оазиса вообще и Шахрухии в частности, мы почти не имеем и единственным фактическим источником для их изучения остается археологический материал. Между тем Сырдарья, интенсивно размывающая правый берег, постепенно уничтожает городище. В юго-восточной части стали разрушаться слои со следами ремесленного производства.

В 1978 г. на находившейся под угрозой размыва части городища проводились археологические раскопки⁶. Перед началом

¹ Историю изучения см.: Буряков Ю. Ф. Историческая топография древних городов Ташкентского оазиса. Ташкент, 1975, с. 14—15.

² В этой роли она неоднократно упоминается историками XV в. Абдураззаком Самарканди, Мирхондом, Хандамиром, а также начала XVI в.—Мухаммадом Кази. Об этом см.: Бартольд В. В. Улугбек и его время. Соч. В 9-ти т. Т. II, ч. II; Самаркандские документы XV—XVI вв. (О владениях Ходжи Ахрара в Средней Азии и Афганистане), подг. О. Д. Чехович. М., 1974, с. 15, 17.

³ Автор XVI в. Зайнутдин Васифи сообщает о грамоте, выданной ташкентским ханом мастеру Хусейну на должность «главного портного удела Шахрухия», см.: Зайн-ад-дин Васифи. Бадал-ал-вакои. Соч. В 2-х т. Т. I. М., 1961, с. 695—697; т. II, с. 13, 32.

⁴ Болдырев А. И. Зайнутдин Васифи. Сталинабад, 1957.

⁵ Ходжа Самандар Термези. Дастар ал Мулук. М., 1971, с. 123.

⁶ Раскопки проводил М. Р. Тихонин под руководством Ю. Ф. Бурякова. Планы и разрезы подготовлены архитектором И. П. Луньковой.

раскопок на 20-метровой высоте над водой из обрывов были собраны обломки стенок печи с прилипшими слоями стеклянной массы светло-желтого, зеленого и сиреневого цвета. Раскоп площадью 50 м² был заложен на юго-восточном рабаде на берегу Сырдарьи, со стороны которой просматривались остатки какой-то печи⁷. В юго-западной части раскопа обнаружена печь округлой формы, диаметром до 1,7 м, частично врытая в землю (рис. 1). Печь двухъярусная. Нижняя топочная камера в разрезе овальной формы, высотой 145 см, диаметр ее 130 см. Стены

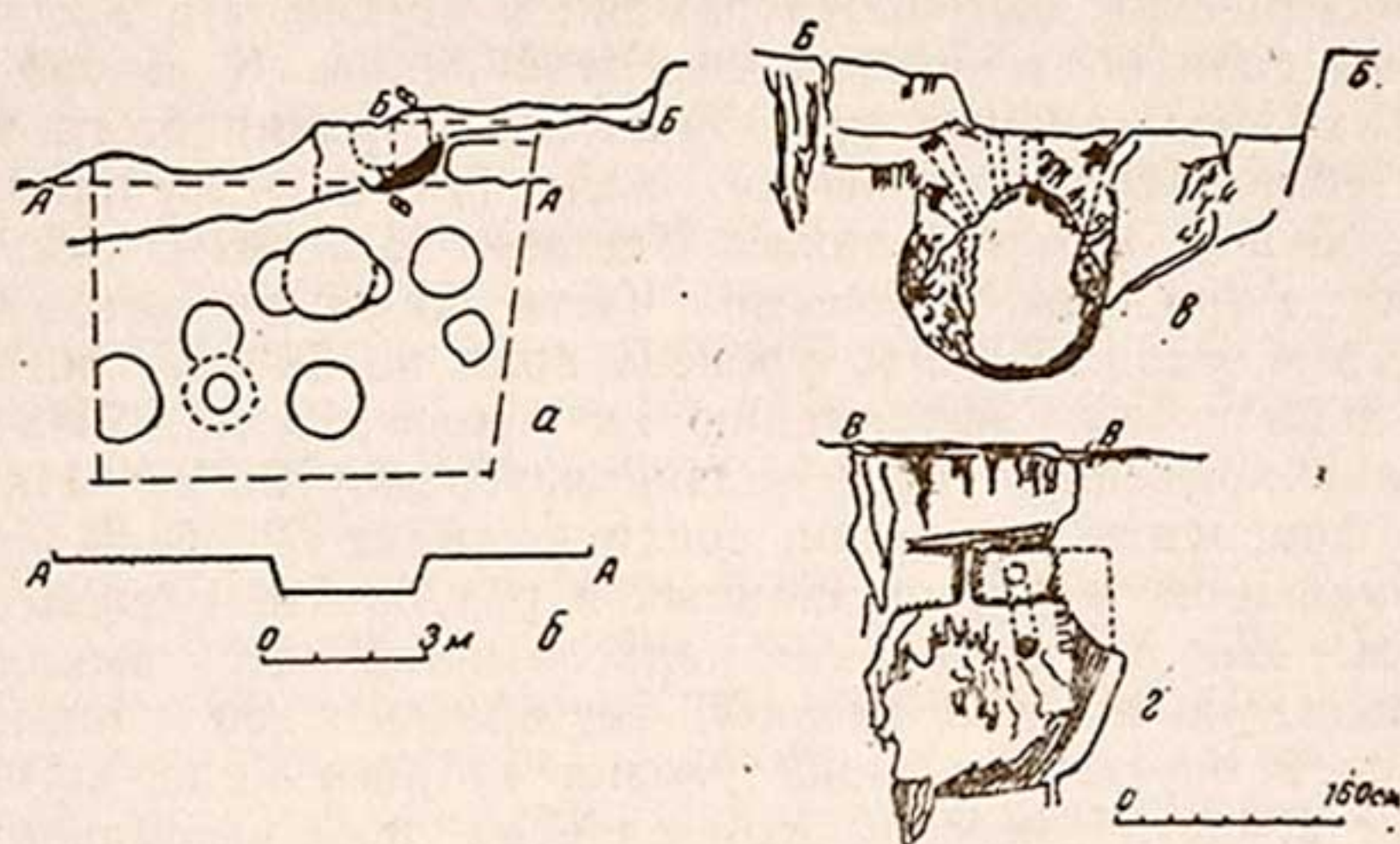

Рис. 1. Раскоп в рабаде Шахрухии:

а — план раскопа; б, в, г — разрезы печи.

обмазаны на 12—20 см, но вместе со слоем земли со временем прокалились до 40 см, причем в результате длительного использования печь внутри сильно ошлакована. Судя по планировке, топочное отверстие располагалось с юга, со стороны реки: на полу сохранились остатки растительного, травянистого топлива и какие-то легкоплавкие шлаки. Топочная камера перекрыта подом. Снизу он сводчатой формы, вверху плоский. Толщина пода в центре — 35 см, у края — 50 см. Свод сложен из кирпича размером 30×?×6 см, установленного на ребро. В сохранившейся части пода расчищено пять жаропроводящих каналов, слегка расширяющихся снизу вверх, диаметром 12—15 см. Реконструкция расположения каналов показывает, что ранее их было восемь. По краям, в 4—5 см от стен, проходило шесть отверстий на расстоянии радиуса друг от друга и два отверстия в центре. Рабочая камера сохранилась фрагментарно (западный отрезок стены) на высоту до 30 см, причем поверхность пода сильно обожжена, что свидетельствует о высокой температуре в рабочей камере.

Печь располагалась во дворе. При расчистке двора к северу от печи обнаружено два пола в виде уплотненных утопанных

⁷ Своевременность раскопок подтверждается тем, что в октябре 1978 г. раскопанная часть была полностью разрушена рекой.

уровней. Верхний пол раскрыт на глубине 68 см от дневной поверхности (от репера 3,6 м). Он покрыт обожженной землей с керамическими шлаками, фрагментами керамики и золой.

К северу от печи расчищено семь ям, каждая диаметром от 0,75 до 1,6 м и глубиной от 49 до 125 см. Ямы концентрировались в центральной части двора. Большинство их заполнено отходами производства (растительной золой) с включением шлаков. Среди отходов фрагменты пережженной, черной в изломе керамики, обломки стенок печи (глина, обожженная до кирпично-красного цвета), бытовой керамики и стекла. На дне двух ям расчищены слои более чистой, лессовой глины. К северо-востоку от печи найдены мощные отложения золы травянистого топлива.

На глубине 120 см от первого пола (4,8 м от репера) расчищен второй пол, который также подходит к печи. С этим полом связываются три ямы в северной части двора диаметром 1,6 м; 1,3 м; 0,75 м, уходящие под уровень пола на 35—55 см, с заполнением, аналогичным заполнению ям первого пола. Яма малого диаметра в придонной части расширяется до 120 см. На дне ее найдены фрагменты керамики, среди которых интересны ручки и стенки кувшинов, деформированных в результате сильного обжига. Так же, как и в двух ямах первого пола, здесь выявлено незначительное количество мокрой, чистой лессовой глины. Культурный слой опускается ниже уровня второго пола до 40 см и переходит в чистый лесс. В этом слое найдено несколько обломков глиняной и стеклянной посуды.

Находки на обоих полах представлены преимущественно керамикой, практически по формам и орнаментации не различающейся между собой; что позволяет отнести оба пола к одному периоду, связанному с функционированием печи. В раскопе обнаружено 236 фрагментов керамики, более половины которой составляет неполивная, изготовленная на круге быстрого и медленного вращения. Найден также сосуд, сформованный вручную.

Крупных сосудов немного. Это верхняя часть небольшого хума с устьем диаметром 28 см (рис. 2а). Тулово яйцевидной формы с крутым плечиком, с подцилиндрической, четко выделенной горловиной и горизонтально отогнутым валиком венчика с плоским верхним бережком. Наружный край его обычно декорируется пальцевыми вдавлениями. Стенки хумов довольно тонкие, примерно 1 см толщиной, но горловина и венчик массивные, до 2,5 см, причем четко видны следы наращивания их на тулово. Встречаются тагора — тазообразные сосуды открытой формы с вертикальными и слегка отогнутыми наружу стенками и простым венчиком, образованным сдвоением стенки. Обычно они покрывались ангобом, часто красным и даже с лощением поверхности.

Наиболее распространенная форма — кувшины и горшки (рис. 2б). Кувшины крупных и средних размеров, одноручные, со стройными пропорциями тулова, высокой цилиндрической горловиной и слегка утолщенными или просто обрезанными, реже фи-

гурно смоделированными сверху венчиками. Ручка миндалевидная в сечении, иногда с овальным утолщением в центре наружной плоскости. Нижним концом опускается на плечико, верхним прикрепляется к венчику, чуть ниже закраины. Орнамент прост — врезные линейные и волнистые концентрические пояса по горловине и под ручкой по тулову.

Горшкообразные сосуды представлены донцами и утолщенными придонными фрагментами стенок с рельефными внутри полосами от гончарного круга. Котлы подшаровидной формы, со слегка выделенной шейкой и утолщением венчика. Две поперечные ручки подлепливаются на плечиках сосудов.

Найдены лепные неглазурованные столовые сосуды открытого типа — касы, или миски двух вариантов — плоскодонные, с конически расширяемыми наружу вверх стенками и с плавным изгибом стенки и кольцевым, довольно массивным поддоном.

Из других форм можно отметить донную часть симобкузача. Распространены дастарханы на трех подлепных ножках. В целом неполивная керамика представлена типами посуды, мало изменявшейся за столетия.

Гораздо интереснее в этом плане глазурованная керамика (рис. 3). На раскопе встречены сосуды целиком открытых форм. Это крупные толстостенные ляганы на кольцевом поддоне с почти горизонтально отогнутыми стенками и вертикально поднятой закраиной диаметром 38 см. Изнутри такие ляганы покрыты плотной сине-голубой глазурью, нанесенной на светло-кремовый ангоб, которая переходит на наружную поверхность и покрывает две трети стенки. Непокрытая глазурью часть украшена поясом красной охры. Черепок тонко отмучен, в изломе желто-кремовый. Вторая крупная форма представлена венчиком большой миски с высокими стенками и округло утолщенной вертикальной закраиной. Внутри сосуд покрыт интенсивной синей, снаружи — бледно-голубой глазурью, нанесенной на светлый ангоб.

Преобладающую группу керамики составляют касы — сосуды на высоком кольцевом поддоне с вторичным углублением в центре отростка. Стенки округло поднимаются вверх к утончающейся закраине. Сформованы они грубовато, кольцо поддона различной толщины. Этот тип посуды распространяется в Ташкентской области и в Ферганской долине с XV—XVI вв.⁸ Внутри сосуды покрыты росписью и глазурью, по сочетанию которых можно выделить несколько вариантов. Встречаются сосуды с монохромной и полихромной глазурью, причем преобладает одноцветная. Некоторые сосуды покрыты молочно-белой, чистого тона поливой, иногда с мелким или крупным цеком. Эта глазурь в сочетании с синей росписью нежных растительных мотивов волны

⁸ Вархотова Д. Художественная керамика XV — начала XVI в. из Ташкента. — ОНУ, 1969, № 8—9, с. 86—89; Чуланов Ю. Г. Городище Ахси-кент. — СА, 1963, № 3, с. 204, рис. 5.

или линейных двойных или тройных полос обрамления рисунка характерна для тимуридской эпохи. Снаружи сосуд украшен полосой стилизованной росписи, от которой сохранилось лишь повторение буквы «нун», разделенной двумя полосками другого цвета. Такой орнамент, в частности, использовался для украшения сосудов открытых форм Ахсикента XV—XVI вв. н. э.⁹ Распрос-

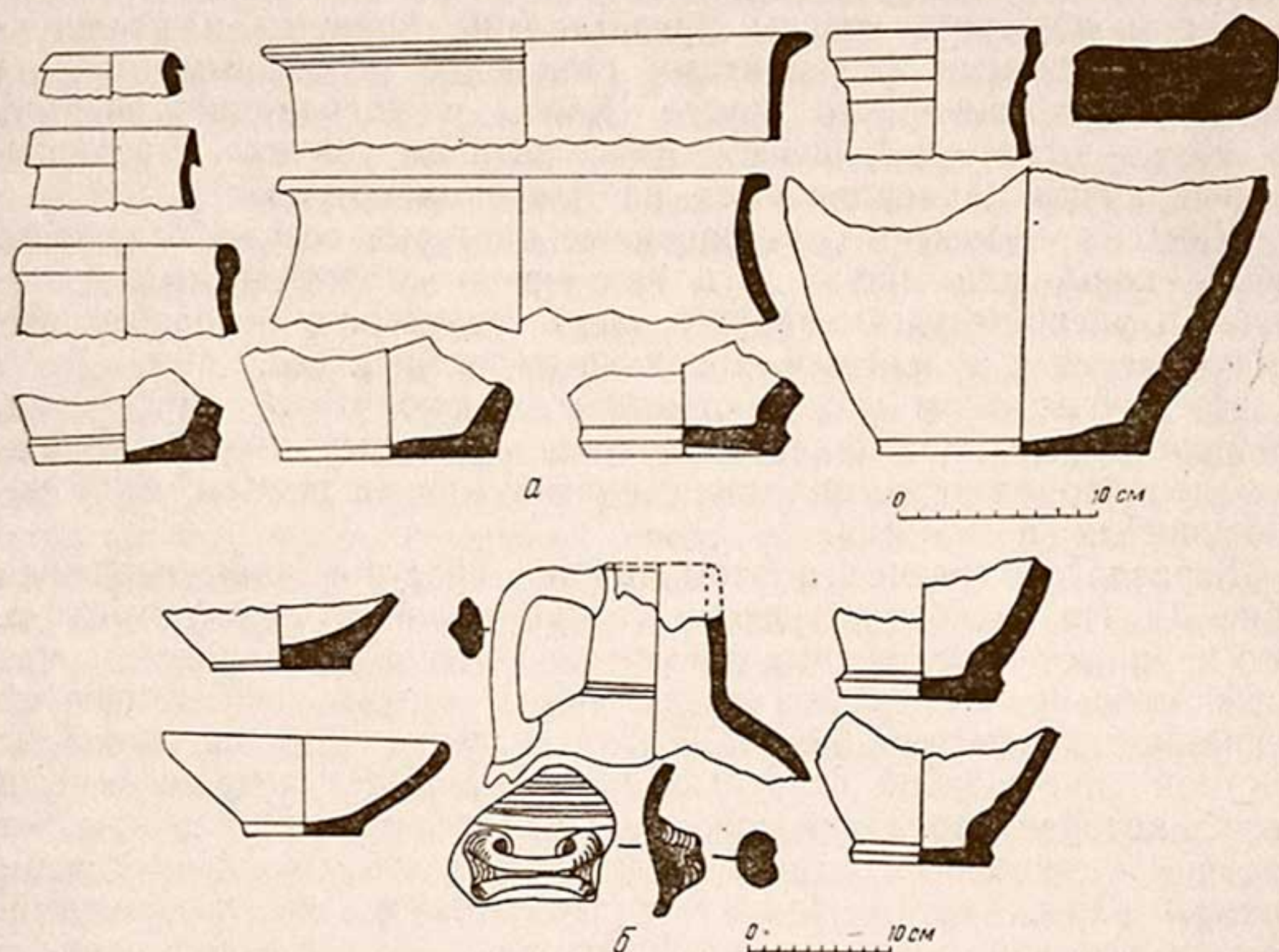

Рис. 2. Неполивная керамика Шахрухии конца XV—XVI в.

транено также покрытие глазурью серовато-голубоватого или серовато-беловатого цвета. На одном сосуде такой тон сочетается с пятнами зеленовато-голубой глазури.

Орнамент посуды строится в двух планах: радиально от центра и концентрическими кругами. Первый представлен марганцевой росписью почти черного цвета — тонкой вязью растительного рисунка, которая отходит от единого центра и покрывает все внутреннее поле сосуда. Линии побега плавно переходят в удлиненные, мягких очертаний листья и завитки. Подобный прием встречен в ферганской керамике XV в.

Мотивы орнамента концентрической росписи более разнообразны. Центр донца украшен вихревой розеткой или бегунцом из лотосовидных листьев, или же более стилизованным рисунком из двойного креста, свободные поля которого заполнены

⁹ Ахраров И. Новые археологические материалы с городища Ахсикент XIV—XVI вв. — ОНУ, 1969, № 8—9, с. 81.

иероглифоподобными рисунками. Украшение верхнего поля не сохранилось. Мотивы расцветки и прием композиции типичны для ташкентской керамики¹⁰. Однако при всей общности с тимуридской керамикой следует отметить огрубленность форм этих сосудов, что заставляет предполагать более позднее время их производства. Это подтверждается находкой медной монеты неправильной округлой формы диаметром 2,2 см, найденной на верхнем полу двора между ямами. Монета плохой сохранности с надчеканом. Прослеживается фрагмент картуша и часть леген-

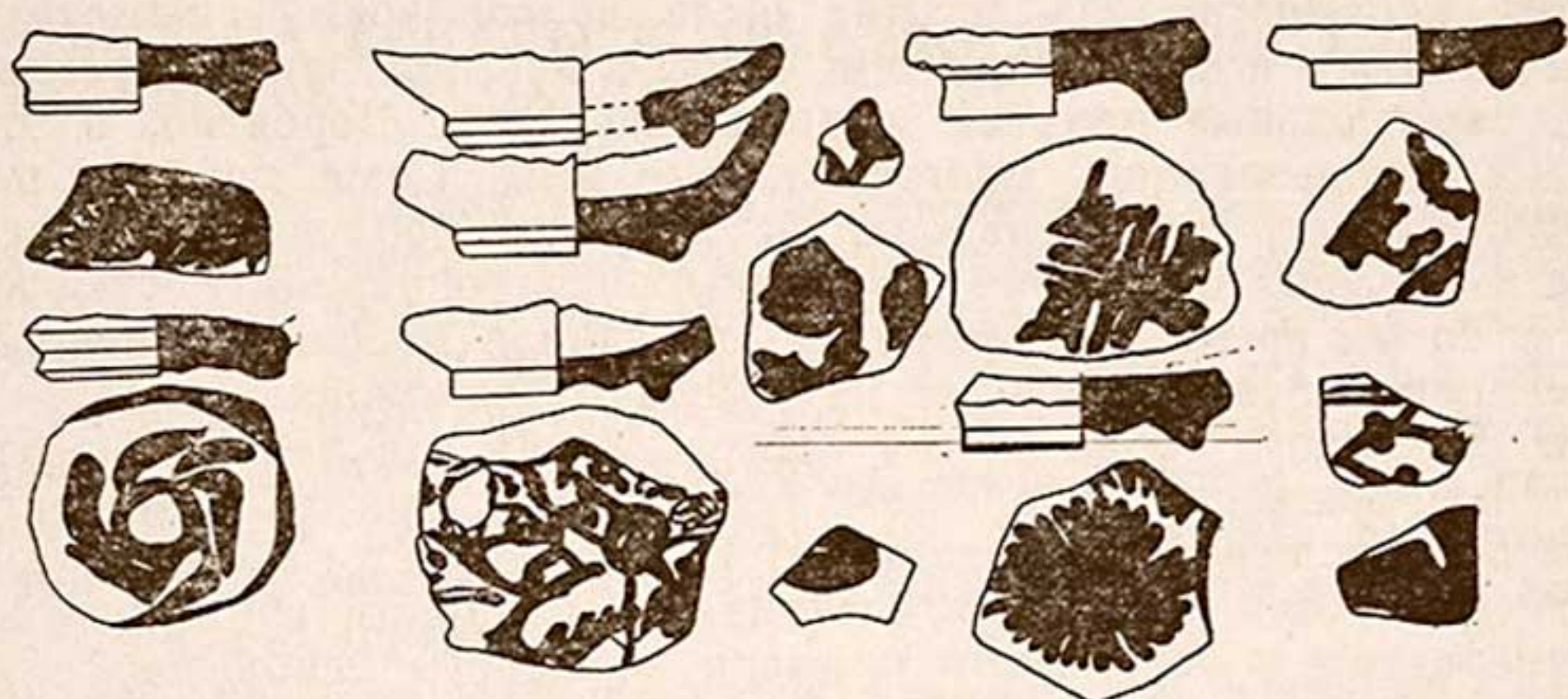

Рис. 3. Глазурованная керамика Шахрухия конца XV—XVI в.

ды со словом «...зарбба...» По определению Б. Д. Кочнева, монета по типу относится к чекану конца XV — или начала XVI в., когда идет надчекан монет узбекскими ханами. К этому времени и следует отнести основной керамический комплекс.

Большой интерес представляют обломки стекла в комочках и небольших слитках и крупными кусками, приварившимися к слоям чистой глины или огнеупорному составу. Некоторые слитки прошли внутрь лессовой структуры глины. Обнаруженные находки свидетельствуют о причастности хозяйства с печью к стекловаренному ремеслу. Однако не совсем ясно, являются прикипевшие керамические образцы деталью стенок печи (на самих стенках горна следы стекла не обнаружены) или каких-то крупных керамических подставок, на которых варилась стеклянная фритта. В то же время всевозможные шлаки — керамический брак, а также конструкции печи показывают, что нами вскрыта часть ремесленной мастерской, связанной в основном с изготовлением и обжигом гончарной посуды. Оба уровня полов относятся ко времени функционирования одного керамического горна, причем на ранних этапах работы печь уходила под пол на 0,95 м, т. е. почти до материка, а к концу ее функционирования не только

¹⁰ Вархотова Д. Указ. соч., с. 88.

вся топочная камера, но и часть рабочей, оказались под уровнем рабочей поверхности. Вероятно, для топочного отверстия было сделано длинное углубление, что способствовало усилению тяги в печи, повышавшей температуру сгорания топлива.

Топливо, судя по остаткам, было травянистым и сгорало почти бездымно при высокой температуре и оставляло светлую золу. Ямы с одной стороны вырыты в лессе, возможно, с целью добычи чистой глины, но основное назначение их было иным. Судя по находкам двух ям, в них хранилась и обрабатывалась глина — сырье керамиста. Она должна была долгое время вымерзать, отмучиваться и вымокать с тем, чтобы в ней полностью перегнили все растительные примеси и удалились соли. Вероятно, в этих целях использовались многочисленные ямы. Сама рабочая площадка не вскрыта, но находки бракованной продукции не оставляют сомнения в наличии здесь комплекса гончарной мастерской.

В то же время обнаруженная стеклянная масса, прикипевшая к глиняной основе, наводит на мысль о возможном использовании гончарного горна и для приготовления стеклянной фритты. Помимо общности процессов, требующих близких температур для обжига керамики и варки стекла, обращает на себя внимание следующий факт. Для создания в гончарном горне высокой температуры и бездымного пламени керамисты использовали сухое травянистое топливо. Однако, сгорая, оно давало ценный материал для приготовления сырья — белую золу.

Изучавшие состав стекла исследователи отмечают в качестве самых ценных для стеклоделия, наиболее обогащенных щелочными компонентами — натрием и калием, травянистые растения семейства маревых или солянковых. Это солерос (*Salsola verba*), растущий на солончаковых почвах Средней Азии¹¹, в частности, вдоль Сырдарьи в Голодной степи, в окрестностях Шахрухи. В этих же районах встречается и растение кирк-бугун, или ежевник шерстистоногий (*Anabasis eriopoda*), использовавшийся керамистами, по А. А. Гребенкину и М. К. Рахимову, для получения ишкора¹². Возможно, применяя эти растения для топки печей, гончары одновременно получали один из важнейших компонентов для приготовления гомогенной стеклянной массы и глазури. Этим можно объяснить хранение золы в некоторых ямах. Песок также мог получаться из сырдарьинских отложений. Такое предположение, разумеется, требует проверки, а сам факт выявления довольно редкого для Средней Азии стеклодувного производства позволяет считать перспективными дальнейшие раскопки в данном ремесленном рабаде Шахрухи.

¹¹ Абдуразаков А. А., Безбородов М. А., Заднепровский Ю. А. Стеклоделие Средней Азии в древности и средневековье. Ташкент, 1963, с. 185—186, табл. 17.

¹² Гребенкин А. А. О гончарном производстве в Зеравшанском округе. — «Туркестанские ведомости», 1974 г., 19 февраля; Рахимов М. К. Художественная керамика Узбекистана. Ташкент, 1961.

В. ГРИШИН

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ ТАШКЕНТСКОГО ОАЗИСА

В древности долина нижнего и среднего течения р. Чирчик была хорошо освоена и обжита, причем города и поселения располагались как на высоком берегу реки, так и в ее пойме. Узкой полосой между Чирчиком и каналом Бозсу тянулись плодородные земли, удобные для земледелия и выпаса домашнего скота, обводняемые дополнительно Куркульдуком и Джуном. Здесь постепенно оседали кочевники. Куркульдук сначала был самостоятельной рекой, впоследствии, из-за нехватки воды в реке, его подсоединили к Чирчику.

Археологическое изучение долины началось в конце 20-х годов. А. А. Потапов проводит обзорное исследование памятников Среднечирчикского района¹. К систематическому исследованию городищ и поселений правобережья р. Чирчик в 1934 г. приступает Г. В. Григорьев². Наряду с картированием памятников он осуществил раскопки нескольких объектов, получивших название (по первому пункту исследований) «каунчинской культуры». В 1937 г. Т. Г. Оболдуевой были вскрыты курганы близ г. Янгиюль³. В 1938 г. некоторые памятники Среднечирчикского района изучал В. А. Шишкин⁴. В течение ряда лет раннесредневековые замки в районе ст. Вревская (ныне ст. Алмазар) исследовались группой сотрудников Института истории и археологии АН УзССР под руководством Я. Г. Гулямова с участием Д. П. Вархотовой. С 60-х годов этот район изучается и коллективом сотрудников Института археологии АН УзССР под руководством Ю. Ф. Бурякова. К работам привлечены также местные краеведы⁵.

¹ Потапов А. А. Обзор тепе Среднего Чирчика и археологических развалин вокруг Ташкента. Ркп. Ташкент, 1929. Архив Главного управления по охране памятников Министерства культуры УзССР, № 2237, П-64.

² Григорьев Г. В. Отчет об археологической разведке в Янгиюльском районе УзССР в 1934 г. Ташкент, 1937; Он же. Краткий отчет о работе Янгиюльской археологической экспедиции 1937 г. Ташкент, 1940.

³ Оболдуева Т. Г. Отчет о раскопках курганов близ Янгиюля. Ташкент, 1937.

⁴ Шишкин В. А. Отчет об археологическом обследовании мазара Шах-Абду-Малик в Среднечирчикском районе УзССР. Ташкент, 1938.

⁵ Археологические памятники Ташкентской области. Ташкент, 1973.

В 1977 г. отряд по составлению свода археологических памятников Ташкентской области провел разведку в районе среднего и нижнего течения р. Чирчик с целью выявления еще неизвестных памятников. Были сделаны топографические съемки на 24 памятниках, из которых 12 различных по времени памятников обнаружены впервые. В основном это укрепленные сельские поселения раннесредневекового времени, располагавшиеся на высоком обрывистом правом берегу Чирчика или на берегах Куркульдука, канала Бозсу. Два памятника поры раннего и развитого средневековья обнаружены на берегу арыка Джун. Шесть памятников довольно хорошей сохранности, от трех осталась одна цитадель, культурный слой остальных поселений сохранился частично.

Бузулук тепа. Расположено в 200 м к северо-востоку от Чанг-тепа. Памятник почти полностью уничтожен, сохранился лишь 1,5-метровый культурный слой, содержащий материал ориентировочно X—XII вв. н. э. Памятник располагался на восьмиметровом лессовом останце.

Безымянное тепа. Находится на территории совхоза им. Свердлова в 3 км к северо-востоку от Каптартепа⁶. Сохранилась четырехугольная в плане цитадель высотой 12 м, шахристан уничтожен, материал времени Каунчи II.

Безымянное тепа. Расположено на северной окраине кишлака Нау, на правом берегу р. Куркульдук. Цитадель овальной формы, расположена на лессовом останце. Восточнее к ней примыкают два шахристана, разделенные сухим руслом древнего арыка. В южной части одного из шахристанов обнаружены остатки керамической печи. Культурный слой сохранился на высоту до 1 м. Керамика неполивная, раннесредневековая.

Турткультепа. Находится на западной окраине г. Янгиюль. Памятник представляет собой городище в форме параллелограмма размером 220×260 м. Частично сохранились стены, материал времени позднее Каунчи II.

Сигиртепа. Расположено в 1 км к западу от Турткультепа, на левом берегу р. Куркульдук. Сохранилась цитадель, расположенная на лессовом останце высотой 16 м. С юга и юго-запада к ней примыкают два шахристана. Материал раннесредневековый, Каунчи II.

Коштепа. Находится на территории колхоза им. Фрунзе, на правом берегу арыка Джун. Сохранилась шестиметровой высоты цитадель небольших размеров овальной формы, шахристан уничтожен. Материал — неполивная керамика поры раннего средневековья.

Каратепа. Находится на территории колхоза им. Назарали Ниязова, на левом берегу канала Бозсу. Сохранилась десятиметровая цитадель четырехугольной формы. С северо-востока к ней

⁶ Там же, с. 54.

примыкает частично уничтоженный шахристан, отделенный от цитадели рвом, еще читающимся в микрорельефе. Памятник раннесредневекового времени, видимо, Каунчи II.

Безымянное тепа. Расположено на правом берегу арыка Джун. В 50 м южнее проходит дорога от Большого Узбекского тракта к станции Пахта. Четырехметровой высоты цитадель окружена шахристаном в форме вытянутого с запада на восток четырехугольника. Материал — поливная керамика X—XII вв. н. э.

Безымянное тепа. Расположено на высоком берегу Чирчика, на юго-восточной окраине пос. Алмазар. Четырехугольная цитадель расположена на лессовом останце высотой 12 м. С запада и с северо-запада к ней примыкает четырехугольный шахристан. Местами в микрорельефе выделяются стены. Между цитаделью и шахристаном видны следы рва. На поверхности обнаружена неполированная керамика раннесредневекового времени.

Безымянное тепа. Расположено на западной окраине пос. Алмазар, на высоком береговом срезе р. Чирчик. Цитадель небольших размеров, четырехугольной формы. С севера к ней примыкает аналогичных размеров шахристан, отделенный от цитадели рвом. Материал Каунчи II.

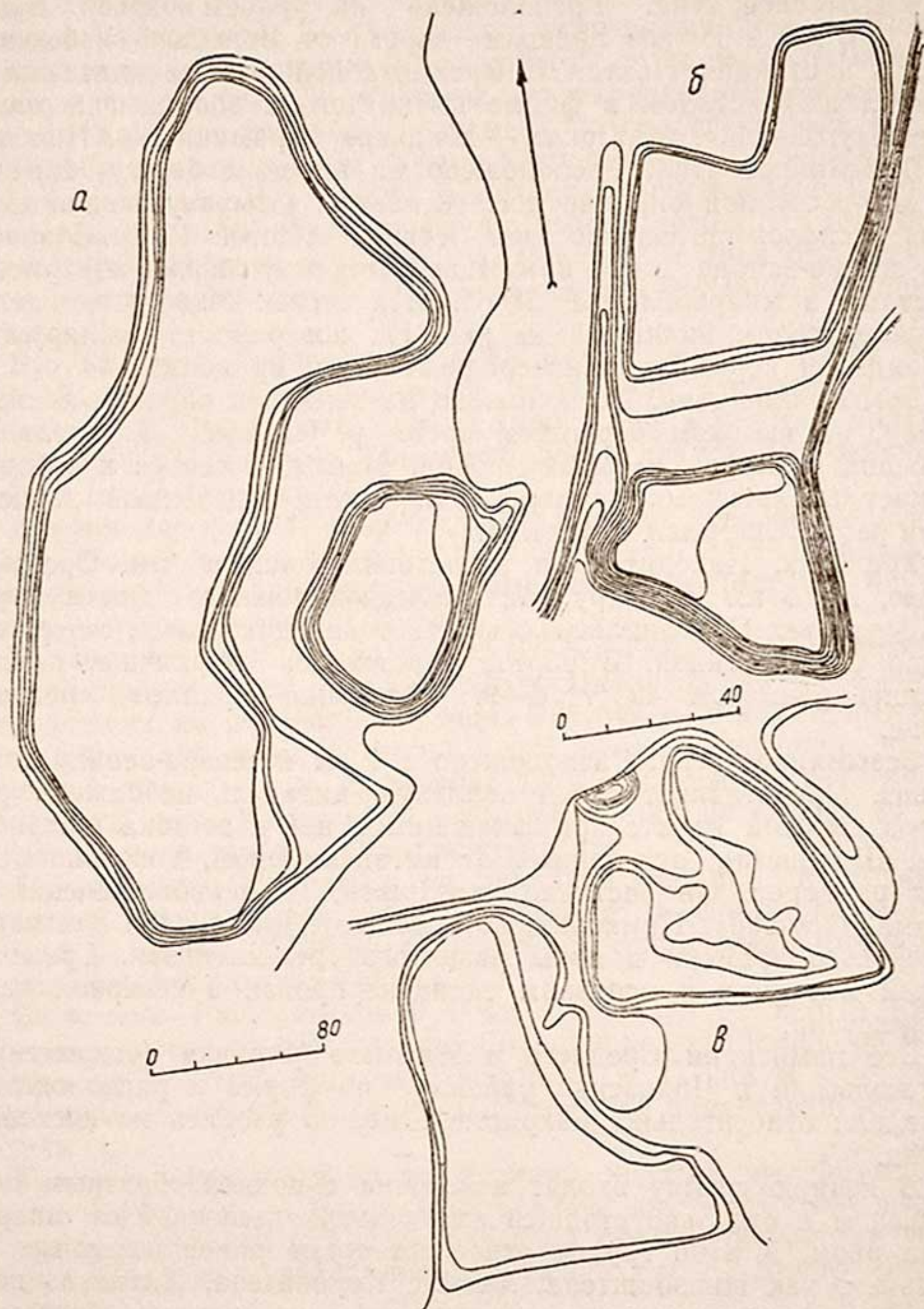
Урантепа. Находится на территории колхоза им. Орджоникидзе, в 1,5 км к северу от железнодорожного моста через р. Сырдарью. Сохранилась восьмиметровая цитадель, с севера частично уничтоженная. В обресе обнажилась кирпичная кладка. Кирпич размером $42 \times ? \times 8-9$. Материал — раннее средневековье.

Безымянное тепа. Расположено в 1 км к северо-западу от ст. Чиназ. Представляет собой овальную цитадель небольших размеров высотой 10 м с примыкающим к ней с востока шахристаном. Шахристан, отделенный от цитадели рвом, довольно больших размеров. Он частично уничтожен, и первоначальная его форма нарушена. Памятник, по-видимому, имеет слои раннесредневекового времени и поры развитого средневековья. Средневековый материал в основном сконцентрирован в северной части шахристана.

Все памятники Среднего и Нижнего Чирчика (современные Янгиюльский и Чиназский районы) по форме и расположению цитадели относительно шахристана можно разбить на несколько групп.

В первую группу входят поселения с подковообразным шахристаном и отдельно стоящей цитаделью, отделенной от шахристана рвом. К этой группе относятся такие ранее известные памятники, как Ниязбаштепа, Актепа, Каунчитепа. Цитадель поселений этой группы часто располагается на высоком береговом срезе. С одной стороны естественной преградой служит река, с другой — укрепленный подковообразный шахристан. Аналогичные по форме памятники встречаются и в Аккурганском районе (рис., а).

Ко второй группе относятся поселения с шахристаном, при-
мыкающим к отдельно стоящей цитадели только с одной сторо-
ны. В эту группу входят ранее известный Ахмадтепа и недавно

Типы поселений.

обнаруженное Безымянное тепа на восточной окраине пос. Алма-
зар. На таких поселениях цитадель также отделена от шахрис-
тана рвом (рис., б).

Третью группу составляют поселения с цитаделью и двумя отделенными друг от друга шахристанами. К ним относятся Сигиртепа и Безымянное тепа у кишлака Нау. Появились ли оба шахристана одновременно — сказать трудно, но вполне возможно, что второй шахристан образовался позднее, в связи с ростом населения (рис., в).

Планировка остальных памятников аморфной формы, преимущественно продиктованной рельефом местности, или памятник разрушен так, что планировку восстановить невозможно.

В особую группу можно выделить памятники, содержащие культурные слои развитого средневековья. Это Каптартепа I, находящееся в местности Сеид-ата и Безымянное тепа, расположенное у арыка Джун. Цитадель здесь расположена на территории шахристана. По-видимому, это были небольшие средневековые городки, расположенные вдоль караванного пути такие, как Чиначекет (городище Чиназ) и Денфиганкет (Югантепа)⁷.

Весной — летом 1978 г. маршрутный археологический отряд продолжил разведку в Ташкентской области. Была обследована территория Чаткальского горно-лесного заповедника, где ранее на двух его участках были обнаружены наскальные рисунки древнего человека⁸.

Заповедник расположен на отрогах Чаткальского хребта. Небольшие горные речки, берущие начало с ледников, имеют скалистые и обрывистые берега. На склонах много каменных осыпей. Свободной, пригодной для поселения земли здесь довольно мало, видимо, поэтому на первом участке, на одном из притоков Бошкызылсая — Мулласуфисае обнаружено лишь одно поселение. Это небольшой холм четырехугольной формы, вероятно, цитадель и примыкающий к нему небольшой прямоугольный шахристан. Поселение расположено на высоком берегу Мулласуфисая, с юга и юго-востока прикрыто водоразделом. В подъемном материале найдено всего два фрагмента грубой лепной керамики. Такая малочисленность материала отмечена и на других памятниках Чаткальского заповедника, что, видимо, характерно для поселений горных районов. В средней части Бошкызылсая обнаружены остатки рудоплавильной печи, а в его нижней части, в районе наскальных рисунков⁹, найдены два каменных орудия.

Далее был обследован второй участок Чаткальского заповедника.

Кургантепа, расположенное в Малом Майдантале, представляет собой холм высотой 16 м округлой формы с примыкающей к нему с востока небольшой возвышенностью. Приблизительно

⁷ Буряков Ю. Ф. Историческая топография Ташкентского оазиса. Ташкент, 1975, с. 13.

⁸ Кабиров Д., Есипова Т. В. Следы древнего человека в Каразау. — В кн.: Труды Чаткальского горно-лесного государственного заповедника. Ташкент, 1977; Археологические памятники..., с. 64, № 437а.

⁹ Археологические памятники..., с. 64, № 438.

в 100 м к югу замечены остатки стены. Пространство между тепа и стеной ровное, лишь в одном месте заметно небольшое всхолмление. Подъемный материал — несколько стенок грубых лепных сосудов.

В двух километрах к северу от Малого Майдантала расположен Большой Майдантал, представляющий собой такое же небольшое, размером приблизительно 3×4 км, плоскогорье, прорезанное саями и отделенное от Малого Майдантала водоразделом. Здесь обнаружены два рядом стоящих памятника Чиноратепа 1 и Чиноратепа 2.

Чиноратепа 1 — памятник с цитаделью вытянутой, узкой формы с примыкающим к ней с востока шахристаном. Ширина цитадели всего 15—20 м, а вытянутая форма ее уже известна по разведкам А. К. Кибирова в горном Чаткале, где им было обнаружено горное поселение аналогичной формы¹⁰. Цитадель и шахристан расположены на останце с довольно крутыми склонами.

Юго-восточнее, за маленьким саям, расположена Чиноратепа 2 — памятник более округлой аморфной формы. Подъемный материал — несколько стенок лепных сосудов и кусочек толстого донца. Видимо, оба памятника — укрепленные сельские поселения, хронологически отличающиеся друг от друга. Вероятно, в прошлом оба поселения являлись собственностью феодалов или двух родовых общин, владевших хорошими плодородными землями, богатыми водой, удобными как для земледелия, так и для скотоводства. Они отделялись друг от друга естественной преградой, которой служил водораздел.

Приблизительно в 4 км от Кургантепа, к юго-востоку от Ревашая, были обнаружены несколько курганных групп, насчитывающих в общей сложности около 60 курганов диаметром от 5 до 12 м. Один из курганов оказался выложенным из камня.

Дальнейшая разведка, проводившаяся вдоль горных рек Серкалисай, Тереклисай, Зиндонсай, не дала положительных результатов, хотя наличие наскальных рисунков в верховьях Тереклисай и фрагментов керамики свидетельствует о том, что здесь в прошлом существовали стоянки древнего человека и, вероятно, пролегали караванные пути через Чаткальский хребет.

¹⁰ Кибиров А. К. Археологические памятники Чаткала.— ТКАЭЭ. Т. II. М., 1955, с. 19, рис. 11.

Б. КОЧНЕВ

ЗАМЕТКИ ПО СРЕДНЕВЕКОВОЙ НУМИЗМАТИКЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Часть 3 (Караханиды, Мас'уд-бек, Чагатаиды, Тимуриды,
Джаниды)

Еще раз о монетах Караханида Сулаймана б. Дауда. Изучившая два клада медных монет Сулаймана б. Дауда Е. А. Давидович подметила, что оформление монет и надписи на них выполнены небрежно, чекан же, судя по значительному количеству вариантов и большому числу штемпелей, выглядит интенсивным и продолжительным. Все это позволило ей предположить, что рассматриваемые монеты «не столичного происхождения и относятся не к кратковременному в 1097 г. правлению Сулаймана всем Мавераннахром. Кажется правдоподобным допустить, что монеты эти чеканены на каком-то провинциальном монетном дворе в пору, когда Сулайман б. Дауд был удельным владельцем». Выбитый на них высокий титул Сулаймана — Кадыр Тафгач-хакан — не противоречит такому предположению, поскольку и удельные правители могли титуловаться очень пышно, если занимали, как Сулайман, определенное место в династической иерархии¹.

Все известные монеты Сулаймана, хранящиеся в музейных и частных собраниях, относятся к одному типу, а надписи всех вариантов стандартны по содержанию и не включают выпускных сведений. На л. ст. выбит символ веры, на об. ст. — имя и титул государя, а перед ними — два слова, второе из них А. К. Марков читал как *المستغفر* (ал-Мустагфир)², а Е. А. Давидович — как *المستعفر* (без транскрипции)³; первое, короткое слово, по существу не читали оба. Если принять вариант А. К. Маркова, то окажется, что перед именем Сулаймана стоит относящийся к нему эпитет «ал-Мустагфир» («молящий о прощении») — пример, не имеющий аналогий в караханидской нумизматике (рис. 1).

¹ Давидович Е. А. Нумизматические заметки, 1 (Караханиды, Чингизхан, Шейбаниды). — Изв. отд. обществ. наук АН ТаджССР, 1968, № 3, с. 74—77.

² Марков А. К. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. СПб., 1896, с. 851—852, № 532^{a-c}.

³ Давидович Е. А. Нумизматические заметки..., с. 74.

Можно, кажется, предложить и третий вариант чтения. На многих караханидских монетах, как предшествующих чекану Сулаймана б. Дауда, так и более поздних, включая близкие по времени, перед именем правителя упоминается халиф. Весьма вероятно, что здесь тот же случай, когда в начальных словах легенды об. ст. можно увидеть искаженное имя халифа Мустазхира (المستظهر بالله). Конечно, такое чтение требует некоторой натяжки, ибо предпоследняя буква ближе всего к «фа» в слове «Тафгач», а предшествующая ей — к «гайну» в том же слове (в этом отношении вариант А. К. Маркова выглядит непротиворечивым). Но эта натяжка до некоторой степени оправдана, поскольку в надписях многих монет Сулаймана нередки ошибки, в том числе и в его имени. Известны также более поздние примеры неверного написания имени халифа; на медных посеребренных караханидских дирхемах третьей четверти XII в. имя халифа Мустади всегда начертано с ошибкой, причем на монетах трех государей — Мухаммада б. Мас'уда, Мухаммада Акдаш Тафгач-хана и Ибрахима б. Хусайна⁴. Ошибка заключается в том, что в словах المستض بالله вместо

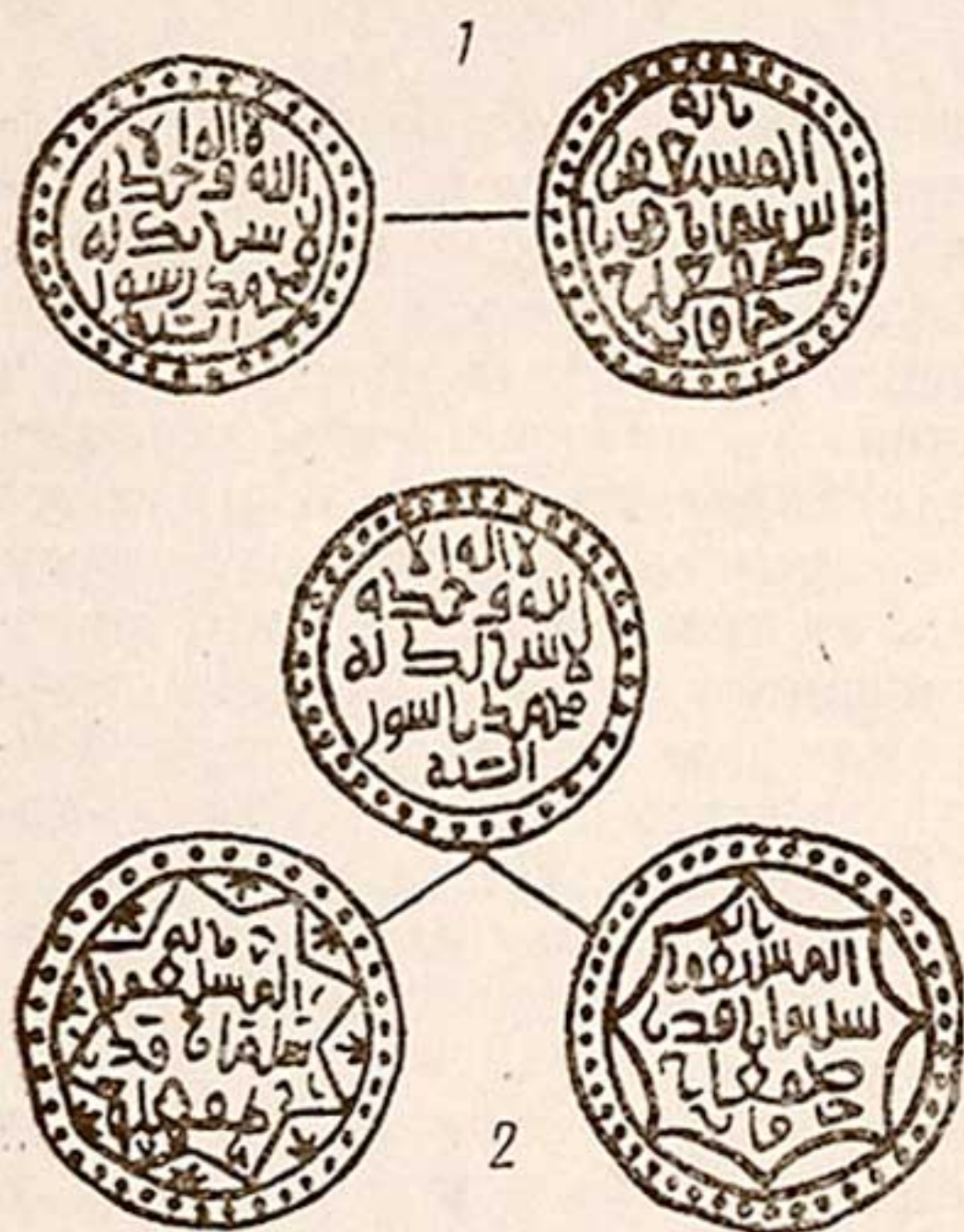

Рис. 1. Монеты Сулаймана б. Дауда. Реконструкция (По Е. А. Давидович).

стоит الله بالله или еще какое-то неясное слово. Следовательно, и в двух сомнительных словах на монетах Сулаймана б. Дауда можно видеть неточно воспроизведенное имя халифа Мустазхира: المستظهر بالله вместо المستع بالله. Поскольку Мустазхир правил в 487/1094—512/1118 гг., а Сулайман б. Дауд — в 490/1097 г., то хронологические рамки выпуска его

⁴ Давидович Е. А. Вопросы хронологии и генеалогии Караханидов второй половины XII в.— В сб.: Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М., 1977, с. 182. В этой работе отмечены ошибки на монетах Акдаш Тафгач-хана, ошибки на дирхемах Мухаммада б. Мас'уда зафиксированы нами в упоминаемом ниже кермининском кладе. Дирхемы Ибрахима б. Хусайна с именем Мустади описана нами, но наличие ошибки не оговорено (Кочнев Б. Д. К истории денежного обращения в Средней Азии в XI—XII вв.— В сб.: ИМКУ. Вып. 12. Ташкент, 1975, с. 170).

монет сужаются до трех-четырех лет: в пределах 487/1094—490/1097 гг. Тем самым несколько увеличивается вероятность их чекана в период, когда Сулайман достиг самаркандского престола.

Если Е. А. Давидович допускает (в достаточно осторожной форме) «провинциальное» происхождение монет Сулаймана, то Р. З. Бурнашева попыталась конкретно определить место их выпуска. На основании того, что на городище Талгар (средневековый Талхиз/Талхир) была найдена единственная монета Сулаймана б. Дауда, она предположила, что здесь могли чеканить монеты с именем Сулаймана — местного удельного правителя⁵. Прочие доводы Р. З. Бурнашевой (удобное положение Талгара на пересечении торговых путей, высокоразвитое ремесло, обнаружение медных стержней и чашечек от весов, на которых могли взвешивать монеты) по существу не относятся к делу, ибо не могут служить свидетельством чеканки монет ни взятые в отдельности, ни даже вместе. В средневековой Средней Азии известно немало и более крупных, выгоднее расположенных и более развитых в ремесленном отношении городов, но тем не менее не чеканивших собственных монет. Один из таких городов — домонгольский Несеф, располагавшийся на перекрестке торговых путей. В нем были развиты многие отрасли ремесла, включая меднолитейное; при всем том не выявлено пока ни одной монеты, чеканенной в Несефе.

Теоретически можно допустить вероятность выпуска монет в Талгаре (как и в любом другом достаточно крупном населенном пункте), но только не монет Сулаймана б. Дауда, который принадлежал к западнокараханидским правителям. Талгар находился на территории Семиречья, входившего в состав Восточнокараханидского каганата.

Быть может, не стоило бы останавливаться на этом вопросе, если бы домыслы Р. З. Бурнашевой не воспринимались другими исследователями с доверием. Так, В. И. Распопова, показав на конкретном и убедительном материале, что медные монеты в Пенджикенте отливались и в частных мастерских, в качестве единственной параллели приводит Талгар, где «монеты в эпоху средневековья изготавливались в ювелирной мастерской»⁶. К. М. Байпаков, также, по-видимому, основываясь на догадках Р. З. Бурнашевой, видит в них «косвенные данные о чеканке в Талгаре монет»⁷. Таких данных, к сожалению, пока нет.

Караханидские фельсы третьей четверти XII в. Еще сравнительно недавно считалось, что во второй половине XII — начале XIII в. в Мавераннахре чеканились, помимо золотых монет, толь-

⁵ Бурнашева Р. З. Монета Сулаймана б. Дауда с городища Талгар. — В сб.: Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972, с. 182—186.

⁶ Распопова В. И. Отливка монет в мастерских Пенджикента рубежа VII—VIII вв. — КСИА. Вып. 147. М., 1976, с. 47, прим. 8.

⁷ Байпаков К. М. Периодизация городской и оседлой сельской жизни Илийской долины. (IX—XV вв.). — «Бартольдовские чтения», год четвертый. Тезисы докладов и сообщений. М., 1978, с. 10.

ко медные дирхемы. Однако Е. А. Давидович доказала, что позднекараханидские и ануштегинидские дирхемы были на самом деле посеребренными и обслуживали сферу серебряного обращения, в повседневной же розничной торговле должны были использоваться медные фельсы. Ей удалось выявить два типа таких фельсов: самаркандские монеты Караханида Ибрахима б. Хусайна 595/1198—99 г. и бухарские монеты 608/1211—12 г. хорезмшаха Мухаммада б. Текеша. «Таким образом,— заключает Е. А. Давидович,— если не систематически, то эпизодически на разных

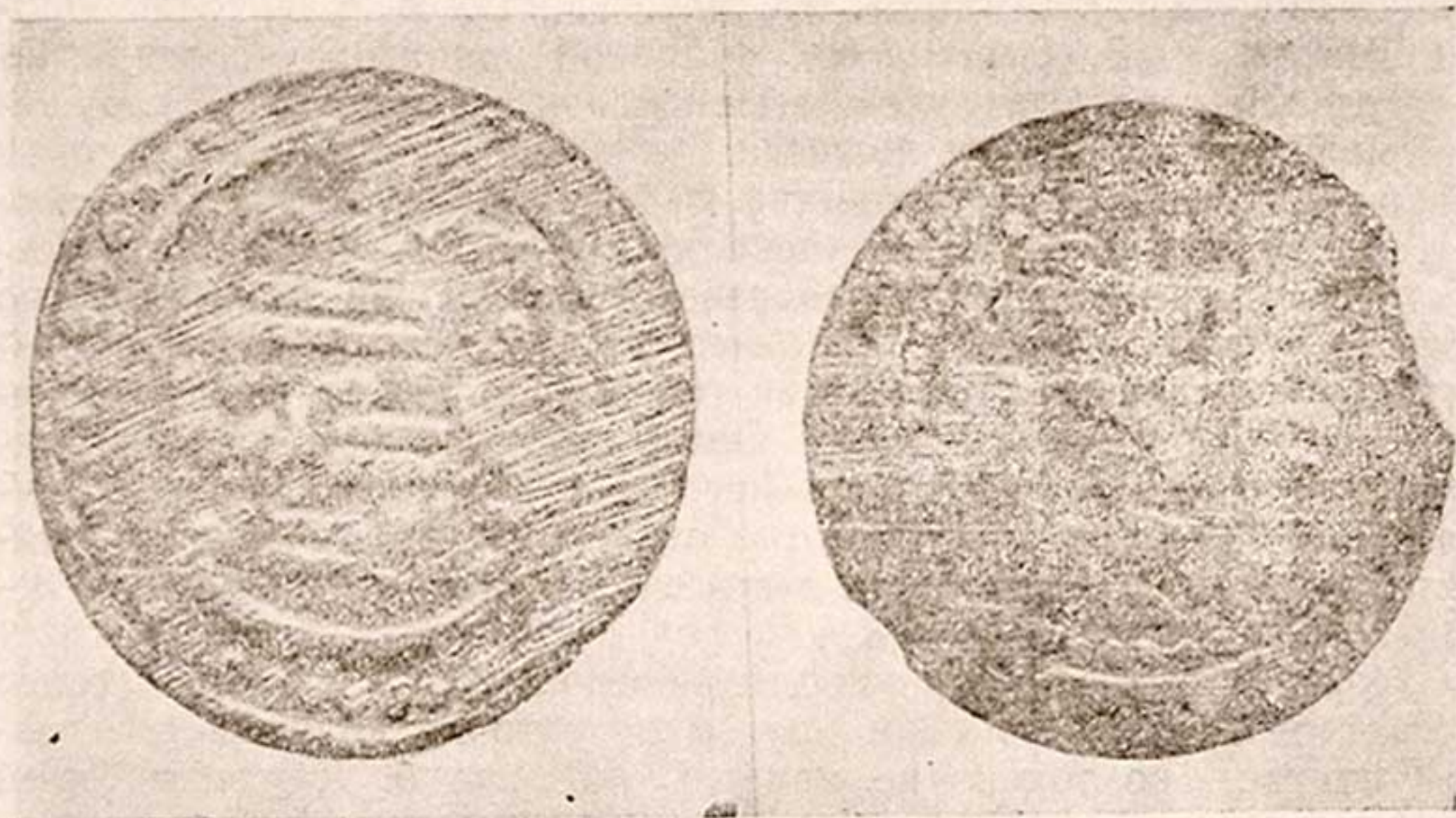

Рис. 2. Фельсы Мас'уда б. Хасана. Самарканд, 562/1166—67 г.

монетных дворах выпускались медные фельсы, которые и обслуживали мелкий розничный товарооборот»⁸.

Вскоре Г. В. Шишкина в составе опубликованного еюклада с городища Афрасиаб⁹ выявила девять новых типов фельсов Ибрахима б. Хусайна; шесть типов сохранили название монетного двора (Самарканд), а пять также и дату: 590/1193—94, 5(9)1/1194—95¹⁰, 594/1197—98¹¹, 596/1199—1200¹² и 588/1192 или

⁸ Давидович Е. А. Из области денежного обращения в Средней Азии XI—XII вв.—НЭ. Т. II. М., 1960, с. 105—110.

⁹ Шишкина Г. В. Клад медных монет с Афрасиаба.—В сб.: ИМКУ. Вып. 5. Ташкент, 1964, с. 112—122.

¹⁰ В дате сохранились ни десятки, ни сотни, и Г. В. Шишкина допускала также дату 581 г. х., но Ибрахим на данной монете назван султаном, каковой титул он принял не ранее 582 г. х., еще в этом году именуясь хаканом (см.: Давидович Е. А. Нумизматические материалы для хронологии и генеалогии среднеазиатских Караханидов.—Нумизматический сборник, ч. 2.—Труды ГИМ. Вып. XXVI. М., 1957, с. 97—98).

¹¹ Начертание слова, обозначающего десятки в дате, допускает также чтение ее как 574 г. х., но в этом году Ибрахим был еще хаканом, на фельсах же из Афрасиабского клада он везде султан.

¹² Г. В. Шишкина читала (со знаком вопроса) дату на фельсах этого типа

598/1201—02 гг. Тем самым было доказано, что по крайней мере при Ибрахиме б. Хусайне чекан фельсов в его столице — Самарканде носил отнюдь не эпизодический, а регулярный характер (рис. 2).

Новые данные свидетельствуют, что в Самарканде фельсы чеканились задолго до Ибрахима, при его предшественнике (и дяде) Мас'уде б. Хасане. Фельсы Мас'уда более десяти лет назад стали бы достоянием науки, если бы не инерция восприятия: как в свое время все медные караханидские монеты считались фельсами (даже если на них стояло слово «дирхем»), так теперь монеты Мас'уда были приняты М. Н. Федоровым за дирхемы, хотя в надписях они названы фельсами. Речь идет о небольшом кладе из пяти монет, который был найден в 1965 г. археологом М. И. Филанович в 100 м к югу от цитадели Афрасиаба и определен М. Н. Федоровым как кладик «медных дирхемов» Мас'уда¹³. Три однотипные монеты из этого кладика хранятся в Музее истории г. Самарканда. Ознакомление с ними показало, что номинал их назван М. Н. Федоровым неверно. Еще одну монету того же типа автору этих строк удалось обнаружить в частной коллекции Ш. М. Кашапова (г. Самарканд). Приводим описание этих монет.

Л. ст. В поле, в тройном ободке (точечный между двумя линейными):

رکن
الدنيا
والدين

Вверху украшение, внизу колечко, справа и слева — по треугольничку из трех колечек.

Об. ст. В центре — крестообразное украшение, по сторонам которого надпись квадратом:

أبو المظفر / قلج / طغاج / حان

Кругом, между внутренним точечным и линейным ободками, — выпускные сведения:

صر بهذا
الفلس بسمرقند سنة اثنين
وستين

Монеты выбиты от имени Рукн ад-Дунйа ва-д-Дина Абу-л-Музаффара Клыч Тафгач-хана в Самарканде, на двух сохранилась дата (62, т. е. 562/1166—67 г.) и на двух — название номинала (фельс). Собственное имя государя не упомянуто, но его титулатура, место и время чекана не оставляют сомнений, что

как 606 г. х., но в этом году в Самарканде уже правил Усман, выпуская монеты с упоминанием хорезмшаха Мухаммада б. Текеша и с иной, более скромной титулатурой (Давидович Е. А. Нумизматические материалы..., с. 106).

¹³ Федоров М. Н., Буряков Ю. Ф. Эпиграфические и нумизматические находки и публикации в Узбекистане в 1965 г. — ЭВ. Вып. XIX. Л., 1969, с. 105—106.

это Мас'уд б. Хасан, правивший Мавераннахром (со столицей в Самарканде) около 556—566 гг. х.¹⁴

Описанными монетами не исчерпываются караханидские фельсы третьей четверти XII в.

Совершенно иного типа фельс оказался в составеклада, найденного в 1976 г. возле мавзолея Мир-Сайид Бахрам в Кермине (рис. 3). Вот описание этого фельса.

Л. ст. В поле:

اله
محمد
رسول
الله

Кругом, между внутренним точечным и внешним линейными ободками, выпускные сведения:

بسم [الله صر] بهذا الفلسين (?)
بسمرقند سنه (?)

Об. ст. В поле, между двумя мечами острием вверх:

قلج
طفغاج
خاقان

Вверху треугольничек из трех колечек, внизу колечко, справа и слева по волнообразному украшению.

Кругом, между двумя линейными ободками, выпускные сведения:

بسم الله صر بهذا الفلسين (?)
بسمرقند سنه (?)

Определение времени выпуска данной монеты представляет некоторую трудность, ибо ни на лицевой, ни на оборотной стороне не проставлена дата, а государь назван не по имени, а по тюркскому титулу (Клыч Тафгач-хакан) и без лакаба, который мог бы послужить индикатором. Сам клад состоит из двух тысяч (без малого) медных посеребренных дирхемов и описанный фельс — единственное исключение. Из его состава лишь 27 монет относятся к удельному чекану Бараба и Ферганы, почти все остальные — дирхемы Самарканда, битые от имени двух государей: Мас'уда б. Хасана и его сына Мухаммада б. Мас'уда. Из датированных дирхемов этих правителей ранний относится к 560/1164—65 г., поздний — к 568/1172—73 или 569/1173—74 г. В пределах этих дат и был выбит, надо полагать, описанный фельс, но при каком государе — сейчас решить невозможно: и тот, и другой носили титул Клыч Тафгач-хан. Если при Мас'уде, то перед нами уже второй тип его фельсов, если при Мухаммаде — окажется, что и наследник Мас'уда продолжал выпуск фельсов. В любом случае в Самарканде фельсы чеканились более чем на двадцать лет раньше фельсов Ибрахима б. Хусайна, известных науке.

Любопытно обозначение номинала на обеих сторонах описанной монеты. Хотя сохранность интересующего нас слова не иде-

¹⁴ О Мас'уде, его монетах, происхождении и времени правления см.: Давидович Е. А. Вопросы хронологии..., с. 179 и сл.

альна (почему в описании и поставлен знак вопроса), скорее всего это не *الفلس*, а *الفلسين* — «два фельса», «двойной фельс». В караханидской нумизматике, кажется, нет аналогий подобному обозначению номинала; даже медные посеребренные дирхемы двух достоинств, обращавшиеся одновременно и относившиеся друг к другу, судя по метрологическим показателям, как 1:2, в легендах названы просто «дирхемами».

Вообще в выпуске медных фельсов двух достоинств нет ничего невозможного: при Саманидах, кроме основного номинала («адли»), чеканили и более мелкие монетки («пашиз»). Те и

Рис. 3. Фельс Клыч Тафгач-хакана. Самарканд, без указания года.

другие легко различались по весу, размеру и внешнему облику¹⁵. То же самое следует сказать и о раннекараханидских фельсах.

Как явствует из слов продолжателя Наршахи, и при Караханидах, по крайней мере в Бухаре, выпускали «адли» и «пашиз»¹⁶. но, судя по находкам из Бухары, их также было нетрудно различить по весу и размеру. Фельсы 562 г. х. и недатированный обращались, видимо, одновременно, но критерием их различия могла служить только разница типов, размеры же и вес их очень близки (562 г. х.: диаметр 25—26 мм, вес 2,5; 2,6; 2,8 г; без даты: диаметр 23 мм, вес 2,3 г). Более того, «двойной» фельс по размеру и весу даже несколько меньше «одинарного», что вызывает некоторое недоумение. Поскольку фельс из кермининскогоклада не имеет даты и не известно, выпущен ли он раньше или позже

¹⁵ Давидович Е. А. Денежное обращение в Мавераннахре при Саманидах.— НЭ. Т. VI. М., 1966, с. 126—127.

¹⁶ Там же, с. 126.

562 г. х., нет смысла входить в рассмотрение этого странного явления. Учитывая же, что и обозначение номинала на нем читается не вполне уверенно, вопрос о чеканке в Самарканде в третьей четверти XII в. фельсов двух достоинств следует пока оставить открытым.

Сам факт выпуска фельсов не вызывает сомнений, но насколько значительными были их эмиссии, сказать сейчас трудно; все же показательно, что все три монеты из кладика биты разными штемпелями.

Таким образом, при Мас'уде б. Хасане (быть может, также при Мухаммаде б. Мас'уде) в Центральном Мавераннахре выпускались монеты всех трех номиналов (золотые динары¹⁷, медные посеребренные дирхемы двух достоинств¹⁸, медные фельсы) и тем самым все сферы торговли, начиная от крупной и кончая мелкой розничной, были обеспечены средствами обращения.

Монета Мас'уд-бека. Среди монет, найденных во время работ археолога И. А. Ахрарова на городище Ахсикент¹⁹, особое внимание привлекла медная монета далеко не идеальной сохранности, обрубленная почти на четверть (причем обрублена она не в древности). Приводим ее описание.

Л. ст. В поле, в двойном линейном ободке:

لا اله الا
الله محمد
رسول الله

Кругом стерто, обрезано или неразборчиво.

Об. ст. В поле, в двойном линейном ободке:

ضرب بامر
مسعود
الخوارزمي

Кругом стерто, обрезано или неразборчиво.

Вполне вероятно, что в круговой легенде лицевой или оборотной стороны, а может быть и на обеих, содержались выпускные сведения, но они фактически утрачены, уцелевшие же незначительные фрагменты не поддаются чтению. Следовательно, вопрос о месте чекана данной монеты вообще решить невозможно, время же выпуска определяется лишь приблизительно. Не слишком много дает анализ почерка легенд, ибо среднеазиатская палеография по существу еще не разработана. Ясно лишь, что монета выбита около времени монгольского нашествия в пределах XII—XIV вв., причем скорее уже после завоевания.

Гораздо большую информацию можно получить, анализируя имя упомянутое в поле об. ст.— Мас'уд ал-Хваризми, о котором

¹⁷ О динарах Мас'уда и Мухаммада см.: Федоров М. Н. По поводу афрасиабского клада золотых монет второй половины XII в.— НЭ. Т. XII. М., 1978, с. 56 и сл.

¹⁸ О наличии в чекане Мас'уда обращавшихся одновременно медных посеребренных дирхемов двух достоинств свидетельствует состав кермининского клада.

¹⁹ К сожалению, нам не удалось получить более точных сведений об обстоятельствах находки данной монеты.

сказано, что монета выбита по его приказанию. Нисба указывает на среднеазиатское происхождение Мас'уда, а учитывая, что монета медная и найдена в Средней Азии, можно не сомневаться, что и выпущена она здесь же. Но в таком случае период XII — начала XIII в., как время ее выпуска, вообще отпадает: среди хорезмшахов из династии Ануштегинидов Мас'уда не было, из Караханидов же ни один не мог бы именовать себя хорезмийцем. Не было Мас'уда ни среди Чагатаидов, ни среди Джучидов, к тому же представители обеих династий тоже не были хорезмийцами и никогда так себя не называли в монетных надписях. Зато Махмуд Йалавач, основатель своего рода династии купцов-правителей Средней Азии, управлявших страной при монголах, происходил именно из Хорезма и носил нисбу Хваризми²⁰, на которую вполне мог претендовать и его сын Мас'уд-бек.

Махмуд Йалавач при великом хане Угедее (624/1227—639/1241) был наместником Мавераннахра. Хотя в Средней Азии утвердился Чагатай, Мас'уд-бека назначил наместником Мавераннахра не он, а Угедей (в конце своего правления). Мас'уд-бек «сохранил за собой эту должность до своей смерти (1289 г.), несмотря на все перевороты, происшедшие за эти полвека»²¹. После его кончины наместничество над Мавераннахром получили один за другим три сына Мас'уд-бека. До появления новых монетных данных время выпуска рассматриваемой монеты пока приходится ограничивать широкими хронологическими рамками полувекового правления Мас'уда.

Е. А. Давидович, рассмотрев обширный нумизматический материал, пришла к заключению, что в 670/1271—72 г. в Средней Азии была проведена крупная денежная реформа, в результате ее удалось постепенно наладить регулярный и массовый чекан полноценной серебряной монеты, которая сменила дискредитировавшие себя медные посеребренные дирхемы, а также выпуск медных фельсов. Тем самым разные сферы торговли оказались обеспечены достаточным количеством средств обращения, не подверженных колебаниям и кризисам, а развитие торговли объективно способствовало подъему городской жизни Мавераннахра.

Очень существенно, что реформа, как доказала Е. А. Давидович, была проведена не монгольскими государями, а купцом-правителем Мас'уд-беком. «Монголы, очевидно, не получали отдельного дохода именно от монгольского чекана. Практически в дела монетного чекана и денежного обращения они не вмешивались, как и во все прочее». А это значит, что монетная регалия фактически и даже формально находилась не в руках верховной власти, т. е. монголов, а в руках династии наместников, которые,

²⁰ Полное имя Махмуда с куньей, лакабом и нисбой см.: Стори Ч. А. Персидская литература. Био-библиографический обзор. Перевел с англ., переработал и дополнил Брегель Ю. Э., ч. 1. М., 1972, с. 547.

²¹ Бартольд В. В. История Туркестана. Соч. В 9-ти т. Т. II. Ч. 1. М., 1963, с. 148.

сами будучи купцами, прекрасно понимали значение денег для нормального товарооборота и, конечно, не упускали чекан, как одну из весьма доходных статей для восполнения выдаваемых монголам доходов и умножения своих богатств²².

Такой вывод был сделан на основании анализа всей совокупности нумизматических фактов, в том числе следующего: вплоть до конца XIII в. среднеазиатские монеты анонимны и в своих надписях не содержат имен монгольских государей. Публикуемая монета блестяще подтверждает выводы Е. А. Давидович и окончательно доказывает их справедливость. Действительно, на ней не только упомянут кто-либо из Чагатаидов, но прямо сказано: «Выбито по повелению Мас'уда ал-Хваризми». Этой надписью документально подтверждается, что право монетной регалии принадлежало не монголам, а Мас'уд-беку. Если анонимные монеты XIII в. как бы опускают вопрос о том, кому принадлежит власть в Средней Азии, то данная надпись на тот же вопрос отвечает вполне недвусмысленно: право монетного чекана, а значит (с точки зрения мусульман) и реальная власть была сосредоточена в руках Мас'уд-бека.

Монеты, подобные ахсикентской, до сих пор не были известны. Их редкость, вероятно, не случайна. Очень возможно, что выпуск Мас'удом монет от своего собственного имени встретил у монголов отрицательную реакцию и более не возобновлялся. Жаль, что утрата выпускных сведений на нашем экземпляре не позволяет определить место и точное время их выпуска, равно как и номинал*.

Некоторые неизданные монеты отрарского чекана. За последнее время средневековый чекан Отрара X—XV вв. был рассмотрен дважды²³. Все же некоторые из привлеченных монет были

²² Давидович Е. А. Денежное хозяйство Средней Азии после монгольского завоевания и реформа Мас'уд-бека (XIII в.). М., 1972.

* Уже после того, как данная работа была сдана в печать, в статье Р. З. Бурнашевой (Монетные находки с городища Отрар-тобе за 1974 г.— В сб.: Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978, с. 163) появилось сообщение о находке монеты Мас'уд-бека в кладе 60-х годов XIII в. Мне довелось ознакомиться с фотографией этой монеты; она относится к описанному выше типу, но бита другой парой штемпелей. Еще одна пара матриц использована при изготовлении третьей однотипной монеты, обнаруженной нами в коллекции В. В. Кучерова. Наконец, в письме от 18/V 1980 г. алмаатинский коллега В. Н. Настич сообщил мне, что в собрании Эрмитажа ему встретились еще восемь монет того же типа (все чеканены разными парами штампов), причем в круговой легенде читаются (без уверенности) выпускные сведения: Самарканд (?), 652/1254—55 или 662/1263—64 г. Таким образом, монеты с именем Мас'уд-бека выпускались в третьей четверти XIII в. и довольно интенсивно.

²³ Байпаков К. М., Настич В. Н. Новые данные по истории Отрара X—XIII вв.—Изв. АН КазССР. Серия обществ. наук, 1978, № 2, с. 44—50; Настич В. Н. Значение монетной чеканки Отрара для денежной торговли города и области.—«Бартольдские чтения», год четвертый. Тезисы докладов и сообщений. М., 1978, с. 46—47.

только упомянуты со ссылкой на сообщение пишущего эти строки и без описания, хотя они заслуживают, конечно, полной публикации. Имеются в виду позднекараханидские медные посеребренные дирхемы, медные фельсы XIII в. и медная монета 819/1415—16 г. Караханидские дирхемы предполагается подробно рассмотреть в другом месте, здесь же нам хотелось сделать достоянием исследователей остальные монеты.

В частной коллекции В. В. Кучерова (г. Ташкент) нам удалось обнаружить четыре однотипных неизданных фельса Отраара 656/1258 г., которые перешли к нему от его отца, тоже коллекционера В. С. Кучерова. Вот их описание.

Л. ст. В поле:

لا اله الا
الله محمد
رسول الله
لنا صر الدين
الله

Вверху — украшение, по сторонам — по кружочку.

Кругом, между двумя линейными ободками, выпускные сведения:

صر ب هذه در (?) الفليس ببلده
اترار سنه ست حمد (так!)

Об. ст. В поле:

خانى
الا مام الا
عظم آلنا
صر الدين
الله

Кругом, между двумя линейными ободками, выпускные сведения:

صر ب هذه الفليس ببلده اترار
سنه ست حمد (так!)

Ни на лицевой, ни на оборотной стороне дата выпуска не уместилась целиком. Полностью выбито лишь слово, обозначающее единицы — ست («шесть»). От слова, обозначающего десятки, уместились только первая, вторая и начало третьей буквы (حمد), но слово легко восстанавливается полностью; это خمسين («пятьдесят»). Сотни совсем отсутствуют, но это может быть только ستمائة («шестьсот»): лишь для VII в. х.

характерен анонимный чекан с упоминанием имени халифа Насира. Более того, в типовом отношении публикуемая монета полностью повторяет тип медных посеребренных дирхемов Отраара 649—662 гг. х., вплоть до того, что даже начальный алиф в слове ан-Насир оторван от него и помещен в третьей, а не в четвертой строке. Таким образом, не вызывает сомнений, что монета выпущена в 656/1258 г.

Название номинала («фельс») четко читается на обеих сторонах кружка, но на л. ст. перед ним стоят еще две буквы

(در؟). Быть может, это начало столь привычного для резчика монетного штампа слова «дирхем», начертанное по ошибке.

К. М. Байпаков и В. Н. Настич предполагают, что найденные при раскопках Отрара мелкие медные монеты XIII в. с утраченными выпускными сведениями, хотя и однотипны с оттарскими медными посеребренными дирхемами 50—60-х годов XIII в., но являются скорее всего фельсами, битыми, возможно, в Отраре²⁴. Теперь факт выпуска в Отраре, по крайней мере в 656/1258 г. собственных фельсов документально доказан. Такое явление не выглядит изолированным. Одновременно фельсы чеканились в Алмалыке, там же выпускались и серебряные дирхемы²⁵. На остальных монетных дворах Средней Азии выбивались медные посеребренные дирхемы, обслуживавшие сферу серебряного обращения.

Е. А. Давидович предполагала, что для мелкой розничной торговли фельсы могли чеканить не только в Алмалыке²⁶. Теперь мы видим, что выпуск разменной монеты действительно осуществлялся также в Отраре. Насколько он был интенсивным, судить сейчас трудно, но показательно, что четыре монеты из коллекции В. В. Кучерова биты тремя разными штемпелями²⁷. По его воспоминаниям, они поступили к В. С. Кучерову из клада, найденного где-то в Ферганской долине. В этом нет ничего невозможного. Хотя даже медные посеребренные дирхемы XIII в. предназначались прежде всего для округа того города, где были выпущены, оттарские дирхемы выходили далеко за пределы Оттарского оазиса и встречаются в кладах и в виде отдельных находок в Шаше и Фергане. Точно так же и оттарские фельсы могли обеспечивать торговлю отнюдь не только области по среднему течению Сыр-дарьи.

Учитывая новые данные, следует считать справедливым заключение К. М. Байпакова и В. Н. Настича, что «денежное хозяйство Отрара третьей четверти XIII в. в отличие от большинства других городов, находившихся под владычеством монголов, было представлено полным «традиционным» комплексом денежных единиц — золотыми динарами, медными посеребренными дирхемами и медными фельсами, обслуживавшими все сферы экономической деятельности — от внутреннего мелкотоварного оборота до внешней торговли»²⁸. В то же время едва ли следует преувеличивать ту роль, которую играли в торговле фельсы. Их редкость в сравнении с очень частыми находками оттарских дирхемов едва ли случайна: надо полагать, фельсы требовались ре-

²⁴ Байпаков К. М., Настич В. Н. Новые данные..., с. 49.

²⁵ Давидович Е. А. Денежное хозяйство..., с. 48.

²⁶ Там же, с. 48.

²⁷ В упомянутой выше статье Р. З. Бурнашевой (Монетные находки..., с. 163) сообщается еще о 18 оттарских фельсах того же времени из клада с монетой Мас'уд-бека.

²⁸ Байпаков К. М., Настич В. Н. Новые данные..., с. 49.

же и в меньшем количестве, чем дирхемы. И объяснение этому надо искать, по-видимому, в сравнительно невысокой покупной способности медных посеребренных дирхемов, которые, хотя и ходили по завышенному принудительному курсу и обращались в сфере серебра, по стоимости, вероятно, были не намного дороже фельсов и в этом отношении приближались к сфере медного обращения.

Выпуск в Отраре фельсов был вызван, конечно, не столько стремлением извлечь доходы из монетного чекана (обильный выпуск медных посеребренных дирхемов и так обеспечивал нема-

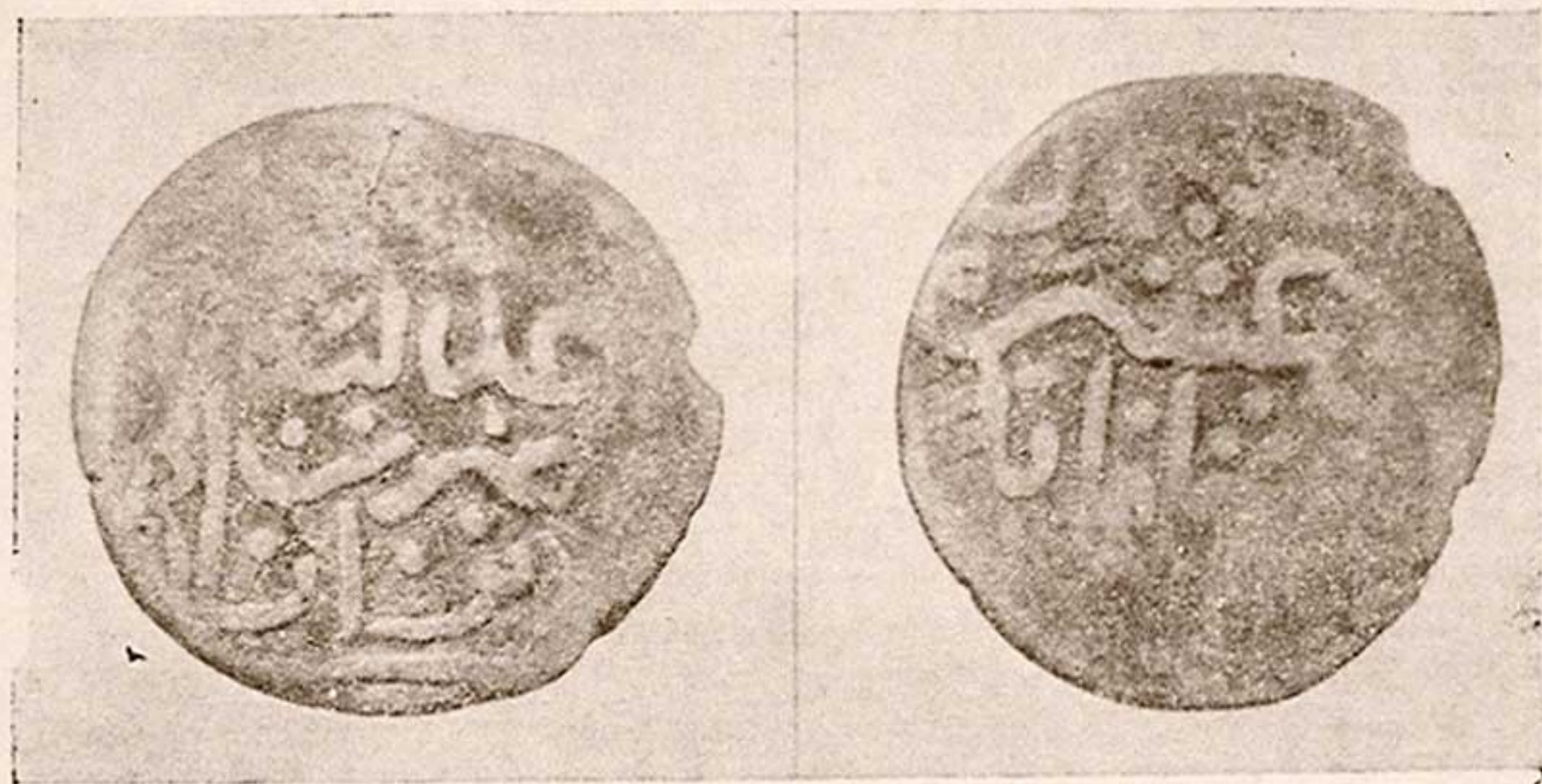

Рис. 4. Медная монета Отрара, 818/1415–16 г.

лые прибыли), сколько потребностями местной мелкой торговли. В то же время нужды в больших количествах мелкой разменной монеты, видимо, не было, и потребность в ней удовлетворялась сравнительно небольшими эмиссиями.

Медные разменные монеты выпускались в Отраре и позднее, при Тимуридах, в период правления Улугбека. Об этом свидетельствует уникальная монета, найденная в 1969 г. в Самарканде и происходящая, по-видимому, из клада, обнаруженного на ул. Дагбитской (рис. 4).

Л. ст. В поле, в квадратном картуше:

عدليه
ضرب
[ا] ترر

Об. ст. В поле:

...ثمان
وعشره
و ثمانماية

Описанная монета выбита в Отраре²⁹ в 818/1415—16 г.³⁰ Как и при Тимуре, Отрар в то время входил в состав тимуридского государства; спустя несколько лет здесь зимовало, между прочим, левое крыло армии Улугбека, двинувшегося на Моголистан³¹. Область Отрара подчинялась Улугбеку, что не нашло никакого отражения в надписях публикуемой монеты, как впрочем, и вообще в легендах медных монет, чеканенных в Средней Азии при Улугбеке.

Слово «адлийа», выбитое на л. ст., как доказала Е. А. Давидович, в первой половине XV в. было обозначением основного, самого крупного медного номинала; оно зафиксировано на среднеазиатских медных монетах 823/1420, 832/1428—29 и 852/1448—49 гг.³² Надписи на нашей монете показывают, что этот термин вошел в употребление по крайней мере за несколько лет до 823/1420 г. Тем же термином обозначена медная монета, выбитая еще раньше, в 817/1414—15 г. в Самарканде; на одной из ее сторон помещено изображение «шира» (льва или тигра) с восходящим из-за его спины солнцем³³.

Из особенностей почерка публикуемой монеты отметим проставление всех точек над и под буквами на обеих сторонах кружка: две точки под «йай» в слове «адлийа»; точка над «за» и под «ба» в слове «зуриба»; две точки над «та» в слове «Отрар»; по три точки над «шин» и «са»; точка над «нун» — в дате; под последним зубцом в завершающем слове даты выбиты две точки. Проставление точек в надписях медных монет Улугбека — не редкость, но, как правило, точками снабжены лишь отдельные буквы.

Несмотря на то, что Отрар входил в состав государства Тимуридов почти на всем протяжении их владычества в Средней Азии и являлся важным экономическим и военным центром, постоянного монетного двора здесь, видимо, не было, и наша монета остается пока единственным показателем его деятельности. До централизации медного чекана в Бухаре медные монеты выпускались в 823/1420 и 832/1428—29 гг. на нескольких монетных дворах, но среди них нет Отрара. Вероятно, публикуемая монета — результат эпизодической деятельности отрарского монетного двора, лишь в малой степени обеспечившей потребности повседневно-

²⁹ В сводке монетных находок (Ерназарова Т. С., Кочнев Б. Д., Ртвеладзе Э. В., Федоров М. Н. Монетные находки на территории Узбекистана в 1969—1972 гг. — ОНУ, 1978, № 3, с. 68) данная монета упомянута нами как чеканенная «в Отраре (?)», но знак вопроса можно считать излишним, ибо чтение «Отрар» — единственно возможное.

³⁰ Замечание В. Н. Настича, будто «слово, обозначающее единицы в дате, сомнительно» (Настич В. Н. Значение монетной чеканки..., с. 46), безусловно, ошибочно и основано на неточном восприятии полученной от автора информации.

³¹ Бартольд В. В. Улугбек и его время. Соч. Т. II, ч. 2. М., 1964, с. 105.

³² Давидович Е. А. Материалы для характеристики денежной реформы Улугбека. — В сб.: Из истории эпохи Улугбека. Ташкент, 1965, с. 284.

³³ Монета найдена в 1970 г. в ходе раскопок М. Садиева на территории соборной мечети Афрасиаба (Самарканд).

ной торговли, которая базировалась, скорее всего, в основном на иногородной медной монете. Однако и эпизодический выпуск собственных медных денег — немаловажный показатель экономического и торгового значения Отрара и его округа при Тимуридах.

Новые раннеджанидские тенгги. Из всех средневековых монет Средней Азии только чекану династии Джанидов посвящена монография — всестороннее и глубокое исследование Е. А. Давидович о золотых и серебряных джанидских монетах³⁴. Полнее изучены серебряные тенгги, хотя бы потому, что их чеканили намного больше и дошли они до нас в большем числе: во всех собраниях нашей страны Е. А. Давидович удалось выявить их около тысячи экземпляров.

Благодаря находкам кладов на территории Узбекистана за последнее десятилетие число джанидских тенег возросло в несколько раз. Изучение их далеко не закончено, но уже сейчас можно сказать, что наука получила более сотни новых типов тенег Имам-Кули (1020/1611 — 1051/1642), Надир-Мухаммада (1051/1642—1055/1645), Абд ал-Азиза (1055/1645—1091/1680) и Субхан-Кули (1091/1680—1114/1702). Так, только в чекане Субхан-Кули-хана выявлено более 40 новых типов. Публикация этих кладов — дело будущего, здесь же отметим одну их особенность: они сложились в тот период, когда высокопробные раннеджанидские тенгги практически выпали из обращения, почему и не попали в их состав.

Все-таки автору этих строк удалось выявить четыре неизданных типа тенег, относящихся к началу XVII в.

Наиболее плодотворными были поиски в обширном и разнообразном нумизматическом собрании ташкентского коллекционера В. В. Кучерова. Здесь хранятся неизданная тенга второго джанидского государя Баки-Мухаммада (до 1041/1605 г.) и две тенгги третьего — Вали-Мухаммада (1014/1605—1020/1611) двух неопубликованных типов. Из клада, найденного в 1969 г. близ

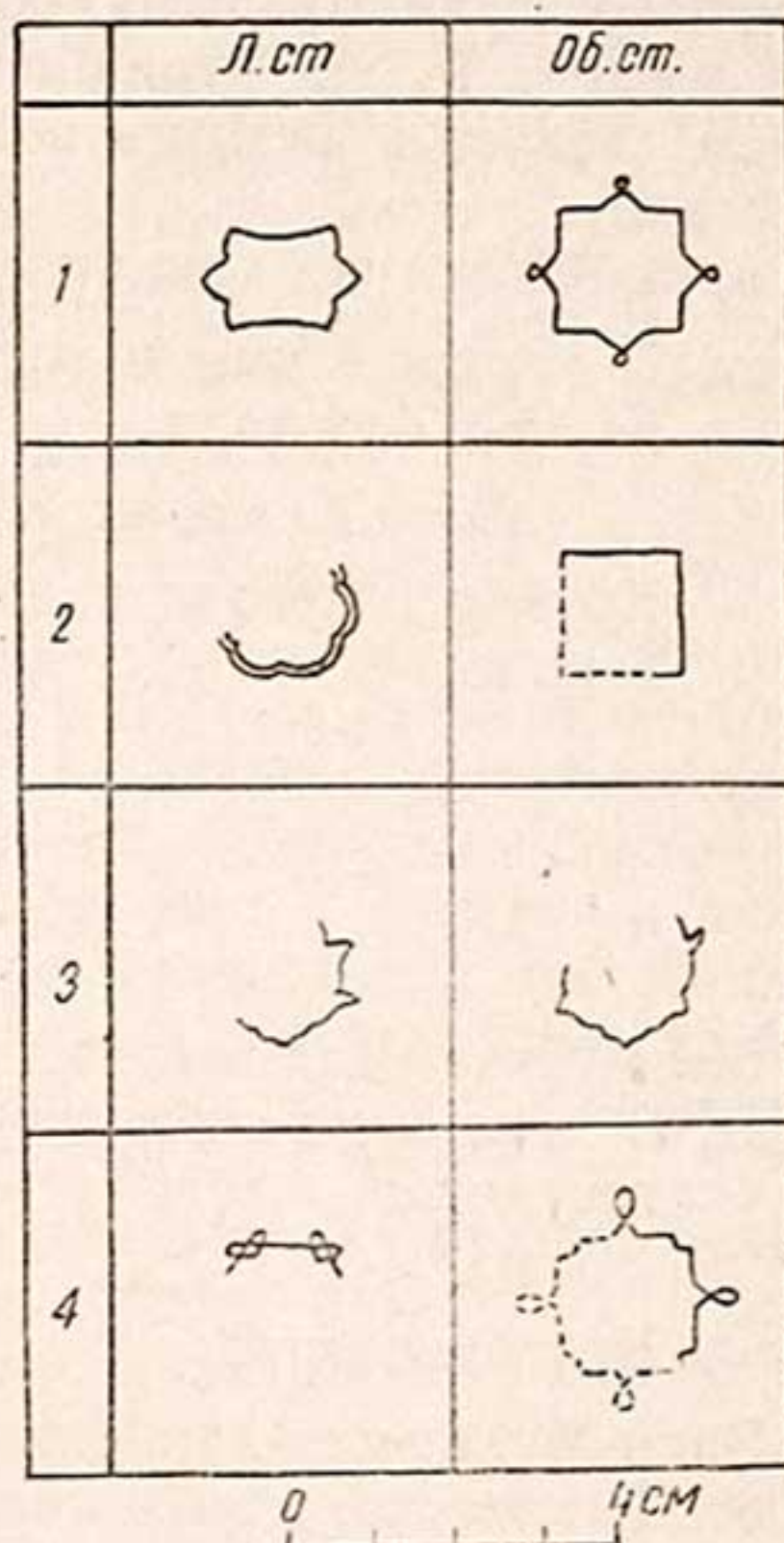

Рис. 5. Картуши раннеджанидских тенег:

1—Баки-Мухаммад-хан, тип 11; 2—Вали-Мухаммад-хан, тип 13; 3—Вали-Мухаммад-хан, тип 14; 4—Вали-Мухаммад-хан, тип 15.

³⁴ Давидович Е. А. История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв. (Золотые и серебряные монеты Джанидов). Душанбе, 1964.

самаркандского Регистана³⁵, происходит еще одна серебряная монета Вали-Мухаммад-хана, тоже неизданная (рис. 5).

В основу типологической классификации джанидских тенег Е. А. Давидович положила формы картушей обеих сторон монеты, причем типы имеют не сплошную нумерацию, а отдельную для каждого государя. В чекане Баки-Мухаммада Е. А. Давидович выявила 10 типов³⁶, значит, новый тип получает номер 11. В чекане Вали-Мухаммад-хана она же зарегистрировала 11 типов тенег³⁷, Р. З. Бурнашева — еще один³⁸, стало быть, новым типам следует присвоить номера 13—15 (№ 15 — из регистанского клада).

Баки-Мухаммад-хан, тип 11.

Л. ст. В картуше имя и титулатура государя:

باقی محمد بہادر خان

Кругом стерто и неразборчиво.

Об. ст. В картуше символ веры:

لا اله الا الله محمد رسول الله

Кругом имена первых четырех халифов с титулом

امير المومنين

у каждого. Сохранилось только имя Али.

Вали-Мухаммад-хан, тип 13.

Л. ст. В картуше имя и титул государя:

ولی محمد بہادر خان

Кругом стерто.

Об. ст. В картуше символ веры, как у типа 11 Баки-Мухаммада.

Кругом стерто.

Вали-Мухаммад-хан, тип 14.

Л. ст. В картуше имя и титул государя, как у типа 13. Кругом благопожелание ему (сохранилось

...) تعالى ملكه و سلطانه

и выпускные сведения

ضرب سمرقند

Об. ст. В картуше символ веры, как у типа 11. Кругом имена четырех первых халифов с титулом

امير المومنين

у каждого. Сохранились имена Усмана и Али.

³⁵ Краткие сведения о кладах см.: Кочнев Б. Д. Об особенностях серебряного обращения в Средней Азии XVII в. — ОНУ, 1974, № 6, с. 53—54.

³⁶ Давидович Е. А. История монетного дела..., с. 14—17, табл. 2.

³⁷ Там же, с. 18—20, табл. 3; Она же. Заметки по нумизматике Средней Азии, ч. 1 (Караханиды, Джагатаиды, Джаниды). — В сб.: Материальная культура Таджикистана. Вып. 2. Душанбе, 1971, с. 186—187, рис. 3.

³⁸ Бурнашева Р. З. Два клада джанидских тенег XVII века с территории Южного Казахстана. — В сб.: Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976, с. 51, табл. 1.

Вали-Мухаммад-хан, тип 15.

Л. ст. В картуше имя и титул государя, как у типа 13: Кругом остальная часть титулатуры:

الخاقان الخاقان الخاقا

Об. ст. В картуше символ веры, как у типа 11. Кругом имена четырех халифов с титулом

أمير المؤمنين

у каждого. Сохранились имена Умара и Усмана.

Чекан первых трех джанидских государей представлен пока столь небольшим числом серебряных монет и их типов, что введение в научный обиход новых типов важно уже само по себе. Из числа публикуемых монет интересна теньга Вали-Мухаммада типа 14, выпущенная в Самарканде; это уже третий тип его серебряных монет самаркандского чекана. Но особый интерес представляет монета того же государя типа 13: в отличие от всех известных тенег династии Джанидов с надписями, начертанными почерком сульс, здесь символ веры написан куфическим письмом.

Объяснить это явление нетрудно. Хотя уже в XVI в. на шейбанидских монетах господствовал сульс, именно для написания символа веры в отдельных (очень редких) случаях применялся куфи. Не вполне изжил себя этот почерк в надписях на архитектурных памятниках и на каменных надгробиях не только XVI, но и XVII в.³⁹, однако использовался лишь для начертания религиозных формул, как и в данном случае.

Таким образом, появление куфи в легендах джанидской теньги не выглядит совершенно уж одиноким архаизмом, хотя и представляется достаточно редким, быть может уникальным явлением в монетном деле Джанидов. Во всяком случае, среди почти трех сотен известных на сегодня типов джанидских тенег тип 13 серебряных монет Вали-Мухаммад-хана стоит совершенно особняком в отношении почерка легенд об. ст.

³⁹ Давидович Е. А. Надписи на среднеазиатских серебряных монетах XVI в.—ЭВ. Вып. VII. М.—Л., 1953, с. 40.

О. ПАПАХРИСТУ, И. АХРАРОВ

СТЕКЛО ИЗ РАСКОПА В АРКЕ ДОМОНГОЛЬСКОГО ГОРОДИЩА АХСИКЕНТ

На правом берегу реки Сырдарьи, вдоль шоссейной дороги Маргилан — Наманган, расположено городище Эски-Ахсы, или Ахсикент — древняя столица Ферганы.

Археологическими исследованиями установлено, что руины Ахсикента принадлежат трем территориально обособленным разновременным городищам: античному, домонгольскому и тимуридскому¹. Стационарные археологические раскопки с 1976 г. здесь проводил специальный отряд Института археологии АН УзССР. Его целью являлось историко-археологическое и топографическое изучение города, исследование ирригационных сооружений, ремесленного производства и др.

Основные археологические работы, проводившиеся в 1976—1977 гг., сосредоточивались в арке домонгольского Ахсикента, остатки которого расположены в юго-западном углу шахристана. В плане он воспринимается как треугольник, острым углом направленный на восток. Это вызвано тем, что более половины площади арка смыто Сырдарьей в периоды разливов и в скором времени ему грозит полное уничтожение.

В результате раскопок в арке было зафиксировано два слоя. В верхнем, дерновом слое обнаружена керамика XV—XVI вв., а в нижнем расчищено семь помещений жилого и хозяйственного назначения, относящихся к XI — началу XIII в. В этом же комплексе был вскрыт большой стратиграфический шурф шириной 2 м, длиной 8 м, ориентированный с юга на север.

Основным датирующим материалом изучаемого комплекса являются керамика и монеты, указывающие на функционирование помещений арка на протяжении XI — начала XIII в. Среди керамического материала большую долю составляет глазурованная посуда, характерная для XI — начала XIII в.

Тарелки с поливой и орнаментикой опоясаны лентой молочно-желтого цвета, края и внутренние линейные орнаменты (прерванные меандры) которой отмечены коричневой краской. По венчику идут продолговатые пятна темно-коричневой краски.

¹ Историю изучения городища Ахсикент см.: Ахбаров И. А. Исследование городища Ахсикент в 1960 г. — ОНУ, 1962, № 8, с. 53; Чуланов Ю. Г. Городище Ахсикент. — СА, 1963, № 3, с. 204.

Ниже — белое поле. Обратная сторона тарелок покрыта густым белым ангобом. Полусферические белофонные чаши с подглазурным эпиграфическим орнаментом, выполненным темно-коричневой краской.

Нумизматические находки представлены медной монетой Наср ибн Али, бытовавшей в Фергане в 397 (1006—1007 гг.) и «черным дирхемом» бухархудатского типа X—XII вв. Монеты подтверждают мысль, что арк обжигался в XI—начале XIII в.

Во вскрытых помещениях, относящихся к XI — началу XIII в., а также в стратиграфическом шурфе в слоях начала XI в. было найдено более 100 фрагментов стеклянных сосудов, представляющих, на наш взгляд, большой интерес для изучения стеклоделия средневековой Северной Ферганы. Ахсикентское стекло ранее специально не изучалось и учитывая, что стеклянные изделия из раскопок в арке стратиграфически зажаты и датированы вышеуказанным археологическим материалом, мы получили возможность заняться исследованием найденных стеклянных изделий. Привлекает внимание большое разнообразие форм сосудов, цветовая гамма стекла и техника его изготовления.

По функциональному назначению выделяются следующие группы изделий: столовая посуда, парфюмерно-аптекарская, химическая.

Столовая посуда наиболее разнообразна типологически: сюда относятся чаши, кувшины, графины, бокалы и т. д.

Ахсикентские чаши изготовлены техникой выдувания в форму. Об этом свидетельствуют едва заметные горизонтальные царапины на внешних стенках сосудов, образованные из-за неровностей или же мелких соринки внутри формы при вращении изделия в процессе выдувания. Диаметры венчиков чаш варьируют в пределах 16—22 см. Чаши имеют полусферическую форму с вогнутым дном и почти прямыми стенками. Закрайны венчиков оформлены по-разному. Например, венчик чаши диаметром 20 см (рис., 17) имеет манжетовидный ободок, который образован путем отгиба закраины венчика во внешнюю сторону и припаян к стенке сосуда. Толщина стенок 2 мм, стекло желто-зеленого цвета с мошкой² в тесте. Другой фрагмент венчика чаши диаметром 16 см (рис., 21) из желто-зеленого стекла по технике оформления закраины венчика аналогичен вышеописанному, но в данном случае венчик вогнут внутрь сосуда. Толщина стенок — 2—3 мм. Большинство же чаш имеет гладко оплавленную закраину венчика.

Описанные чаши по форме и технике изготовления находят аналогии среди стеклянных изделий Новой Нисы³, Кала-и-Боло⁴,

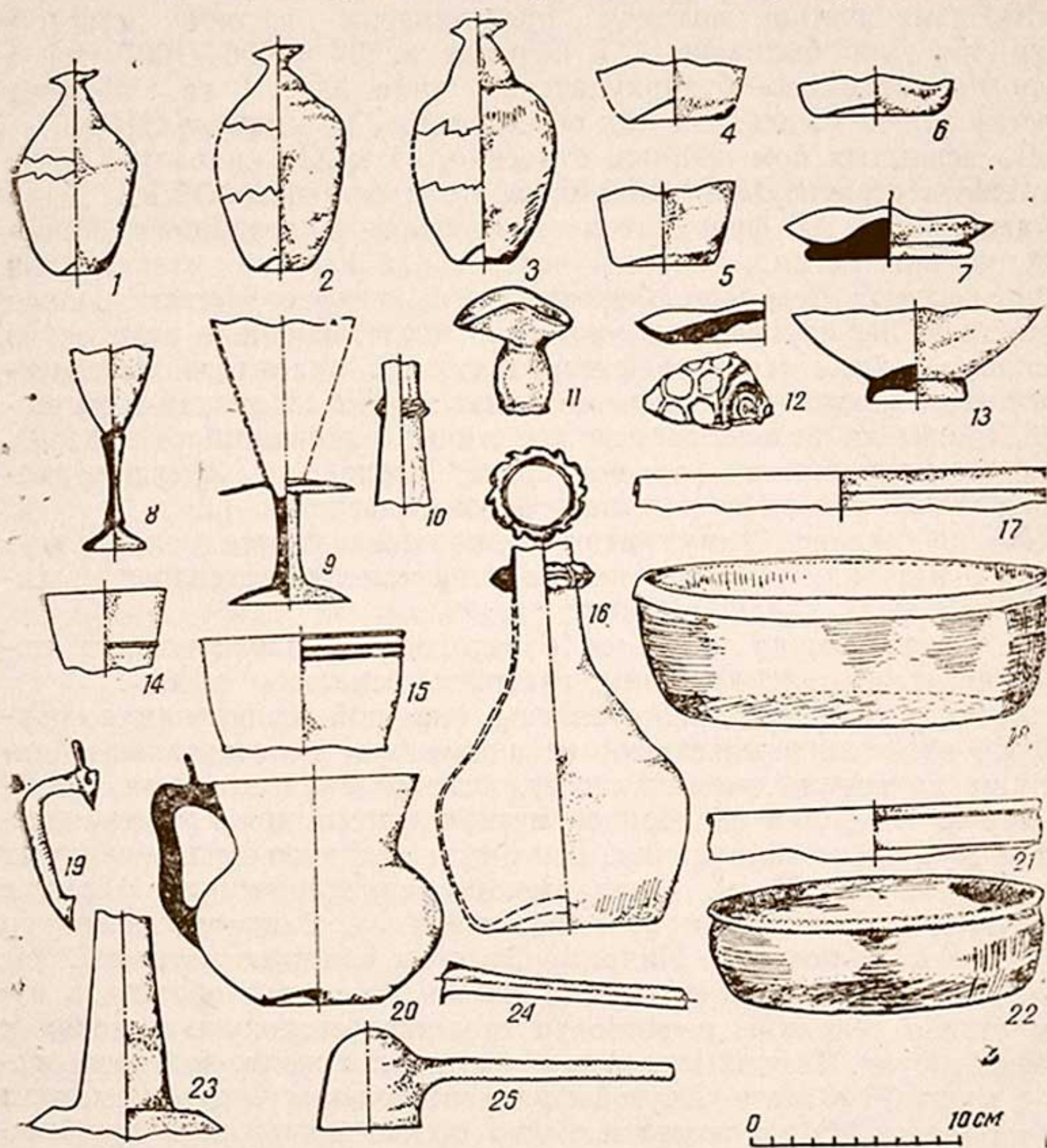
² Мошка — пузырьки в тесте стекла.

³ Давидович Е. А. Стекло из Нисы.— Труды ЮТАКЭ. Т. 1. Ашхабад, 1949, с. 380—381.

⁴ Абдуразаков А. А., Безбородов М. А., Заднепров-

а также среди коллекций ташкентского и самаркандского музеев⁵.

По форме они наиболее сходны с сосудами из Тункета, Абрлыга⁶ и Хульбука⁷ (рис., 18, 22). Однако хульбукские изделия

Стеклянные изделия из городища Ахсикент.

ский Ю. А. Стеклоделие Средней Азии в древности и средневековье. Ташкент, 1963, с. 110.

⁵ Амиджанова М. Средневековые стеклянные сосуды из музеев Ташкента и Самарканда.— В сб.: ИМКУ. Вып. 3. Ташкент, 1962, с. 90—91.

⁶ Буряков Ю. Ф. Археологические материалы по истории Тункета и Абрлыга.— В сб.: Материалы по истории Узбекистана. Ташкент, 1966, с. 115, 140.

⁷ Гулямова Э. Стекло с городища Кульбук.— Изв. АН ТаджССР, 1961, № 1 (24), с. 14—16.

несколько отличаются от ахсикентских по технике изготовления. Они выполнены путем свободного выдувания, описанного археологом Э. Гулямовой⁸.

Ахсикентские чаши отличаются простотой форм и несложной декоративной обработкой (за исключением чаш Калаи-и-Боло), что характерно для сосудов средневековой Средней Азии.

Широкогорлые кувшины имеют несколько вариантов форм: с широким, с сужающимся к тулову устьем. Венчики диаметром 10—11 см декорированы приваренными стеклянными нитями (рис., 15). Изготовлены сосуды из стекла желто-зеленого цвета, толщина стенок 2—3 мм; с конически расширенным устьем и ручкой с хохлушкой, расположенной в самой высокой части. Стекло желто-зеленое, с пузырьками воздуха. Обнаружено довольно много фрагментов описанных ручек, длина их 9—10 см, толщина 1,2 см, по бокам около 1 см (рис., 19).

Кувшины первого типа находят широкие аналогии с сосудами из Абрлыга⁹, но у последних более приземистые горловины. Кувшины с ручками подобны кувшинам из самаркандского музея¹⁰, где ручки одним концом припаяны к горлышку, другим — к средней части округлого тулова (рис., 20).

Широкогорлые графины имеют плавно расширяющиеся книзу тулова с вогнутым дном. Узкогорлые графины представлены различными вариантами оформления горловин: в виде раструба со сливом в одной из сторон (рис. 11), небрежно приваренных стеклянных жгутиков толщиной 1 см (рис., 10), стеклянных нитей того же цвета, что и сам сосуд (рис., 14). Закраины венчиков гладко оплавлены. Интересен фрагмент графина, горлышко которого у венчика орнаментировано радиально расходящимися от ствола горловины защипами (рис., 16). Это украшение делалось после окончательной формовки сосуда путем приваривания толстой стеклянной полоски на горловину, которую затем оформляли с помощью определенных инструментов в виде выступающих неодинаковых полукружий.

Графины — довольно распространенный в Ахсикенте тип изделий. Они аналогичны графинам из собрания стекла самаркандского музея¹¹. По декору эти сосуды очень близки стеклянным сосудам из Хульбука, которые Э. Гулямова называет флаконами¹².

Имеется также несколько фрагментов бокалов на высокой сплошной ножке высотой 8 см с коническим резервуаром и плоским дисковидным налетом, расположенным между верхним концом ножки и резервуаром. Основание ножки в виде диска с чуть

⁸ Там же.

⁹ Буряков Ю. Ф. Археологические материалы..., с. 143—144, рис. 21.

¹⁰ Аминджанова М. Средневековые стеклянные сосуды..., с. 92—96, рис. 1, 17.

¹¹ Там же, рис. 1, 7—9.

¹² Гулямова Э. Стекло с городища Хульбук..., с. 21.

выгнутыми вниз краями диаметром 7 см. Сосуды изготовлены из желтого полупрозрачного стекла со следами мошки в тесте. Разделяющие резервуар и ножку диски диаметром 8 см декорированы стеклянной нитью, чаще всего темно-зеленого цвета, но иногда одинакового с сосудом цвета (рис., 9).

Среди стеклянных изделий Ахсикента встречаются рюмки на высоком сплошном стержне-ножке высотой 5 см с коническим резервуаром и воронкообразным поддоном диаметром 4 см. Однако у них менее емкий резервуар, чем у бокалов. Изготовлены рюмки из желтоватого и синего полупрозрачного стекла.

Аналогии ахсикентским бокалам и рюмкам мы находим в ряде средневековых памятников Средней Азии и прежде всего в Фергане, среди стеклянных изделий городища Кува¹³. Кувинские бокалы также имели налуп у основания резервуара, который являлся декоративной деталью и одновременно делал бокал удобным при пользовании им¹⁴. На дне поддона наиболее сохранившегося ахсикентского бокала имеется массивный кусок стекла от понтии¹⁵, что делает его неустойчивым. Однако такие экземпляры не считались браком, так как бокалы в средневековье ставили ножкой вверх. В то же время следует отметить, что ахсикентские бокалы по легкости и тонкости стенок уступают кувинским сосудам. Кроме того, ножки кувинских бокалов значительно ниже (4 см), а резервуары колоколовидной формы.

Сосуды, подобные ахсикентским бокалам, были найдены Г. В. Шишкиной при раскопках на Афрасиабе, где они четко датируются по комплексу находок XI в.¹⁶ Очевидно, и ахсикентские изделия этого порядка, по аналогии с афрасиабскими, можно датировать XI в.

К столовым изделиям следует отнести найденные в большом количестве разных размеров донца сосудов открытого типа, а также кувшинов и графинов. Большая часть их изготовлена способом свободного выдувания и имеет поддон с вогнутой серединой (рис., 4—6). Стекло в основном бесцветное, иногда зеленовато-желтое и зеленое с пузырьками воздуха в тесте. На всех донцах сохранился след понтии. Некоторые фрагменты отличаются по технике изготовления. Например, поддон одного из изделий диаметром 7 см (рис., 7) выполнен наложением толстой стеклянной лепешечки с последующим подогревом на вогнутое дно уже готового

¹³ Ахраров И. Средневековые стеклянные бокалы из Кувы.— Изв. АН УзССР. Серия обществ. наук, 1960, № 4, с. 22—28.

¹⁴ Там же, с. 24.

¹⁵ При отделении выдувательной трубки во время оформления венчика, чтобы изделие не «повисло в воздухе», ко дну его прикрепляли небольшой комочек размягченного стекла на кончике железного прута (понтии). Следы понтии и отмечены на основании ножек ахсикентских бокалов.

¹⁶ По данным Г. В. Шишкиной, такие бокалы найдены на Афрасиабе в раскопе 41/XVI, а также в комплексе из ташнау XI в., раскопанном А. В. Тереножкиным.

сосуда. А кольцевой поддон другого изделия диаметром 3 см (рис., 13) из желтого прозрачного стекла со следами мошки в тесте изготовлен путем приваривания ко дну сосуда такой же лепешечки, закраина которой впоследствии была вогнута книзу, в результате чего получился ровный ободок. Техникou выдувания в форму изготовлен фрагмент донца, тело которого покрыто сплошной сеткой ячеистого орнамента из чередующихся шестиугольников. Полости этих фигур вдавлены, а стороны выпуклые (рис., 12).

Особую группу стеклянных изделий Ахсикента составляют сосуды парфюмерно-аптекарского назначения в виде грушевидных флаконов с воронкообразными венчиками и округлыми, вогнутыми внутрь, донцами. Сосуды изготовлены в основном из светло-зеленого прозрачного стекла.

В стратиграфическом разрезе арка, в слое начала XI в., было найдено большое количество фрагментов миниатюрных грушевидных флаконов из полупрозрачного бело-голубого стекла, датированных керамикой, а также кладкой жженого кирпича размером 32×18×3 см начала XI в. Целых сосудов не обнаружено, но хорошая сохранность фрагментов позволила восстановить первоначальную форму флаконов (рис., 1—3). Грушевидное тулово флаконов без ярко выраженных плечиков, постепенно сужаясь, переходит в горло, а затем в воронкообразный отворот венчика диаметром 3 см. Донца флаконов округлые, диаметром 3—4 см, чаще с глубоким, а иногда с незначительным вдавлением, и очень неустойчивые. На всех фрагментах сохранился массивный кусок постороннего стекла — след понтии. Он значительно выдается из уровня дна, так что сосуд совсем не стоит на плоскости. Флаконы выполнены техникou свободного выдувания.

Исследователи отмечают, что в средневековой Средней Азии изготавливали лекарства и ароматические вещества, которые держали в специальных миниатюрных сосудах-флаконах¹⁷. На наш взгляд, следует разграничить изделия, предназначенные для ароматических веществ и для лекарств. Жидкости с тяжелыми и легкими, насыщенными, веселящими запахами должны были помещаться в сосуды с соответствующим оформлением. Известны прекрасно изготовленные флакончики из Нисы, Абрлыга, Хульбука, которые, вероятнее всего, и являлись сосудами парфюмерного назначения¹⁸. Посуда, предназначенная для лекарств, не требовала столь изящной декоративной обработки. Мы полагаем, что

¹⁷ Вяткин В. А. Афрасиаб — городище бывшего Самарканда. Ташкент, 1927, с. 62; Мансырева С. П. Базарная торговля в Самаркандском уезде. — Справочная книжка Самаркандской области. Вып. III, 1897. Самарканд, 1899, с. 127—128; Аминджанова М. Средневековые стеклянные сосуды..., с. 98—99.

¹⁸ Давидович Е. А. Стекло из Нисы. — Труды ЮТАКЭ. Т. 1. Ашхабад, 1949, с. 382—383; Буряков Ю. Ф. Археологические материалы..., с. 145, рис. 21, 16; Гулямова Э. Стекло с городища Хульбук..., с. 20—21.

сосуды, обнаруженные в стратиграфическом шурфе в слое начала XI в., предназначались именно для лекарств.

О развитии аптекарского производства в Фергане свидетельствует тот факт, что при раскопках в Мунчактепа, в слоях X—XI вв., был найден целый стеклянный флакон, плотно закрытый глинистой массой и содержащий ценный медикамент¹⁹.

Большое количество уцелевших фрагментов флаконов (около 50 донцев и столько же венчиков) и несколько деформированных указывают на наличие в арке Ахсикента в начале XI в. мастерской по изготовлению стекла.

К химическим сосудам следует отнести горловину (рис., 23) и стеклянную трубочку из прозрачного стекла (рис., 24), являющиеся фрагментами аламбика — химического сосуда средневековья. Такие сосуды были довольно широко распространены в средневековой Средней Азии, они состоят из колпачка с трубкой-отводом для испаряющегося вещества, например, ртути²⁰.

Вышеописанные группы стеклянных сосудов изготовлены двумя способами: техникой выдувания в форму и техникой свободного выдувания. Разнообразна цветовая гамма стекла: от бесцветного до темно-синего. Преобладают простые, малодекорированные сосуды, которые, благодаря своей дешевизне, были доступны широким слоям населения. В то же время ахсикентские мастера в совершенстве владели и сложными приемами изготовления и декорировки сосудов такими, как штампованный орнамент, получавшийся в результате выдувания в форму, накладывания стеклянных нитей, довольно сложной техникой изготовления бокалов. Стеклянная нить, накладываемая на сосуд, обычно была того же цвета, что и сам сосуд, чаще всего нити приваривались ближе к краю венчика, реже по тулову. Практиковалось накладывание стеклянных полос с последующей их обработкой.

Найденные в здании арка XI — начала XIII в. фрагменты непрозрачной стеклянной массы темно-бурого и зеленого цвета — продукт проварки шихты: неотшлифованный глухой носик от сосуда, кусочки от тиглей и стеклянного теста, свидетельствующие о существовании здесь стеклоделательной мастерской в упомянутый промежуток времени.

Таким образом, производство стекла на Ахсикенте размещалось не только в рабаде, где до настоящего времени сохранился отвал тиглей, содержащих массу стекла после первичной обработки²¹, но и на цитадели XI — начала XIII в., в то время, когда

¹⁹ Гайдукевич В. Ф. Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943—1944 гг. — КСИИМК. Вып. 14. Л.—М., 1947, с. 108.

²⁰ Каримов У. И. Неизвестное сочинение ар-Рази. — В кн.: Тайны тайн. Ташкент, 1957, с. 161, прим. 445; Аминджанова М. О некоторых стеклянных изделиях Мавераннахра. — В сб.: ИМКУ. Вып. 2. Ташкент, 1961, с. 248—251; Она же. Средневековые стеклянные сосуды..., с. 92—100, рис. 3, 35; Буряков Ю. Ф. Археологические материалы..., с. 145, рис. 20, 24.

²¹ Абдуразаков А. А., Безбородов М. А. Средневековые стекла Средней Азии. Ташкент, 1966, с. 153—159.

Ахсикент являлся крупным городом Ферганы²². Расположение стеклодувных мастерских в арке наводит на мысль, что ахсикентские правители (крупные феодалы Северной Ферганы) подобно Тимуру и правителям Бухары²³ селили в цитадели ремесленников, изготавливавших продукцию, которая шла на внутренние нужды дворца, а также на продажу. Доход от продажи ремесленных изделий служил и побочным средством обогащения правителей.

Немногочисленность и однотипность форм стеклянной посуды, найденной в арке Ахсикента, простота техники нанесения орнамента свидетельствуют о широком применении стеклянных изделий в быту ахсикентского населения.

²² Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с. 202.

²³ Андреев М. С., Чехович О. Д. Арк (кремль) Бухары в конце XIX — начале XX в. Душанбе, 1972, с. 68—75.

Дж. МИРЗААХМЕДОВ

ГЛАЗУРОВАННАЯ КЕРАМИКА БУХАРЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.

Тщательное исследование важнейших исторических источников дает возможность осветить политическую историю Средней Азии так называемого «кризисного периода», охватившего конец XVII — третью четверть XVIII в. Но, как отмечает Е. А. Давидович, «значительно слабее освещена в литературе хозяйственная жизнь страны, социально-экономические отношения, так как лучше других изученные нарративные источники содержат, как оказалось, слишком мало необходимых для этого сведений»¹.

В задачу нашей статьи входит исследование одной из отраслей хозяйства Бухары этого периода — гончарного производства. Керамика Средней Азии данного периода изучена довольно слабо, что объясняется подходом большинства исследователей-археологов к этому периоду как к истории нового времени, целиком относящих ее к этнографии. Этнографические исследования, в свою очередь, мало затрагивают эту тему по причине практического отсутствия в музеях и частных коллекциях керамических изделий времени ранее второй половины XIX в. Большинство исследователей, обращавшихся к истории материальной культуры Средней Азии, отмечает, что, несмотря на большие археологические работы, «...у нас больше данных по керамике... раннего средневековья, нежели совсем близкого нам по времени XVIII — первой половины XIX в. Авторы работ о народных традициях... вынуждены протягивать прямые нити от памятников далекого прошлого непосредственно ко второй половине XIX в., указывая лишь в единичных случаях на керамику темного и смутного времени...»².

Таким образом, образовался искусственный разрыв в истории изучения одного из наиболее массовых, глубоко народных видов прикладного искусства, который всегда являлся ярким показателем уровня культуры и благосостояния народа.

Керамика Средней Азии XVII—XVIII вв. получила освещение

¹ Давидович Е. А. История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв. Душанбе, 1964, с. 8.

² Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История искусств Узбекистана. М., 1965, с. 382.

лишь в связи с началом работ Отрарской археологической экспедиции. Параллельная работа в Узбекистане проводилась нами в составе Бухарской экспедиции Института археологии АН УзССР с 1970 г. В отличие от Отрара, где культурный слой указанного периода располагается в наиболее доступном верхнем горизонте, в Бухаре трудности изучения этих слоев заключались не только в значительном сокращении обживаемой территории города в этот кризисный период³, но и в перекрытии мощными культурными отложениями XIX — начала XX в. со следами значительных строительных работ и нарушением стерильности слоев изучаемого периода. Причем ныне эта территория интенсивно обживается, находясь под старогородской застройкой, что сильно ограничивает возможности исследования. За последние годы нам удалось собрать несколько непере мешанных керамических комплексов этого периода, отличающихся от керамики других периодов своими художественными и техническими особенностями. Обращает на себя внимание вытеснение керамики типа «кобальт» желтофонной, реже встречаются образцы с зеленым, белым, голубым фонами и росписью марганцем и голубыми красками. Посуда этого периода, как и керамика XIX в., делится на небольшую группу — парадную и большую — обиходную⁴. Объяснение такому разделению, видимо, необходимо искать в динамике развития самого периода, в начальном этапе которого (до 80-х годов XVII в.) отмечалась некоторая стабильность хозяйственного развития и относительно твердая ханская власть⁵, а с 20-х годов XVIII в. Мавераннахр переживает пору тяжелых потрясений, что естественно вызвало упадок хозяйства, снизилось качество и количество производимой продукции.

Представляемый нами комплекс был обнаружен при археологических раскопках Бухары в 1977 г. близ купола ювелиров. По своему ассортименту он невелик, в него входят следующие формы:

Ч а ш и (каса). Имеют кольцевой (на парадных образцах) или дисковидный (на обиходной посуде) поддон, переходящий в полусферические стенки со слегка отогнутой закраиной у венчика. Такая форма чаш широко встречается как в предшествующий период (XV—XVI вв.)⁶, так и в последующем (XIX — начало XX вв.)⁷. Цвет теста обычно розовый или светло-желтых тонов. Ангоб, покрывающий в большинстве случаев только внутреннюю поверхность чаш, имеет розоватые, желтые, а иногда красноватые оттенки. Прозрачная зеленая или желтая глазурь

³ Чехович О. Д. К истории Узбекистана в XVIII в. — Труды Института востоковедения. Вып. 3. Ташкент, 1954, с. 72—73.

⁴ Бурдуков Н. Гончарные изделия Средней Азии. СПб., 1904, с. 5.

⁵ Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. Собр. соч. В 9-ти т. Т. II, ч. I. М., 1963, с. 270.

⁶ Пугаченкова Г. А. Глазурованная керамика Нисы XV—XVI вв. — Труды ЮТАКЭ. Т. I. Ашхабад, 1949, с. 414.

⁷ Рахимов М. К. Художественная керамика Узбекистана. Ташкент, 1961, с. 139.

покрывает внутреннюю, а на парадных образцах и внешнюю поверхность изделий. Причем на дорогие виды чаш нередко накладывалась желтая изнутри и зеленая снаружи глазурь. Такой цветовой эффект являлся одним из характерных декоративных приемов керамистов этого периода и, скорее всего, связывался с традиционными представлениями народов Средней Азии, считавших посуду желтых тонов нечистой, принимающей сглаз. Зеленый цвет, в отличие от желтого, считался чистым, не при-

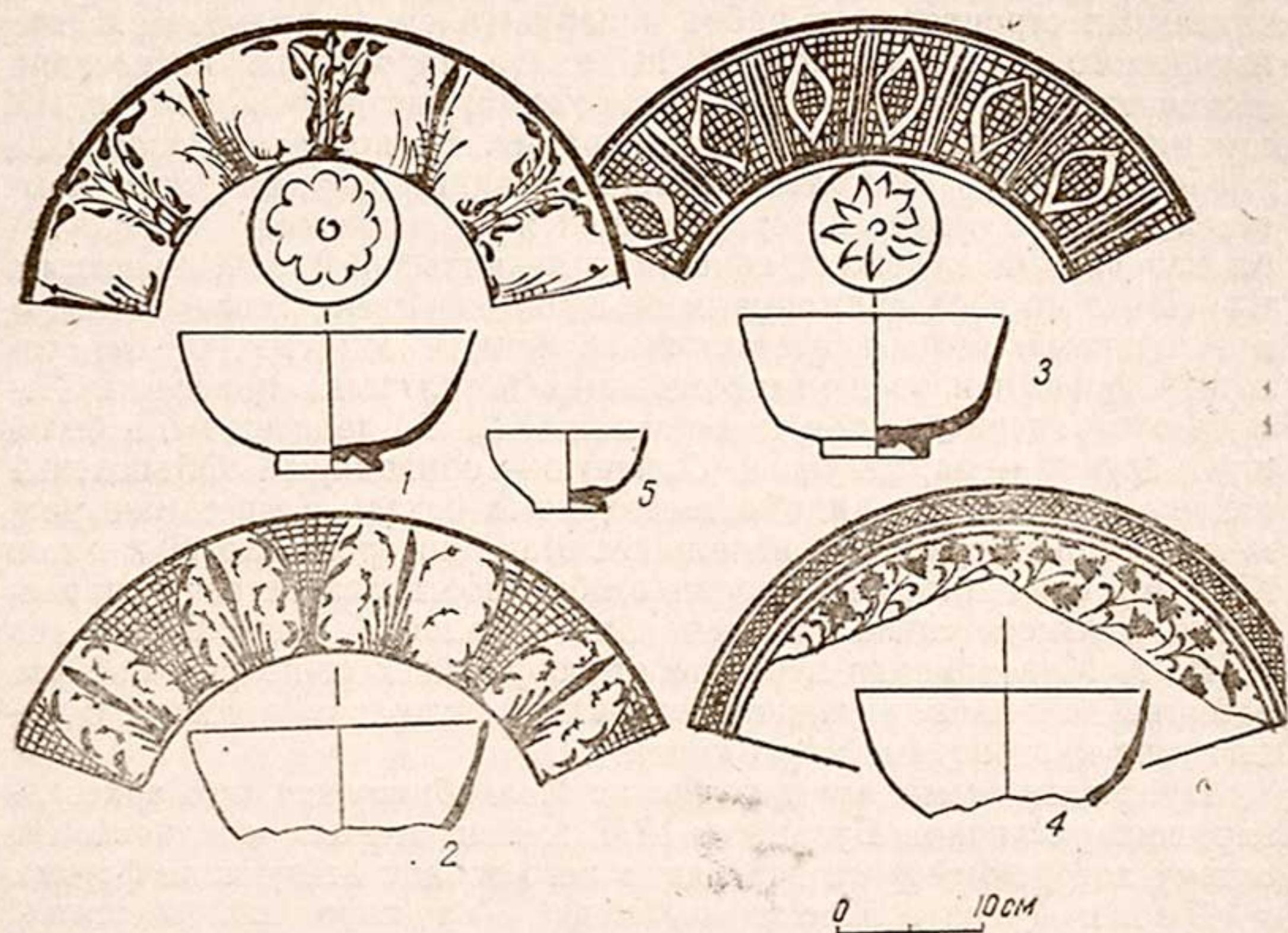

Рис. 1. Парадные образцы чаш.

мающим сглаза, поэтому в XIX в. на посуду желтых тонов наносились потеки или пятна зеленой краски⁸.

Размеры чаш довольно стандартные, на наших фрагментах диаметры венчиков варьируют от 18,5 до 21 см; диаметр донца от 7,2 до 8,5 см, высота от 8 до 10 см. Орнаментация, состоящая из растительных, реже геометрических мотивов, на обиходной посуде в подавляющем большинстве располагается на внутренней, а на парадных образцах встречается и на внешней стороне чаш. По характеру орнаментации эту посуду можно подразделить на несколько групп.

⁸ Пещерева Е. М. Гончарное производство Средней Азии. М.—Л., 1959, с. 153.

К первой группе относятся образцы чаш (чаще парадные) с вихревой или лепестковой розеткой в центре. На стенках — встречавшаяся и в предшествующий период «отвесная» композиция «парковых мотивов», т. е. у орнамента есть «верх» и «низ»; иногда это как бы кочка, из которой вырастают кусты, трава, цветы⁹.

На донце первой чаши (рис. 1, 1) располагается лепестковая розетка с запятой в центре. За окаймляющими донце двумя параллельными кольцевыми линиями снизу вверх по стенке поднимаются попеременно повторяющиеся мотивы — густой (типа шиповника) широкий куст с переплетающимися стеблями, листьями с расширяющейся и как бы поддерживающей венчик кроной и пучки стройных остролистных трав, напоминающих листья ириса (мотив «осоки»). Несколько горизонтальных линий, пересекающих основание и дающих в то же время клетчатый геометрический рисунок, видимо, условно передают пышность и декоративность растительного мира. Близка к ней как по форме, так и по содержанию другая чаша (рис. 1, 2), на которой мотив широкого пышного куста исполнен абстрактно — с обычной расширяющейся к венчику формой, но с клетчатым заполнением внутри. Для того, чтобы смысл исполняемого изображения был вполне ясен потребителю, художник добавил с боков схематические изображения листьев. Следующий орнамент остался без изменений.

Эти две совершенно идентичные чаши скорее всего выполнены одним мастером, на что указывают и диаметры их венчиков — 20,5 см. По-новому решен лишь первый мотив, который характеризует художественное керамическое искусство этого периода в динамическом развитии, в частности, показан переход от стилизованной, но еще реальной трактовки изображения, к еще большему его упрощению.

К этой же группе относятся еще несколько фрагментов стенок чаш, не представленных нами здесь, с условно схематической формой передачи тех или иных деталей вышеописанной орнаментации. Один из них отличается своим необычным красноватым фоном¹⁰.

Сюда мы условно относим еще одну чашу (рис. 1, 3), которая на первый взгляд имеет геометрический орнаментальный характер, но, возможно, являет собой динамическое развитие описанных «отвесных» орнаментальных композиций. Орнамент по центру дна тот же, на стенках — повторяющийся мотив крупного ромбовидного лепестка на расширяющемся к венчику клетчатом

⁹ Пугаченкова Г. А. Самаркандская керамика XV в. — Труды САГУ. Новая серия. Вып. XI. Гуманитарные науки, кн. 3. Ташкент, 1950, с. 100.

¹⁰ Необычный красноватый фон, видимо, является имитацией широко распространенных в этот период на дальневосточном фарфоре красных глазурей (как жертвенная кровь), см.: Арапова Т. Б. Китайский фарфор в собрании Эрмитажа. Л., 1977, с. 28.

фоне. Разделительной гранью между ними служат ленточные полосы с двумя длинными узкими листовидными орнаментами.

Исходя из символично-условных стилевых особенностей керамики этой группы, можно предположить, что клетчатый фон символизирует пышную растительность, а располагающийся поверх него ромбовидный лепесток лишь подчеркивает растительный характер орнамента¹¹. Ленточная разделительная полоса является стилизованной формой передачи следующего мотива — пучка остролистных трав. На описанной группе керамики роспись нанесена темно-коричневой краской (марганец) по желтому, с незначительными зеленоватыми переливами (от цвета глазури) фону. Прямых аналогий этой группе керамики в литературе нами пока не встречено, но очень много близких по времени и сюжету пейзажных или парковых мотивов в керамическом искусстве стран Ближнего и Среднего Востока¹², для которых образцом служил дальневосточный фарфор¹³.

Ко второй группе относятся чаши со свободно располагающимся по всей внутренней поверхности стенок сплошным орнаментом, составленным из элементов стилизованных растительных узоров. Направления, изгибы и отклонения веточек, давая реалистическое изображение живого растения, подчиняются характеру композиции — необходимости заполнить пустоты. На первом фрагменте (рис. 1, 4) композиция отходящих от центра растительных элементов с наклоном побегов вправо создает впечатление вихревой розетки — очень популярной и в предшествующий период¹⁴. Ленточный бордюр, проходящий по венчику чаши с косым клетчатым заполнением внутри, был также характерен не только для изучаемого периода, но и для предшествующего¹⁵. К этой же группе относятся еще несколько фрагментов, но с более свободным расположением стилизованных растительных побегов, от которых отходят закрученные завитки и листья.

По художественному исполнению несколько обособленно стоит фрагмент чаши с орнаментацией по внешней поверхности стенки сосуда очень тонкими изящными ветками и стеблями с пышными бутонами цветов и листьев. Внутренняя поверхность чаши без росписи, фон желтый, глазурь хорошего качества. Образцы с орнаментацией внешней поверхности чаш встречаются не часто — данный фрагмент, безусловно, относится к парадным видам посуды. Вторая группа чаш, целиком орнаментированная растительными мотивами, находит широкие аналогии как в среднеази-

¹¹ Орнамент такого же характера имеется на чаше из Ташкента, см.: Вархотова Д. Художественная керамика XV — начала XVI в. из Ташкента. — ОНУ, 1969, № 8—9, рис. 2, 2.

¹² Масленицина С. П. Искусство Ирана. Л., 1975, рис. 42 (блюдо XVII—XVIII вв.).

¹³ Арапова Т. Б. Указ. раб., с. 118, № 169.

¹⁴ Пугаченкова Г. А. Самаркандская керамика..., с. 99.

¹⁵ Лунина С. Б. Новые сборы тимуридской керамики в Южном Туркменистане. — ОНУ, 1969, № 8—9, рис. 1.

атской керамике XV—XVI вв.¹⁶, так и в керамике сопредельных стран¹⁷.

В третью группу входят чаши с зеленоватым фоном. На одном из фрагментов под зеленой глазурью в технике процарапывания выполнен мотив стрельчатой аркады, заполненной внутри схематическими многолепестковыми цветками. Пространство между арочками заполнено отходящим от закраины вниз спиралевидным лепестковым орнаментом. Аркообразный орнамент был популярен в этот период, образцы с подобной тематикой широко встречались и на блюдах. На следующем фрагменте орнаментальная композиция состоит из поднимающихся от донца чаши вверх по стенкам к венчику изящных стеблеобразных листьев (рис. 2, 3), выполненных вдавленной рельефной техникой, в результате которой двукрасочная гамма достигается потемнением располагающегося в местах углублений более толстого слоя зеленой глазури. Керамика с рельефным орнаментом и светло-зеленой глазурью имеет очень близкие параллели с дальневосточными селадонами XV—XVI вв.¹⁸, поэтому, возможно, ее изготовление в какой-то степени было имитацией.

Четвертую группу составляют чаши более грубых форм на дисковидных поддонах с простейшей схематической, легко выполнимой орнаментацией. Керамика этой группы по качеству максимально проста, а по количеству фрагментов — самая массовая. Условно-абстрактная упрощенная орнаментация, наносимая по центру дна и ленточным бордюрам у венчика, выполнялась настолько небрежно, а глазурь, покрывающая лишь внутреннюю поверхность изделий, нанесена настолько некачественно, что факт их предназначения для самых широких слоев населения в тяжелый период кризиса не оставляет сомнения. На донце первой чаши изображен стилизованный спиралевидный растительный мотив, утончающийся кверху.

Мотив «побега» встречается на многих образцах нашей керамики как на донной части (рис. 3, 2; рис. 4, 1 и т. д.), так и по бортику (рис. 3, 2) и генетически восходит от мотива извивающейся ветви, стебля или цветка, исходящего от кругового обрамления донной части чаш XV—XVI вв.¹⁹ За двумя характерными кольцевыми линиями донного орнамента располагается упрощенно трактованный узор «занжир» (цепь), классический вариант которого имеется на одном из наших блюд (рис. 3, 2). У венчика, в виде бордюра, проходит тот же орнамент «занжир», чередующийся косыми штриховыми линиями, отходящими от за-

¹⁶ Пугаченкова Г. А. Самаркандская керамика..., с. 111, илл. 10; Обельченко О. В. Городища старого Мерва Абдулла-хан-кала и Байрам-али-хан-кала в свете работ ЮТАКЭ 1950 г.—Труды ЮТАКЭ. Т. XII. Ашхабад, 1963, с. 329—330.

¹⁷ Миллер Ю. Художественная керамика Турции. Л., 1972, с. 75; Арапова Т. Б. Указ. раб., илл. 155.

¹⁸ Там же, илл. 49, 51.

¹⁹ Пугаченкова Г. А. Самаркандская керамика..., илл. 2.

краины, и имитирующими пучки растительных побегов. На следующей чаше (рис. 2, 1) за кругом донца с лепестковой розеткой по венчику идет ленточный бордюр с узором «занжир» посередине. Необходимо отметить, что аналогии этому орнаменту, широко использовавшемуся в торевтике²⁰, мы находим в керамике Бухары XV—XVI вв. и Казахстана XV—XVIII вв.²¹, но особую популярность он получает в обиходной керамике исследуемого периода. В представленных нами различных вариациях, с неко-

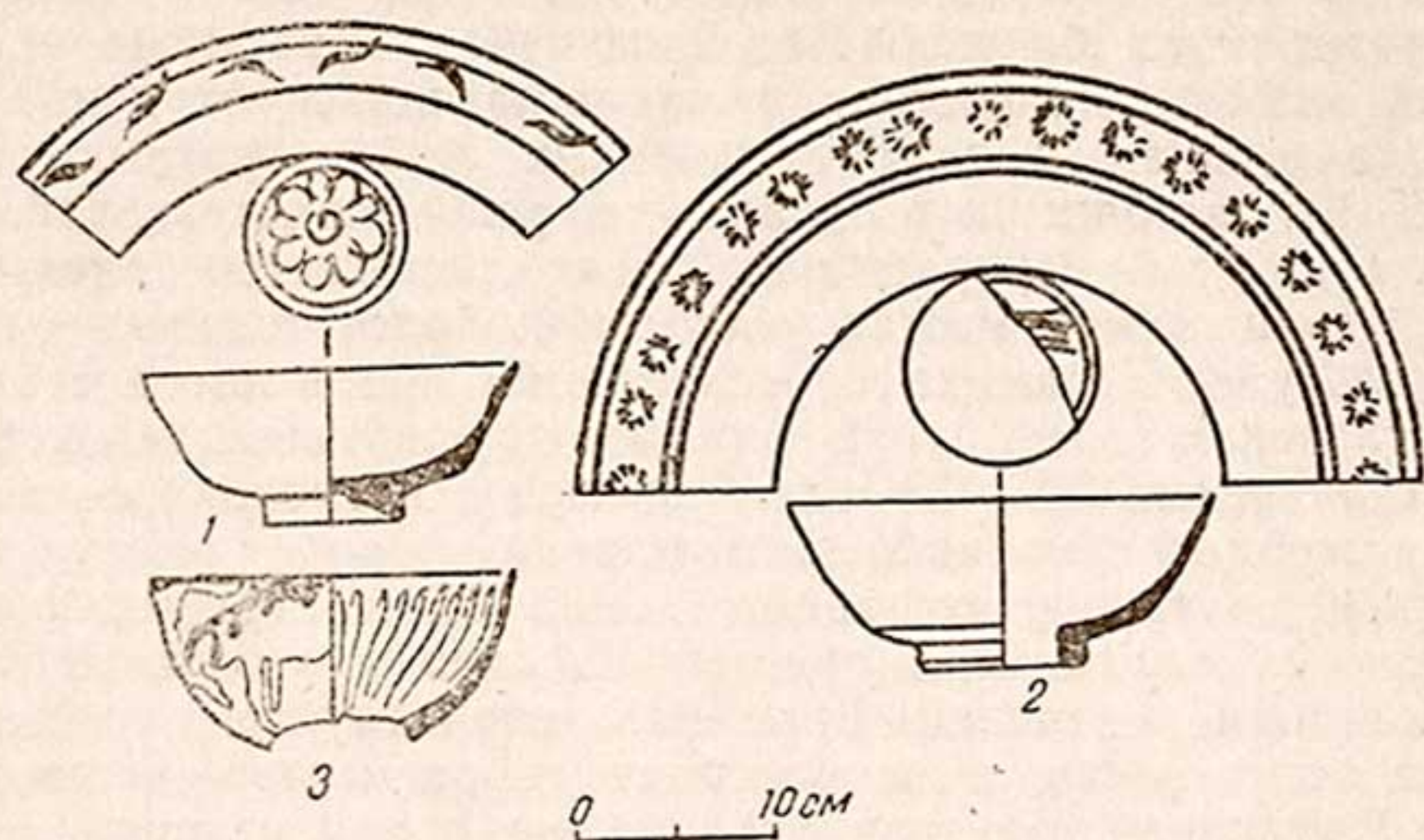

Рис. 2. Обиходные образцы чаш.

торым отходом от классической формы, такой орнамент отдаленно напоминает нам перелеты пернатых. На третьей чаше (рис. 2, 2) орнамент донной части не восстанавливается, а на ленточном бордюре свободно располагается повторяющийся штампованный узор «басма»²². В отличие от многих других орнаментальных мотивов, широко использовавшихся в нашей керамике, «басма» остается популярным в художественном оформлении изделий вплоть до настоящего времени²³. Близкие аналогии в орнаментации этой чаши мы находим в керамике Сузака XVII—XVIII вв.²⁴ Распространение этого узора, видимо, связано не только с простотой его исполнения, но и с символично-абстрактной формой передачи в движении — пышных цветочно-растительных композиций второй группы.

²⁰ Сергеев Б. Мискарик. Ташкент, 1960, с. 39, рис. 20.

²¹ Жолдасбаев С. Раскопки укрепленного поселения Жалгыз-там (XV—XVIII вв.).— В сб.: В глубь веков. Алма-Ата, 1974, рис. 7, 7.

²² Термин для этого вида орнамента предложен С. Н. Юреневым.

²³ Бурдуков Н. Указ. раб., илл. XXI; Рахимов М. К. Указ. раб., табл. I, 3—6.

²⁴ Ерзакович Л. Б. Поливная керамика городища Сузак XIII—XVIII вв.— Вестник АН КазССР, 1966, № 5, рис. 2.

Несколько обособленно стоит небольшая группа фрагментов чаш с красновато-коричневым ангобом без поливы. Таких неполивных чаш и блюд обнаружено немного и, скорее всего, они относятся к черновой кухонной посуде или, возможно, имеют отношение к одному из самых кульминационных десятилетий (20-е годы) XVIII в., получивших освещение в нашей литературе²⁵.

К шестой группе мы условно отнесли образцы чаш, выпол-

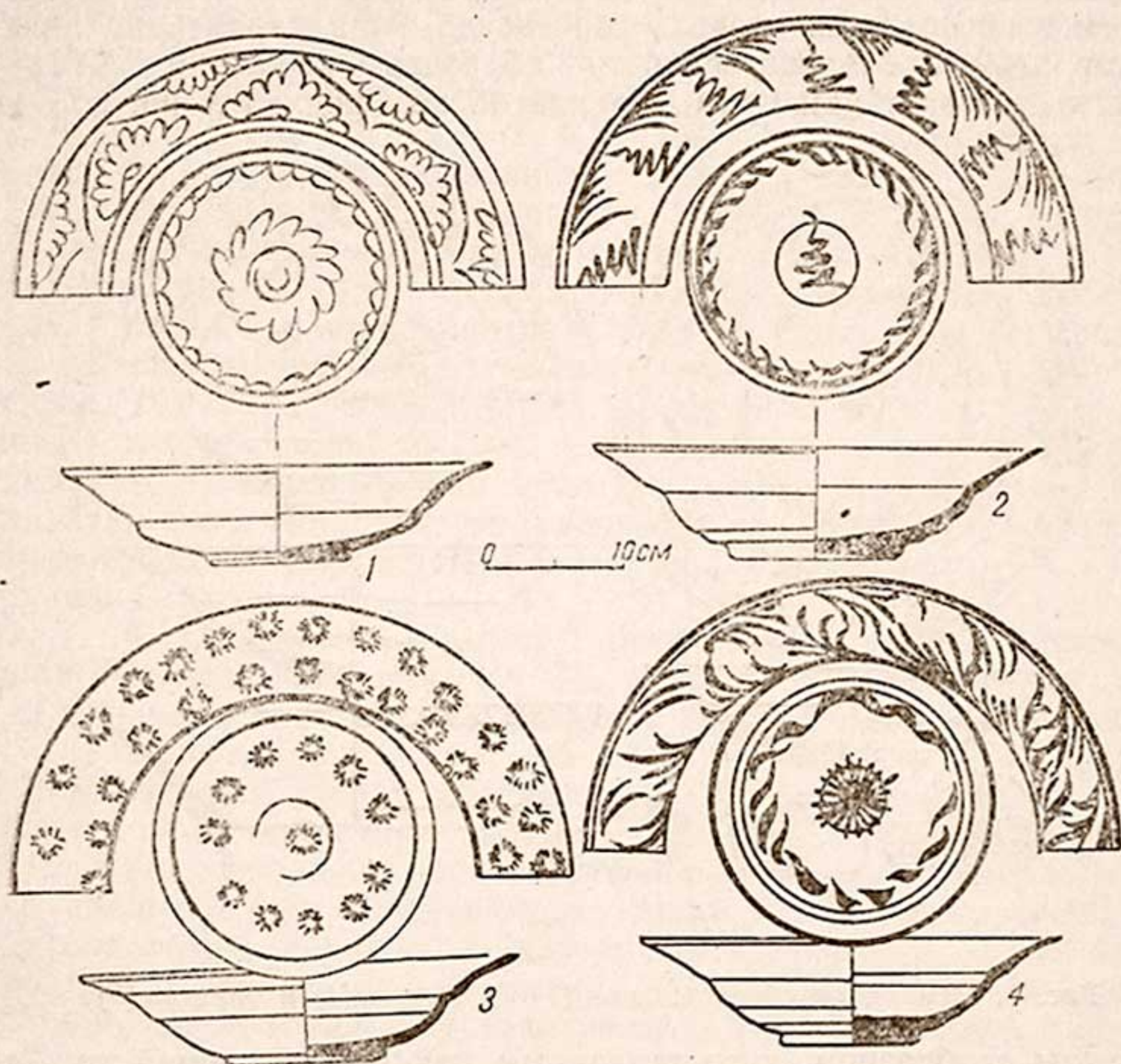

Рис. 3. Обиходные образцы блюд.

ненных в несколько меньших в отличие от общих стандартов размерах. Диаметры донца варьируют от 5,7 до 6 см, диаметр венчика — 15 см. Такие чаши широко использовались вплоть до конца XIX — начала XX в. и назывались «нимкоса»²⁶ (небольшая чаша, получаща). В быту они применялись для подачи к столу сливок, молока, а также пищи детям.

Пиалы как по форме, так и по характеру орнамента близки стоят к чашам. В нашем комплексе имеется лишь один

²⁵ Чехович О. Д. Указ. раб.

²⁶ Рахимов М. К. Указ. раб., с. 92.

экземпляр пиалы (рис. 1, 5), покрытый по внутренней поверхности мраморовидным узором, составленным из разводов зеленой и красной красок по желтому фону или из разводов всего двух цветов на некоторых других образцах. Диаметр венчика — 11 см, диаметр донца — 5 см, высота — 5,5 см. Подобная техника, видимо, происходит от «абровых» мотивов орнаментации, широко популярных в текстильном производстве, а также в архитектуре и керамике XV—XVI вв., но указанная цветовая гамма с заполнением всей площади поверхности сосуда была характерна лишь в этот период. Малоизученность образцов керамики XVII—XVIII вв. не дает нам прямых аналогий по Средней Азии, но они

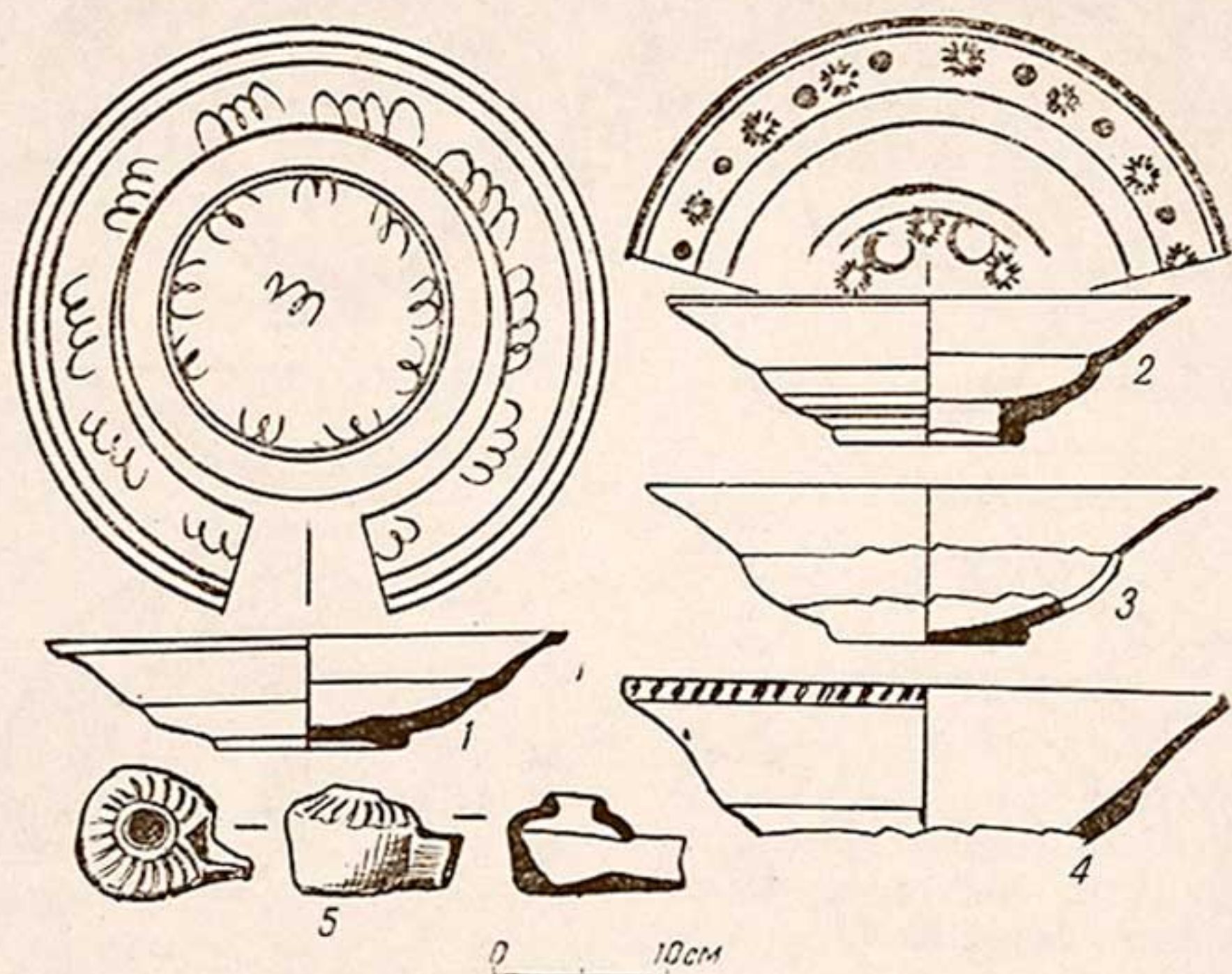

Рис. 4. Обиходные образцы блюд (1—3), тагора (4) и чирагов (5).

созвучны с образцом, представленным как происходящий из Дагестана XVIII в.²⁷

Блюда составляют наибольшую группу в изучаемом нами керамическом комплексе. По форме они едины — с плоским, немного вогнутым во внутрь дисковидным поддоном (изредка с врезным желобком или кольцевым поддоном), от которого плавно округляясь идут вверх стенки, переходящие в косой бортик с четко выраженным граненым ребром перелома. Такой переход стенки в бортик — одна из характерных особенностей этих блюд, встречающаяся и в керамике Отрара²⁸. В предшествующем пе-

²⁷ Кверфельдт Э. К. Керамика Ближнего Востока. Л., 1947, илл. VII.

²⁸ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972, рис. 81, 5.

риоде подобный переход был более плавным, давал мягкие округлые очертания²⁹, а в керамических сосудах XIX — начала XX в. такая форма перехода встречается довольно редко³⁰.

Внешняя поверхность стенок большинства блюд при их заготовке на гончарном круге не заглаживалась; на ней нередко видны вдавленные концентрические борозды. Материал производства глины светло-желтых и розовых тонов, хорошего обжига, плотный. Глазурью покрывалась только внутренняя и лишь изредка внешняя сторона. Роспись на внешней поверхности блюд не встречается. Формы блюд, как и их размеры, стандартны: диаметры венчиков варьируют от 30 до 33 см, диаметры донца — от 10,6 до 13,2 см, высота — от 6,7 до 8,4 см. Подавляющую часть блюд составляют желтофонные образцы с росписью марганцем. Реже встречаются оттенки белого, голубого, зеленого и черного фонов с росписью голубым, темно-коричневым, синим и зеленым цветами. Полива бесцветных, желтоватых и зеленоватых оттенков. Основной принцип композиционного распределения орнамента на поверхности блюд концентрический и подчинен формам сосудов, имеющих отлогое днище, круто изогнутую часть стенки и косо отогнутый бортик, т. е., как на керамике предшествующего периода, разделен на три части³¹. Другая особенность блюд — практическое отсутствие орнаментации на средней круговой ленточной полосе. По цветовой гамме блюда подразделяются на следующие группы.

1. Желтофонная керамика с росписью марганцем, составляющая большую часть сосудов. По мотивам орнаментации и технике исполнения ее можно разделить на следующие подгруппы:

а) к первой подгруппе мы отнесли блюда с лучеобразным штампованным узором «басма» (рис. 3, 3), приобретшим в этот период большую популярность³². Причем в центре вписанный в круг узор выполняет роль вихревой розетки, как бы приводящей во вращение три следующие круговые линии этого орнамента, располагающиеся одна по дну и две по бортику сосуда. В эту подгруппу входят еще несколько фрагментов с такой же композицией, но «басма» уже заключена в концентрические круговые линии;

б) ко второй подгруппе относятся блюда, центральная орнаментальная композиция которых состоит из вихревых или лепестковых розеток, спиралевидного побега, запятых или схематически выполненных пучков побегов. Все вышеперечисленные мотивы заключались соответственно в круговой донный орнамент «зан-

²⁹ Пугаченкова Г. А. Глазурованная керамика..., рис. 12—14.

³⁰ Бурдуков Н. Указ. раб., разрезы XIX—XXII.

³¹ Пугаченкова Г. А. Самаркандская керамика..., с. 101.

³² Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Новое в средневековой археологии Южного Казахстана. — В сб.: Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969, табл. X, 3; Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Раскопки в северо-восточной части Отрара. — В сб.: В глубь веков. Алма-Ата, 1974, рис. 7, 4.

жир» и одну или две концентрические круговые линии. Нередко вместо мотива «занжир» от окаймляющих донный орнамент круговых линий во внутрь отходят пучки косых растительных побегов (рис. 4, 1). По бортику часто располагаются схематические растительные мотивы. На первом из блюд (рис. 3, 4) как бы продолжением центральной вихревой розетки является орнамент «занжир» и косо поднимающиеся с противоположных сторон бортика разнонаправленные растительные побеги. Такой тип растительной орнаментации характерен для блюд нашего комплекса, а также встречается на блюдах Изника конца XVI—XVII в., отличающихся лишь значительно меньшими размерами узоров и более упрощенной формой³³.

На втором блюде (рис. 3, 2) в центре помещена вписанная в круг условно-схематическая форма растительного побега, который, располагаясь и по бортику, чередуется с отходящими от закраины косыми пучками побегов (как на предыдущем блюде).

2. К этой группе относится посуда, выполненная в технике мраморовидного узора. У нас имеется лишь один образец донца и стенки крупного блюда. Техника исполнения подобного орнамента рассмотрена нами на примере фрагмента пиалы (рис. 1, 5). Хотя такие блюда и относятся к парадным видам посуды и встречаются реже, но они характеризуют керамическую продукцию этого периода. На широкий ареал ее распространения указывает аналогичный образец блюда, происходящий из Дагестана (XVIII в.)³⁴, прослеживаются параллели и в некоторых образцах блюд дальневосточного фарфора³⁵.

3. В третью группу входит керамический материал, отличающийся от предыдущих изделий как по характеру орнаментации, так и по технике исполнения. По цветовой гамме сюда относятся блюда с различным фоном: желтовато-коричневым, зеленым, голубым и т. д. Характерная особенность этих блюд — нанесение орнамента техникой процарапывания, а художественное оформление чаще всего состоит из аркообразных и спиралеобразных мотивов. Эти особенности, вероятно, были свойственны в какой-то степени и чашам.

На первом блюде (рис. 3, 1) по центру нанесена вихревая лепестковая розетка, окаймленная, как и на предыдущих блюдах, круговой линией с отходящим во внутрь волнистым спиралевидным узором. По бортику, в технике процарапывания, нанесен мотив аркады, выполненный как внутри, так и в пространстве между арочками, схематически-условным спиралевидным растительным узором. По художественной композиции и характеру

³³ Islamische keramik. Hetjens—Museum, Düsseldorf, 1973, ill. 317, 318; 328—330; 333, 334.

³⁴ Кверфельдт Э. К. Указ. раб., илл. 7.

³⁵ Арапова Т. Б. Указ. раб., илл. 185 (вторая половина XVII — первая треть XVIII в.).

орнаментации этому блюду аналогичны еще несколько блюд зеленых и светло-зеленых тонов.

На одном из образцов, выполненном в той же технике, по всей площади блюда со светло-зеленым фоном нанесена повторяющаяся спиралевидная орнаментация, которая является условной формой передачи растительной композиции (рис. 4, 1).

Исключительная условность, простота и небрежность исполнения этих сосудов подтверждают данные письменных источников о тяжелом экономическом состоянии страны в изучаемый период. Видимо, неимущие слои населения пользовались посудой,

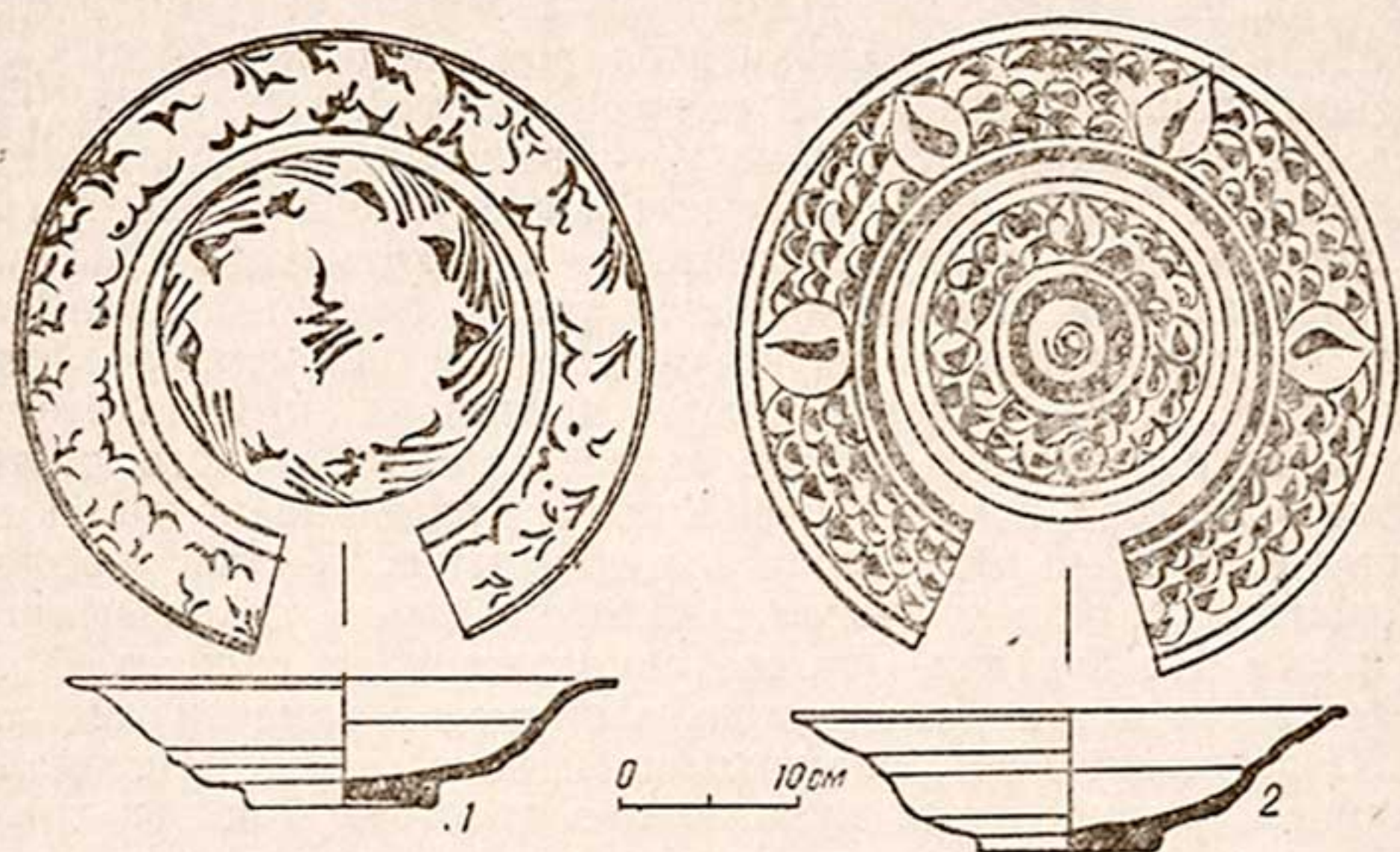

Рис. 5. Обиходные (1) и парадные (2) образцы блюд.

отвечающей элементарным требованиям утилитарного назначения при минимальной себестоимости.

4. К четвертой группе мы отнесли блюда, покрытые прозрачной глазурью с голубоватым отливом и росписью по белому ангобу, характеризующиеся, в отличие от блюд предшествующих групп, двумя цветами — марганцем и голубой краской по белому ангобу. Глазурь плохого качества, покрыта цеком и легко отслаивается. По характеру композиции и орнаментальных мотивов блюда этого типа подразделяются на следующие подгруппы:

а) блюда первой подгруппы обычно выполнялись методом чередования и контрастов, т. е. орнаментация донной части, часто повторяясь по бортику, представляла чередование мотива «басма» с каким-либо, чаще геометрическим, мотивом. Причем «басма» наносилась марганцем, а следующий за ней повторяющийся элемент — голубой краской. Идущие параллельно по две concentric круговые линии, заключающие донный орнамент, а также расположенные по бортику блюда, выполнялись чередованием марганцем и голубой краской. В этом и заключается принцип

чередования и контрастов, характеризующий блюда этой подгруппы.

На первом, наиболее сохранившемся блюде (рис. 4, 2), рисунок состоит из чередующихся по кругу мотивов «басма» и голубых колец. По бортику нанесен тот же круговой мотив, но вместо колец — круглые голубые пятна. На остальных фрагментах те же повторяющиеся круговые мотивы, но между «басмой» располагаются то голубые эллипсовидные узоры, то завитки и спирали;

б) ко второй подгруппе относятся фрагменты керамики с теми же техническими особенностями, но встречающиеся значительно реже. Так, на первом фрагменте бортика нанесен узор из двух наложенных накрест повторяющихся ромбовидных мотивов, выполненных также марганцем и голубой краской. На другом фрагменте орнаментация состоит из трех голубых круговых линий, разделяющих блюдо на три части. На следующих двух фрагментах орнаментация из-за незначительной сохранности блюда не восстанавливается. Прослеживается лишь элемент волнистого узора, который использован на археологически целом образце блюда (рис. 5, 2). Орнаментальная донная композиция его состоит из закрученного в центре завитка, заключенного соответственно в голубой и марганцевый концентрические круги, поверх которых идет в два ряда (один под другим) волнистый узор, прерывающийся расположенными с четырех сторон кольцевыми орнаментами. По бортику — та же композиция, но волнистый узор нанесен здесь в три ряда, а кольцевой мотив заменен листовидным. Содержание всей орнаментальной композиции, выполненной марганцем, раскрывается художником проставкой пятен голубоватой краской и мотивом «побега» под волнистым, кольцевидным и листовидным узорами. Мастер в условно-схематической форме несколькими рядами волнистого узора пытается передать пространственную композицию пышного растительного покрова, на фоне которого, также переданные в условной форме, возвышаются более крупные «насаждения»³⁶.

5. Пятую группу составляет керамика с грязновато-белым фоном и росписью марганцем (рис. 5, 1). Кремовый цвет ангоба нанесен очень тонким слоем, так что в отдельных местах из-под прозрачной бесцветной глазури просвечивает светлый цвет черепка. В центре нанесена популярная в этот период условно-схематическая форма побегуна, заключенного по краю донного орнамента двумя концентрическими круговыми линиями, символизирующими почву для отходящих от них во внутрь пучков косых растительных побегов. Орнаментация бортика также состоит из отходящих от закраины пучков растительных побегов. По нижней кромке бортика идут М-образные мотивы, вероятно, близкие

³⁶ Очень близкая по характеру орнаментация бортика встречается на блюдах Ирана XVII в. (см.: P. A. A. Survey of Persian Art., vol. V. London and New-York, 1938, ill. 789, 793, B) и на блюде происходящем из областей Османского государства, датируемым XVII—XVIII вв.) см.: Islamische keramik. Heijens—Museum. Düsseldorf, 1973, s. 270, ill. 407).

по сюжету полету пернатых, широко распространенному в керамическом искусстве стран Востока этого периода³⁷.

6. В особую группу мы выделили керамику, покрытую зеленой, желтой, голубой, синей³⁸, редко черной и фиолетовой глазурью, без всякой росписи. На одном из блюд желтая глазурь покрывает даже внешнюю его поверхность, что встречается довольно редко, даже на дорогих образцах.

7. К этой группе относятся фрагменты блюд без глазури. Внутреннюю поверхность посуды (рис. 4, 3) покрывает сошедший местами красновато-коричневый ангоб без всякой орнаментации. Такой тип керамики встречается в пятой группе чаш.

Блюда среди фрагментов столовой посуды крайне малочисленны и имеют приземистую, округлую у основания и расширяющуюся кверху, с небольшим отгибом венчика наружу, форму. На нашем фрагменте по всей внутренней поверхности блюда нанесена гладкая горчиная полива без орнаментации. Диаметр венчика достигает 18 см. По этнографическим данным, на них обычно подавались сушеные фрукты, орехи, сладости и т. д.

Тагора, фрагментарно представленные в нескольких образцах, имеют плоскодонную форму с косо поднимающимися и закругляющимися у венчика стенками или с отогнутым для удобства держания наружу небольшим бортиком. Внешняя поверхность стенок при заготовке на гончарном круге обычно не заглаживалась и потому имела вдавленные концентрические борозды³⁹. На большинстве тагора внутренняя и часть внешней поверхности покрывалась бирюзовой или темно-зеленой глазурью (рис. 4, 4). Обнаружены также образцы с грязновато-серым фоном и потеками темно-синей краски. Имеются также фрагменты тагора без поливы с красновато-коричневым ангобом, образцы которых среди чаш и блюд были выделены нами в отдельную группу. По своим размерам тагора четко делились на две группы: первую (диаметр венчика превышает 50 см) составляли образцы для стирки белья, вторую (диаметр венчика от 40 до 50 см) — тагора для заправки теста, мытья посуды и т. д.

Чиряги часто встречаются среди керамического материала этого периода и в сравнении с подсвечниками находят более широкое распространение. Они обычно имеют над резервуарами для масла куполообразную форму с отверстием на вершине и прямым, далеко выступающим в сторону, носиком (рис. 4, 5). Орнаментация чаще всего наносилась на полусферическую поверхность верхней части резервуара, подготовлявшуюся отдельно методом штампа и состоявшую из рельефных кольцевых желобков

³⁷ Очень близко этому блюду не только по сюжету, но и по времени (период Юнчжень, 1723—1735) блюдо с изображением летучих мышей, см.: Арапова Т. Б. Указ. раб., илл. 197.

³⁸ Керамика с преимущественно голубой поливой была встречена в слоях XVIII в. из Мерва, см.: Обельченко О. В. Указ. раб., с. 330.

³⁹ Подобные формы тагора имелись и в предшествующий период, см.: Пугаченкова Г. А. Самаркандская керамика..., с. 98.

по верхнему краю и отходящих от них линий радиально или косо в сочетании с такой же рельефной точечной орнаментацией. После нанесения штампа верхняя часть резервуара приделывалась к нижней и покрывалась глазурью различных цветов и оттенков: желтого, голубого, коричневого, зеленого, темно-синего и т. д. Причем в большинстве случаев глазурь покрывала лишь верхнюю, полусферическую часть, не доходя до резервуара, что свидетельствует о ее декоративном назначении. В отличие от домонгольских форм чираги сильно изменились, став очень грубыми, массивными, тяжеловесными. Ручки на наших образцах отсутствуют и имеется лишь небольшая условная их имитация в виде шишечки на месте «держака».

Шамдоны (подсвечники) имеют вид усеченного конуса, переходящего по верху в горловину с цилиндрическим углублением для свечи, а по низу — в блюдцеобразную форму (для задержки натека свечи) с дисковидным, вогнутым во внутрь, донцем. Они покрывались часто зеленой глазурью различных оттенков. Имеются образцы и неглазурованных шамдонов.

* * *

Таким образом, даже внешний, чисто поверхностный осмотр керамики Бухары второй половины XVII — первой половины XVIII в. показывает ее резкое отличие от керамики XV—XVI вв.

Наиболее характерные изменения, касающиеся как технологического, так и художественного оформления керамики этого периода, заключались в следующем:

1. Полное исчезновение дорогих кашинных изделий, широко бытовавших в XV—XVI вв.⁴⁰

2. В формах чаш кольцевой поддон на обиходной посуде постепенно вытесняется дисковидным и сохраняется только на отдельных парадных образцах.

3. В поддонах блюд также отмечается переход к дисковидной форме, и лишь иногда сосуды украшают кольцевым поддоном или просто желобком.

4. Чрезвычайно типичны в этот период рельефные круговые борозды от пальцевых вдавлений на внешней, неглазурованной поверхности блюд, а также переход стенки в широкий, косо поднимающийся с валиком у закраины, бортик с четко выраженным граненым ребром перелома.

5. Керамику типа «кобальт», господствовавшую в XV—XVI вв., сменяет керамика с желтовато-коричневым фоном, реже встречаются образцы зеленого, белого и бирюзового тона.

Основную роль в резком изменении цветовой гаммы, видимо, сыграл тот факт, что в рассматриваемый период Средняя Азия

⁴⁰ Пугаченкова Г. А. Глазурованная керамика..., с. 413—415. Процесс вытеснения фаянса был отмечен и в архитектуре XVII в., см.: Гражданкина Н. С. Глазурованные изразцы в декоре памятников XIV—XVII вв. как датирующий материал.— В сб.: ИМКУ. Вып. 7. Ташкент, 1966, с. 173—174.

фактически была разделена на множество враждующих племенных феодальных владений и в связи с этим частично или полностью прекращались ее экономические связи с традиционными торговыми партнерами⁴¹. Ввоз кобальта из Ирана и других районов затруднялся или вообще прекращался. В сравнительно короткий срок изделия из кашина и подорожавшего привозного кобальта оказались вытесненными. Керамика с поливой желто-коричневых, зеленых и голубых тонов стала более доступной для мастеров-керамистов и для населения. В связи с этим показательно исчезновение кашина и массовое использование посуды с желтой и зеленой глазурью, как наиболее дешевой в Бухаре второй половины XIX — начала XX в.

Несмотря на единый цветовой фон, керамика изучаемого периода подразделялась на обиходную и парадную. При этом на роспись и цвет поливы в определенной степени влиял привозной дальневосточный фарфор, на котором стала прослеживаться тенденция перехода от росписи типа «кобальт» к использованию глазури и росписи разнообразных цветов и оттенков. Авторы XVIII в. среди лучших красок Канси (1662—1722) называют зеленую, желтую и бирюзовую⁴². Фарфор, как и в предшествующий период (XV—XVI вв.), играл немалую роль в формировании художественных вкусов современников как в странах Ближнего и Среднего Востока, так и Западной и Восточной Европы. Поэтому, вероятно, на изучаемой парадной посуде прослеживаются некоторые элементы «парковых сюжетов», но уже в значительно переработанном под местные традиции и вкусы населения виде.

Многочисленная обиходная посуда по характеру росписи и цветовому колориту близка к расписным деревянным изделиям, широко распространенным среди горного и кочевого населения Средней Азии.

6. Зафиксированы глазури прозрачных, зеленоватых, желтоватых, белых с синеватым оттенком, грязновато-белых, голубых, синих тонов и очень редко фиолетовых, переходящих в черный. Ангобы обычно встречаются желтых, розовых, красновато-коричневых и белых тонов.

7. Монохромная керамика в большинстве случаев выполнялась росписью марганцем или голубой краской, реже техникой гравировки и лишь иногда радиальными рельефными желобками.

8. Орнамент на чашах располагался по дну и внутренней поверхности стенок (на внешней — лишь на парадных образцах).

Орнаментация на блюдах, как и в предшествующий период, концентрическая. Она делится на три части, разграниченные между собой одной или двумя круговыми линиями, причем средняя полоса практически орнаментировалась реже.

9. Наиболее популярные в орнаментации дна мотивы: а) ле-

⁴¹ Давидович Е. А. Указ. раб., с. 213.

⁴² Арапова Т. Б. Указ. раб., с. 24.

пестковые розетки; б) орнамент «басма»; в) спиралевидный завиток; г) условно-схематическая форма побегуна «ислими»; д) пучок побегов. Орнаментальная композиция дна, построенная по принципу «вращающегося колеса», как бы расширяясь, включает в движение повторяющиеся растительные и реже геометрические мотивы, которые часто, подчиняясь такту движения, изображаются на стенках изделий с некоторым наклоном.

10. На стенках чаш орнамент обычно состоит из ленточного бордюра у венчика с повторяющимися мотивами «басма», «занжир», схематических пучков растительных побегов или имеет «отвесную» композицию⁴³. Чаще всего это как бы кочка или просто круговое обрамление донной композиции, откуда вырастают кусты, трава, цветы, или схематически расположенные вплотную радиальные растительные побеги, спирали и т. д.

11. В орнаментации стенок блюд преобладают те же мотивы пучков растительных побегов, цветков, завитков, спиралей, кругов и круглых пятен, арочные мотивы, орнаменты «занжир», «басма» и мраморовидный узор.

12. В целом керамика XVII—XVIII вв. значительно уступает по качеству керамике XV—XVI вв. Она груба и массивна, глазурь, особенно на белофонных изделиях, быстро отслаивается. На желтофонной керамике глазурь хороша только на парадных образцах, а на обиходной посуде этого же фона она хоть и прилегает плотно, но очень тонкая и быстро стирается.

Мотив орнаментации на подавляющем большинстве изделий настолько условен, упрощен и абстрактен, что скорее напоминает условно-символическое изображение растительной композиции, чем является ею на самом деле.

Хотя гамма типа «кобальт» ко второй половине XVII в. исчезает, но по-прежнему остаются «парковые сюжеты», продолжая бытовать на парадных образцах в переработанной стилизованной форме.

Общая тенденция упрощенчества и привела, видимо, к отказу от зооморфных и антропоморфных мотивов, в выполнении которых требовалось высокое техническое мастерство.

13. Все вышеперечисленные факты указывают на общий экономический и политический кризис, какого не ощущала Средняя Азия со времен монгольского нашествия. Тяжелейшее положение трудовых масс, нуждавшихся «в куске ячменного хлеба»⁴⁴, а не в расписной керамике, принудило мастеров-керамистов к максимальному упрощению производства изделий для достижения минимальных цен на посуду, что являлось прямым следствием влияния общеэкономического кризиса на гончарное производство.

⁴³ Мотив «отвесной» композиции был очень популярен (но не в такой условной форме) в предшествующий период, см.: Пугаченкова Г. А. Самаркандская керамика..., с. 100.

⁴⁴ Мир Мухаммад Амин-и-Бухари. Убайдулла-наме. Ташкент, 1957, с. 213.

В заключение необходимо отметить, что прямые параллели рассматриваемой керамики мы находим в коллекциях средневековых изделий С. Н. Юренева из Бухары⁴⁵, а также в материалах Сузака XVII—XVIII вв.⁴⁶, Сыгнака и Саурана XVII—XVIII вв.⁴⁷, Тараза XVII—XVIII вв.⁴⁸ и Отрара XVII—XVIII вв.⁴⁹ Аналогично нашим блюдам и блюдо с мраморовидным узором из Дагестана XVIII в.⁵⁰ В одном из последних сообщений Отрарской экспедиции хронологические рамки указанной керамики на основе нумизматических данных сужаются второй половиной XVII—XVIII в.⁵¹

По данным стратиграфии, рассматриваемый комплекс охватывает период второй половины XVII — середину XVIII в., хотя, на наш взгляд, можно еще более сузить верхний хронологический рубеж и датировать эту керамику последней четвертью XVII — первой половиной XVIII в.

⁴⁵ В фондах Бухарского историко-краеведческого музея и в фондах Эрмитажа.

⁴⁶ Ерзакович Л. Б. Поливная керамика..., с. 81, рис. 2.

⁴⁷ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Новое в средневековой археологии..., с. 41—42, табл. X.

⁴⁸ Ерзакович Л. Б. Некоторые черты оседлой культуры позднего средневековья в Таласской долине.— В сб.: Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972, с. 104—106, рис. 3.

⁴⁹ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар, с. 117—122, рис. 81.

⁵⁰ Кверфельдт Э. К. Указ. раб., илл. 7.

⁵¹ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Отрар XVI—XVIII вв. по итогам раскопок 1971—1973 гг.— В сб.: Древности Казахстана. Алма-Ата, 1975, с. 48.

Дж. МИРЗААХМЕДОВ, И. АХРАРОВ

КЕРАМИКА РИШТАНСКОГО ТИПА ИЗ БУХАРЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Бухарской археологической экспедицией в верхних слоях Бухарского арка, датируемого второй половиной XIX в., был обнаружен небольшой комплекс керамики, по форме, орнаментации, качеству, цвету и яркости поливы отличающийся от керамики Бухарского оазиса. По музейным материалам и данным литературы мы отнесли ее к керамике Ферганской долины и, в частности, к риштанской керамической продукции, которая, по свидетельству большинства авторов, в XIX — начале XX в. по художественным и технологическим качествам занимала в Средней Азии ведущее место¹.

На примере материала из Бухары попытаемся раскрыть причины столь быстрого распространения керамики риштанского типа по Средней Азии во второй половине XIX в. Риштан, благодаря своим большим запасам высококачественной глины, издавна считался крупным центром гончарного производства. Здесь было большое число мастеров гончарного дела, каждый из которых специализировался на определенном виде керамической продукции².

Из всего разнообразия керамики риштанского типа мы выделили керамику с бирюзовой и белой поташной поливой, с подглазурной росписью кобальтом и марганцем, фрагменты которой чаще встречены в Бухаре³. По свидетельству современников, именно эта керамика приобрела большую популярность и имела широкий спрос «далеко за пределами Ферганской области и даже в Семиречье и Закаспийской области»⁴.

Рассмотрим керамику этого типа, представленную фрагмен-

¹ Пещерева Е. М. Гончарное производство Средней Азии. М.—Л., 1959, с. 202; Рахимов М. К. Художественная керамика Узбекистана. Ташкент, 1961, с. 82.

² Развадовский В. Опыт исследования гончарного и некоторых других кустарных промыслов в Туркестанском крае.— «Туркестанское сельское хозяйство», 1916, № 8, с. 710.

³ Техника производства этой керамики дана в указ. раб. Е. М. Пещеревой, с. 185.

⁴ Головин. Кустарные промыслы Туркестана.— «Туркестанский сборник». Т. 512. Ташкент, 1909, с. 26.

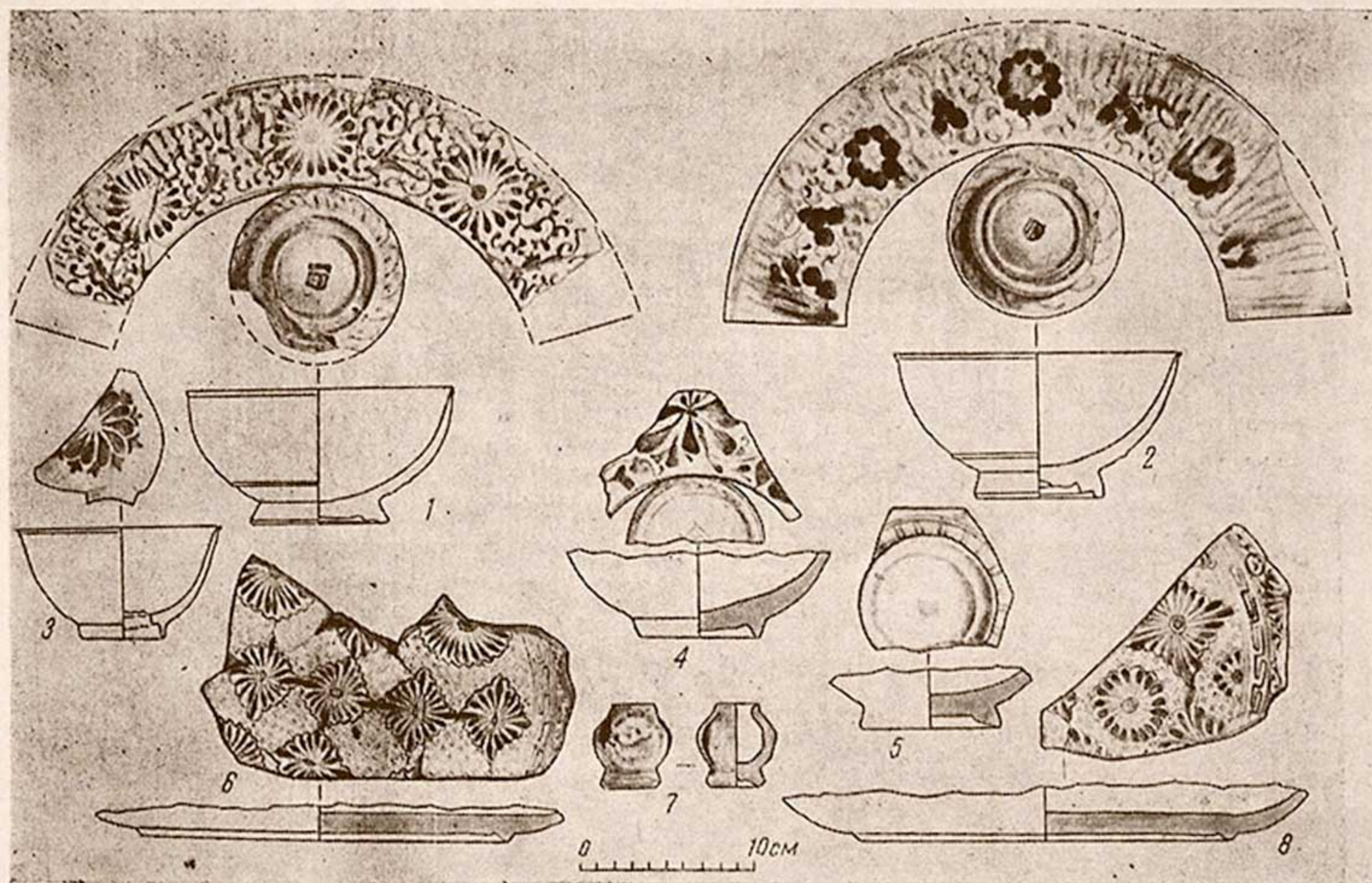

Рис. 1 . Образцы керамики риштанского типа из Бухары.

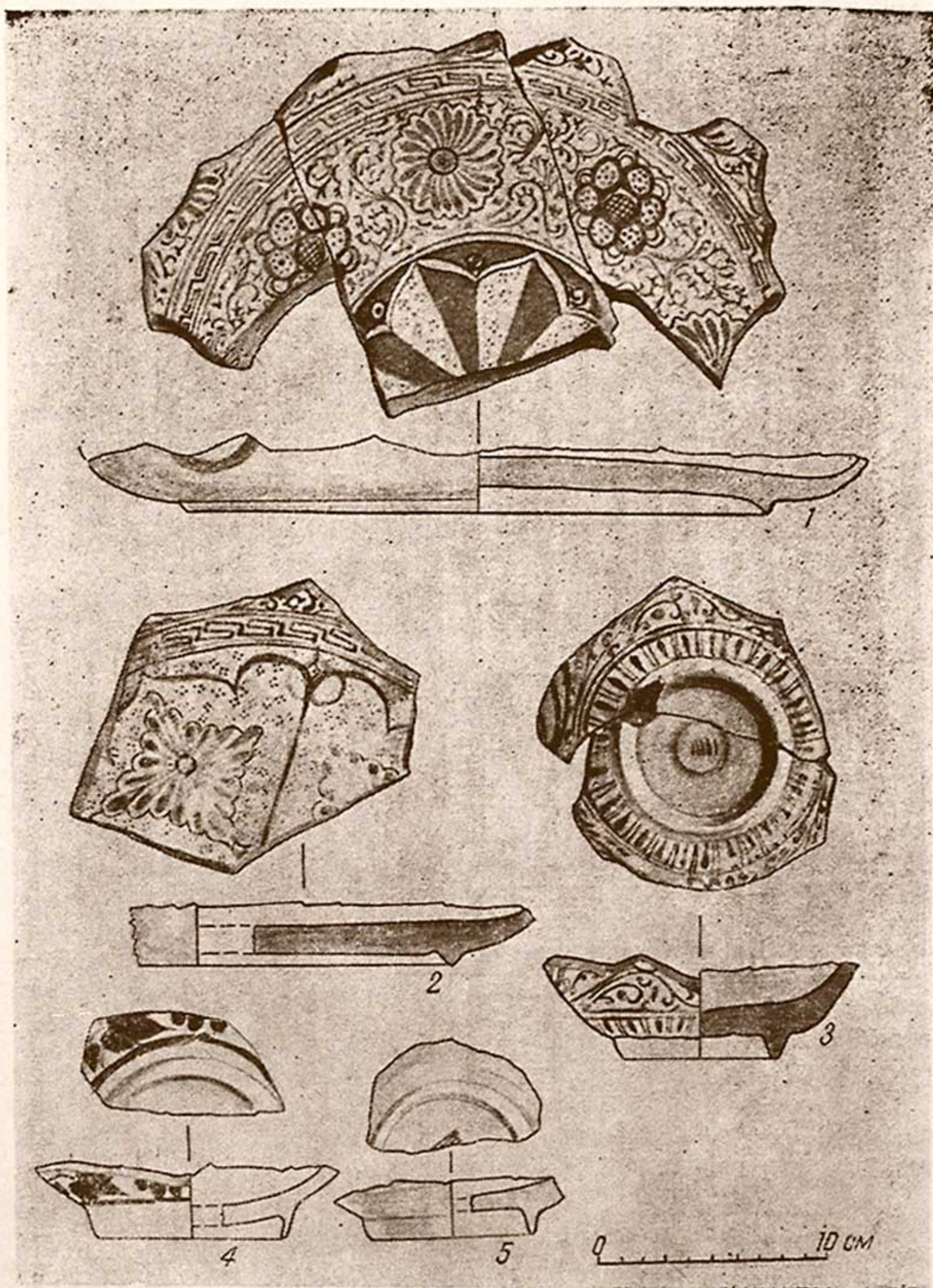

Рис. 2. Образцы керамики риштанского типа из Бухары.

тами и археологически целыми формами. По форме посуду можно разделить на следующие типы:

Блюда (рис. 1, 6, 8; рис. 2, 1, 2). Имеют невысокую уплощенную форму на широком невысоком кольцевом поддоне. Форма венчика не восстанавливается, но по музейным материалам и данным литературы видно, что подобные блюда обычно имели невысокие стенки, плавно переходящие в венчик, иногда со слегка отогнутым наружу бортиком. Диаметр донцев до 25 см при толщине массивного поддона 1,2 см. Бирюзовая глазурь ровно покрывает всю внутреннюю и внешнюю поверхность блюд. Цек, имеющийся на поливе некоторых блюд, почти незаметен. Подглазурный орнамент нанесен на внутреннюю поверхность чаще кобальтом и реже марганцем, которым обводился орнамент. Орнаментальная полоса проходит по стенкам и заканчивается центральной композицией, располагающейся по всей плоскости дна сосуда. Пространство между орнаментальными полосами заполнено двумя параллельными линиями, между которыми проходит меандровый орнамент. Основными элементами орнамента являются многолепестковые розетки двух типов: круглые⁵ и ромбовидные⁶, обрамленные светло-коричневой краской. Орнамент на стенках, состоящий из вихревых лепестковых розеток, расположенных по кругу с элементами растительных побегов между ними, характерен для всех наших блюд. Центрический орнамент в большинстве случаев также состоит из сплетения или чередования ромбовидных и лепестковых вихревых розеток, свободный фон между которыми заполнен ритмически повторяющимися четырехточиями. Лишь на одном блюде (рис. 2, 1) в центре помещена крупная лепестковая розетка, вписанная в круг⁷, за которым идет широкая орнаментальная полоса с вихревыми розетками, сочетающаяся с шестилепестковыми цветками на фоне растительных побегов⁸. Каждый лепесток крупной розетки, помещенный в центре дна блюда, наполовину оттенен синим цветом, а по свободному голубому фону второй половины проставлен точечный орнамент.

Все описанные выше блюда имеют широкое плоское дно и невысокие, плавно отходящие стенки. Такая уплощенная форма блюд с широким и невыразительным массивным поддоном среди керамических материалов Бухары ранее середины XIX в. не встречалась, не отмечена она и в литературе. Подобные формы блюд находят аналогии среди деревянной столовой посуды древности⁹

⁵ Рахимов М. К. Указ. раб., табл. XII, № 16 (чархи паррак).

⁶ Там же, табл. XIV, № 15 (беги сарун).

⁷ Там же, табл. XVII, № 8 (палак гул).

⁸ Подобный орнамент имеется на блюде, приведенном в работе Н. Бурдукова, и датируется первой половиной XIX в., см.: Бурдуков Н. Гончарные изделия Средней Азии. СПб., 1904, табл. XII.

⁹ Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972, с. 42—43.

и позднего средневековья¹⁰, а также среди привозных дальневосточных фарфоровых блюд, которые транзитом через Среднюю Азию шли дальше на запад.

Производство риштанскими гончарами уплощенных форм блюд являлось не слепым копированием с дерева или фарфора, а использованием в керамическом искусстве новейших достижений и наиболее рациональных черт, приемлемых для быта народов среднеазиатского Востока. Причиной этого нововведения явилась тенденция коллективного приема «крутой» пищи и прежде всего плова. Плов в этот период, да и по нынешний день, — наиболее распространенное и любимое блюдо народов Средней Азии¹¹. Описывая Самарканд 70-х годов XIX в., Л. Ф. Костенко упоминает «100 лавок с продажей плова и пельменей»¹². Коллективные сборы с приготовлением плова являлись любимым видом отдыха мужчин¹³.

Е. М. Пещерева отмечает, что посуда риштанского типа вне зависимости от того, с бирюзой или белой поташной поливой, очень высоко ценилась населением. Для семейных празднеств (туй), когда в доме собиралось много гостей, богатые люди заказывали мастерам блюда с голубым и синим рисунком. Поэтому голубые блюда, кроме названия по виду краски — «лочивард лаган», именовались также «туй лаган»¹⁴. Появление и распространение таких форм блюд связано с тем, что такая посуда — с нешироким донцем была неустойчива и создавала определенные неудобства при употреблении пищи руками. Новая форма поддона отвечала практическим требованиям национальной кухни.

Чаши (рис. 1, 1, 2, 4, 5; рис. 2, 3—5). Округлый полусферический корпус чаш остался таким же, каким он был еще в средневековье. Наряду с обычными, выступающими и прямыми поддонами продолжают бытовать и ступенчатые. По внешней поверхности чаш со ступенчатым поддоном проходит незначительное выступающее кольцевое обрамление, служащее разделительной гранью между орнаментным поясом стенок чаши и орнаментной каймой придонной части. Эта ступенчатость формы донцев наиболее удобна при переноске жидкой пищи. Такие донца чаш были широко известны еще в XVI в.¹⁵, но в дальнейшем, особенно в кризисный период XVIII в., посуда стала грубее и сосуды с такой формой почти исчезли. С конца XVIII — первой половины XIX в. эта форма донцев в Бухаре еще не встречалась. Изнутри

¹⁰ Шаниязов К. Ш. К этнической истории узбекского народа. Ташкент, 1974, с. 280.

¹¹ История народов Узбекистана. В 3-х т. Т. II. Ташкент, 1947, с. 317.

¹² Костенко Л. Ф. Путешествие в Бухару русской миссии в 1871 г. СПб., с. 26.

¹³ Андреев М. С., Чехович О. Д. Арк Бухары в конце XIX — начале XX вв. Душанбе, 1972, с. 106.

¹⁴ Пещерева Е. М. Указ. раб., с. 185—186.

¹⁵ Пугаченкова Г. А. Глазурованная керамика Нисы XV—XVI вв. — Труды ЮТАКЭ. Т. I. Ашхабад, 1949, с. 415, рис. 14.

и снаружи чаши покрывались, как правило, бирюзовой и белой поливой, включая и поддон, реже полива была голубоватого и синеватого тонов. Иногда бирюзовую и белую поливу использовали на одной чаше, окрашивая в разные цвета внутреннюю и наружную поверхности.

Некоторые фрагменты чаш покрывает едва различимая сеточка цека, но, несмотря на это, глазурь плотно держится на поверхности изделий. Подглазурная роспись наносилась лишь на наружную поверхность чаш кобальтовой, чаще в смеси с марганцевой краской. Широкая орнаментальная полоса, покрывающая стенки и венчик археологически целых чаш, состоит из расположенных по кругу многолепестковых розеток¹⁶ с заполнением пространства между ними схематическими растительными побегами¹⁷. Чаши, в придонной части которых имеются орнаментальные каемочки, состоят из простейших растительных или геометрических мотивов. Одной из характерных особенностей чаш является стандартность их форм и размеров, а также однотипность орнаментации. На двух археологически целых чашах диаметр венчиков варьирует от 16 до 16,5 см, а диаметр донцев на всех семи фрагментах от 6,5 до 8,5 см. Если орнаментация блюд выполнена довольно тщательно, то этого нельзя сказать об орнаменте на чашах, который местами расплывчат, не всегда симметричен, встречаются даже пропуски деталей, что, видимо, свидетельствует о массовости производства и работе мастеров-керамистов на широкий потребительский рынок. На всех чашах имеются изображения схематически условных подобий марок дальневосточных фарфоровых заводов, которые располагаются в поддонной части.

По форме, цвету поливы и орнаментации наиболее близок чашам фрагмент археологически целой пиалы (рис. 1, 3), по внешней поверхности стенок которой нанесена крупная многолепестковая розетка с небольшими трилистниками, отходящими от ее концов. Подобный орнамент с теми или иными вариациями широко распространен в орнаментальном искусстве Средней Азии¹⁸.

Наряду со столовой посудой в Бухаре была найдена чернильница — сиёхдон (рис. 1, 7). Это миниатюрный сосудик на широкой устойчивой ножке, с узкой горловиной и широким округлым туловом. Венчик выражен слабо, диаметр отверстия — 2,5 см, высота чернильницы — 4,8 см, ширина тулова — 4,5 см, диаметр поддона — 3,5 см. За исключением донца, она с обеих сторон покрыта бирюзовой глазурью. Подглазурный орнамент расплывчатый, мраморовидный, с полосками и пятнами синей и темно-

¹⁶ Рахимов М. К. Указ. раб., табл. X, № 13 (парпашша).

¹⁷ Подобный орнамент был нанесен на блюдо из Риштана, относимое Н. Бурдуковым к первой половине XIX в., см.: Бурдуков Н. Указ. раб., табл. XII.

¹⁸ Пугаченкова Г. А. Самаркандская керамика XV в. — В сб.: Труды САГУ. Новая серия. Вып. XI. Гуманитарные науки, кн. 3. Ташкент, 1950, с. 104, илл. 4; Рахимов М. К. Указ. раб., табл. XVII, № 7 (гирдоба парра).

коричневой краски. Аналогичные (по форме и материалу) чернильницы встречались на городищах Кува (конец XII — начало XIII в.)¹⁹ и Ниса (XV—XVI вв.)²⁰. Интересно отметить, что по форме керамические сиѣхдоны за этот период не претерпели существенных изменений. В своей работе Е. М. Пещерева упоминает одного мастера-керамиста из Риштана, занимавшегося производством чернильных приборов в конце XIX — начале XX в.²¹ Чернильница из Риштана имелась также и у Головина — автора работ по кустарным промыслам Туркестана²². Хотя в этот период продолжали производить и металлические чернильницы, наша находка свидетельствует о широком использовании в быту менее дорогих керамических сиѣхдонов. Об использовании глиняных чернильниц упоминает в своих воспоминаниях о Бухаре С. Айни²³.

Фрагменты керамики риштанского типа в изломе имеют в основном три цвета: красновато-кирпичный, серовато-желтый и белый. Одно донце чаши, а также фрагмент пиалы с белым черепком выполнены из фаянса. Таким образом, тесто керамики с бирюзовой и белой глухой поливой может быть как обыкновенной глиняной, так и фаянсовой (чинни). Изделия такого рода за сходство с фарфором иногда называли «ялгон чинни»²⁴.

В отличие от керамики Риштана, имеющей красновато-кирпичный цвет, для керамики Бухары в подавляющем большинстве характерен розовато-желтый²⁵. Это свидетельствует о том, что наряду с риштанскими привозными изделиями существовала аналогичная посуда, изготовлявшаяся в самой Бухаре.

Риштанская керамика, обнаруженная в небольшом количестве среди бухарского материала, вначале была определена нами как привозная, но данные литературы подсказали возможность иного пути появления ее в Бухаре. Литературные источники свидетельствуют, что в Риштан, приобретший громкую славу популярного центра керамического производства, начали стекаться мастера гончарного дела из других районов Средней Азии, желавшие приобрести знания и навыки для использования их у себя в крае²⁶. В свою очередь, риштанские мастера в поисках заработка выезжали в самые отдаленные уголки Средней Азии, где спрос на их продукцию был широк, и даже в такие крупные

¹⁹ Ахраров И. Средневековые чернильницы с городища Кува.— ОИУ. 1962, № 1, с. 61—62.

²⁰ Пугаченкова Г. А. Глазурованная керамика..., с. 405, рис. 3.

²¹ Пещерева Е. М. Указ. раб., с. 205.

²² Головин. Указ. раб., с. 28.

²³ Айни С. Собр. соч. В 6-ти т. Т. 5. «Бухара». М., 1974, с. 140.

²⁴ Сухарев И. А. Два блюда XV в. из Самарканда.— В сб.: Труды Института истории и археологии. Т. 1. Ташкент, 1948, с. 52; Ершов Н. И. Собрание этнографических коллекций Института истории им. А. Дониша АН ТаджССР.— СЭ, 1975, № 4, с. 91—92.

²⁵ Развадовский В. Указ. раб., 1916, № 6, с. 568.

²⁶ Пещерева Е. М. Указ. раб., с. 202.

гончарные центры, как Самарканд и Бухара²⁷. Так, М. С. Андреев указывает на чустского мастера-гончара Джамаль-эд-дина, изделия которого перекупщики в конце третьей четверти XIX в. направляли в Самарканд и Бухару, а Е. М. Пещерева — на известного риштанского мастера Усто Ахмеда, жившего многие годы в Самарканде, Бухаре и Хатырчи. Таким образом, мы имеем конкретные примеры не только ввоза керамики риштанского типа в Бухару, но и переезда сюда мастеров, распространявших свойственные риштанским мастерам приемы выделки²⁸.

Время появления керамики с бирюзовой и белой поливой освещено в работе Е. М. Пещеревой²⁹. По ее данным, появление бирюзовой поливы относится к 50-м годам XIX в. Е. М. Пещерева полагает, что рецепт производства глухой поливы скорее всего был заимствован из Ирана³⁰, но не лишена оснований и другая версия, по которой «...Усто Абдулло вместе с другим мастером Мухсином ездил обучаться производству «чинни» в Бухару так же, как и работавший в Коканде в первой четверти прошлого столетия Усто Собиржон»³¹. Эта версия может быть правдоподобна только в отношении производства кашина, который часто встречается среди находок конца XVIII — первой половины XIX в., а специфическая заглушенная глазурь, характерная для Риштана, для Бухары конца XVIII — первой половины XIX в. пока неизвестна.

Находки риштанской керамики с материалами второй половины XIX в., видимо, указывают на то, что если эта керамика и появилась в Риштане в первой половине XIX в., что было отмечено Н. Бурдуковым³², то не получила еще широкой известности. Появление посуды с белой глухой поливой, по данным Е. М. Пещеревой, относится к 70—80 гг. XIX в.³³

Широкое распространение керамики с бирюзовой поливой вызвано двумя причинами. Прежде всего, бирюза являлась одним из любимых на Востоке камней-самоцветов. С ней здесь было связано множество поверий и легенд, приписывающих тем, кто носит ее, личное счастье, здоровье и материальное благополучие. Камень являлся также оберегом от всевозможных несчастий³⁴. О широкой популярности бирюзы в Средней Азии свидетельствуют крупные разработки, существовавшие на территории нынешнего Узбекистана³⁵, и торговые ряды с драгоценными кам-

²⁷ Андреев М. С. К материалу по средне-азиатской керамике. Ташкент, 1926, с. 8—11; Пещерева Е. М. Указ. раб., с. 202.

²⁸ Андреев М. С., Чехович О. Д. Указ. раб., с. 8.

²⁹ Пещерева Е. М. Указ. раб., с. 230.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Бурдуков Н. Указ. раб., табл. XII.

³³ Пещерева Е. М. Указ. раб., с. 231.

³⁴ Семенов А. А. Из области воззрений мусульман Средней и Южной Азии на качество и значение некоторых благородных камней и минералов. — «Мир ислама». Т. 1. № 3. СПб., 1912, с. 299.

³⁵ Пругер Е. Б. К находкам бирюзы на городищах старого Мерва. — Труды ЮТАКЭ. Т. XV. Ашхабад, 1974, с. 280.

нями, в том числе с бирюзой в Бухаре³⁶. Особенно ценились у женщин кольца с двумя глазками — из рубина и бирюзы.

Рубин являлся символом молодости и красоты, а бирюза — оберегом от сглаза. Поэтому не случайно на Востоке получает широкое распространение в средние века посуда голубоватых и зеленоватых тонов. Чрезвычайно почитаемы были селадоны — толстостенные фарфоровые изделия, покрытые необыкновенно прозрачной глазурью зеленоватых оттенков. В средневековой Европе этим сосудам, напоминающим по цвету камень нефрит, приписывалась способность обнаруживать яд, положенный в подаваемую в них пищу. Для них делали богатую оправу из чистого золота и украшали самоцветами³⁷. В Иране стали даже производить посуду, имитирующую селадоны³⁸.

В Средней Азии попытка имитации селадонов известна с XII в., когда появилась керамика с глухой толстой бирюзовой поливой, напоминающая по форме селадоновые блюда. В XV—XVII вв. на территории Средней Азии господствовала керамика с белой прозрачной глазурью и росписью кобальтом, характерная для дальневосточного фарфора этого периода. Из сказанного следует, что попытки риштанских мастеров имели в основе глубокие традиции использования любимых и почитаемых цветов, также как имитация и под более совершенный материал производства — фарфор. Почитание селадонов в Средней Азии было настолько сильным, что до недавних пор даже обломкам приписывалась чудодейственная сила. Их использовали как средство от сглаза в виде амулетов и тумаров — оберегов³⁹. А русские промышленники фарфора изготавливали специальную посуду, в том числе селадоны, выполненные в подражание дальневосточному фарфору, со схематическими дальневосточными марками, которые пользовались широким спросом в странах мусульманского Востока, Средней Азии и даже в некоторых областях Восточного Китая⁴⁰.

Риштанские мастера, желая подчеркнуть дальневосточное происхождение своих изделий, на донцах ставили подобие клейма фарфоровых предприятий. Изменения (заимствования с фарфоровых изделий) прежде всего коснулись форм блюд, ставших в значительной степени уплощенными с невысокими стенками и с широким, на большую часть диаметра блюда, плохо выраженным донцем. Изменились также и некоторые внешние формы орнаментальной композиции (в основном чаш), но в целом они сохраняли глубоко традиционные местные мотивы. Э. К. Квер-

³⁶ Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975, с. 102.

³⁷ Кверфельдт Э. К. Китайская керамика XII—XIII вв. на Кавказе. — В сб.: Памятники эпохи Руставели. Л., 1933, с. 189—191.

³⁸ Фехнер М. В. Торговля русского государства со странами Востока в XVI в. М., 1952, с. 115.

³⁹ Пугаченкова Г. А. Самаркандская керамика..., с. 103—104.

⁴⁰ Пруслина К. Н. Русская керамика. М., 1974, с. 34.

фельдт указывает, что «туркестанцы заимствовали лишь монохромность и несколько растительных мотивов, переделав их почти до неузнаваемости на свой местный лад»⁴¹. И последнее, само название «чинни», т. е. «фарфоровая»⁴², как называли эту керамику риштанские мастера, в совокупности с дальневосточными марками, которые они ставили на поддонах своих изделий, свидетельствует не о подражании, а скорее о наивной попытке подделки, характерной только для первоначального этапа производства.

Риштанские гончары добились успеха не в результате слепого подражания, а благодаря рациональному использованию форм и орнаментальной композиции, наиболее приемлемых для местного потребителя. В дальнейшем такая имитация фарфора сохранила лишь внешние атрибуты, потеряв всякий внутренний смысл. Во-первых, покупателей это не вводило в заблуждение, у местного населения даже возник термин для названия такого рода изделий — «ёлгон чинни», «сопол чинни», «тошкан чинниси», «чинни мусульмани», т. е. ложный фарфор, глиняный фарфор, ташкентский фарфор, мусульманский фарфор⁴³. Во-вторых, риштанские изделия стали настолько хороши по качеству, что население покупало их без рекламы. Таким образом, попытка подделки привела к появлению в Средней Азии новых цветовых гамм поливы, в результате которой несколько видоизмененная, но традиционная орнаментика приобрела неподражаемую красочность.

Рассмотрим некоторые аспекты политической истории, сыгравшие, видимо, немалую роль в столь быстром успехе и распространении риштанской керамики во второй половине XIX в. В этот период Кокандское ханство было восточными воротами Средней Азии, куда из Китая через Восточный Туркестан ввозились в основном чай и фарфор. Именно отсюда и возникло у населения неправильное представление о китайском фарфоре, как происходящем из Кашгара («Кашгари»), бытовавшее вплоть до начала XX в. В. Вельяминов-Зернов отмечает, что в начале 50-х годов XIX в. сюда ежегодно прибывали из Кашгара «50 лошадей китайских чашек», а также китайский фарфор из Кульджи⁴⁴. Он же упоминает, что мужчины в Кокандском ханстве «преимуществен-

⁴¹ Кверфельдт Э. К. Керамика Ближнего Востока. Л., 1947, с. 135.

⁴² Под словом «чин» в Средней Азии понимали Китай, это же слово стало основой для наименования привозного, вплоть до XVIII в. только из Китая, фарфора (чинни, т. е. китайская). В дальнейшем словом «чинни» стали называть кашинные изделия местного производства, так как по своей технологии и орнаментальной композиции они преследовали цель имитировать фарфор. В дореволюционной русской литературе кашинные изделия назывались фаянсовыми.

⁴³ Пещерева Е. М. Указ. раб., с. 185; Ершов Н. И. Указ. раб., с. 91—92. Необходимо отметить, что термин «тошкан чинниси», видимо, указывает на особую популярность ее в Ташкенте, что подтверждается археологическими раскопками в слоях XIX в.

⁴⁴ Вельяминов-Зернов В. Сведения о Кокандском ханстве.— «Вестник РГО», ч. XVIII. СПб., 1856, с. 131.

но занимаются гончарною работою и выделкою кож»⁴⁵. Это свидетельство высокого подъема гончарного производства в крае. Привозной дальневосточный фарфор, который ввиду своей дороговизны был доступен лишь для верхних слоев общества, практически не оказывал конкуренции ферганской керамике. Ферганские керамисты не упустили такого существенного обстоятельства для совершенствования своих изделий. Кроме того, в третьей четверти XIX в. в связи с внутривосточными событиями в Восточном Туркестане ввоз китайского фарфора частично или полностью прекращался, спрос же на него повышался. Это обстоятельство, видимо, в какой-то степени и стимулировало работу риштанских мастеров под китайский фарфор.

По данным Е. М. Пещеревой⁴⁶ и из XII табл. Н. Бурдукова⁴⁷ можно заключить, что вначале появилась посуда с бирюзовой, а затем с белой поливой. Производство керамики этого типа стало быстро распространяться по всей Ферганской долине. Кроме Риштана, прекрасные ее образцы были известны в Коканде, Андижане, Намангане, Ходжене, Чусте, Канибадаме и Ура-Тюбе⁴⁸.

Риштанская керамика и керамика риштанского типа различных городов Ферганской долины почти всегда вводилась в состав экспонатов Туркестанского отдела на всероссийских и международных выставках, неоднократно награждалась премиями и медалями⁴⁹. Но наиболее высокая оценка была дана ей знатоками, любителями и коллекционерами на Всемирной выставке в Париже⁵⁰ в 1900 г. Такой огромный успех вызвал большой интерес к риштанской керамике и в официальных кругах русского общества. Как отмечает Головин, в 1901—1903 гг. министерством земледелия и государственных имуществ «был командирован в Коканд чиновник особых поручений Н. О. Бурдуков для ознакомления на месте, в Риштане с гончарным производством. Большая коллекция риштанской посуды, увезенная в образцах г. Бурдуковым в Петербург, не могла удовлетворить требования заинтересовавшихся ею лиц и только дальность расстояния и слишком плохие условия перевозки с риском боя не дали возможности установления постоянного сбыта этих предметов народного производства в наши столицы»⁵¹. Таким образом, экспорт риштанской керамической продукции на внутренние рынки России представлялся совершенно очевидным и не был осуществлен лишь из-за дальности и неудобств транспортировки.

⁴⁵ Там же, с. 123.

⁴⁶ Пещерева Е. М. Указ. раб., с. 230—231.

⁴⁷ Бурдуков Н. Указ. раб., табл. XII.

⁴⁸ Пещерева Е. М. Указ. раб., с. 230.

⁴⁹ Чабров Г. Н. Туркестан на Всероссийских и Всемирных выставках (1867—1914).— В сб.: Труды САГУ. Новая серия. Вып. 142. Исторические науки, кн. 30. Ташкент, 1958, с. 43.

⁵⁰ Головин. Указ. раб., с. 26.

⁵¹ Там же, с. 26—27.

В Бухару эта керамика вначале попадала в небольшом количестве как привозная, затем сюда, как мы отмечали выше, стали приезжать гончары из Ферганской долины⁵². Эти данные подтверждаются сведениями, полученными авторами от археолога С. Н. Юренева, прожившего в Бухаре более 30 лет. Он сообщил, что при раскопках к северу и северо-западу от мавзолея Саманидов им были вскрыты отвалы гончарных печей с керамикой риштанского типа. Опрос населения в этом районе показал, что во второй половине XIX — в начале XX в. здесь некогда находились керамические мастерские. На это указывает в своей работе О. А. Сухарева⁵³. Здесь же в 1971 г. нами был расчищен отвал бракованных изделий гончарного производства конца XIX — начала XX в.

Хотя в Бухаре производилась и использовалась керамика риштанского типа, массового распространения она здесь не получила, о чем свидетельствуют археологические материалы. Это объясняется тем, что Бухара являлась столицей крупного ханства, где пересекались многие караванные пути. Фарфор сюда доставлялся из России, Китая и Британской Индии (через Афганистан). Риштанская керамика принадлежала к более дорогостоящим видам гончарной посуды, и к концу XIX в. не выдержала конкуренции с фарфором, который в возрастающем количестве выпускался на заводах России и Европы и все более дешевел. Последний удар был нанесен риштанской керамике в Бухаре в связи с вводом в действие железной дороги Красноводск — Бухара в 1887 г. и установлением непосредственных связей между среднеазиатским и российским рынками. Русские товары, и в частности фарфор, широким потоком хлынули на рынки Бухары, вытеснив почти все виды расписной керамики и кашинных изделий. В Ферганскую долину и в Ташкент железная дорога была проведена только в 1899 г., поэтому здесь местное керамическое производство пострадало в последнюю очередь.

⁵² Пещерева Е. М. Указ. раб., с. 202.

⁵³ Сухарева О. А. Квартальная община позднефеодального города Бухары. М., 1976, с. 134 (75 квартал Деволи пахса).

А. АБДУРАЗАКОВ

ОСОБЕННОСТИ ХИМИЧЕСКОГО СОСТАВА СТЕКОЛ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО СОГДА

Среди историко-культурных областей Средней Азии Согд был одним из самых ранних и значительных центров стеклоделия. Его города Афрасиаб и Пенджикент дали замечательную коллекцию стеклянных изделий и множество остатков стекольного производства.

Более 10 лет назад мы впервые подвергли химическому анализу стеклянные предметы с памятников Согда¹. Среди исследованных стекол имелись образцы с шести археологических объектов Согда: из Пенджикента (начало VIII в.) — 8, Афрасиаба (X—XI вв.) — 10, Кулдортепа (IX—XII вв.) — 7, Варахши (XI в.) — 4, Кзыл-Кыра 3 и Пайкенда (X—XI вв.) — 6. Всего

Таблица 1

Химические типы древних и средневековых стекол Узбекистана

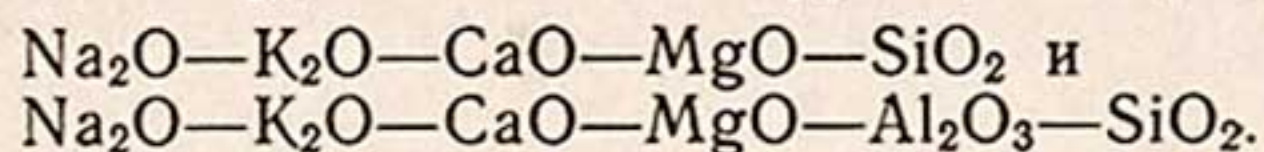
Химический тип	Число образцов, относящихся к данному химическому типу	
	по всем памятникам	по памятникам Согда
$\text{Na}_2\text{O} - \text{K}_2\text{O} - \text{CaO} - \text{MgO} - \text{SiO}_2$	3	1
$\text{Na}_2\text{O} - \text{K}_2\text{O} - \text{CaO} - \text{MgO} - \text{Al}_2\text{O}_3 - \text{SiO}_2$	77	26
$\text{Na}_2\text{O} - \text{CaO} - \text{MgO} - \text{Al}_2\text{O}_3 - \text{SiO}_2$	33	4
$\text{Na}_2\text{O} - \text{CaO} - \text{Al}_2\text{O}_3 - \text{SiO}_2$	7	2
$\text{Na}_2\text{O} - \text{CaO} - \text{MgO} - \text{SiO}_2$	3	1
$\text{Na}_2\text{O} - \text{K}_2\text{O} - \text{CaO} - \text{Al}_2\text{O}_3 - \text{SiO}_2$	4	—
$\text{Na}_2\text{O} - \text{K}_2\text{O} - \text{CaO} - \text{MgO} - \text{Al}_2\text{O}_3 - \text{Mn}_2\text{O}_3 - \text{SiO}_2$	1	—
$\text{Na}_2\text{O} - \text{CaO} - \text{MgO} - \text{Al}_2\text{O}_3 - \text{Mn}_2\text{O}_3 - \text{SiO}_2$	2	—
$\text{Na}_2\text{O} - \text{CaO} - \text{MgO} - \text{Al}_2\text{O}_3 - \text{Mn}_2\text{O}_3 - \text{Fe}_2\text{O}_3 - \text{SiO}_2$	10	—
$\text{Na}_2\text{O} - \text{K}_2\text{O} - \text{CaO} - \text{MgO} - \text{Al}_2\text{O}_3 - \text{Fe}_2\text{O}_3 - \text{SiO}_2$	2	—
$\text{Na}_2\text{O} - \text{CaO} - \text{MgO} - \text{Fe}_2\text{O}_3 - \text{SiO}_2$	1	—
$\text{Na}_2\text{O} - \text{K}_2\text{O} - \text{CaO} - \text{Al}_2\text{O}_3 - \text{Fe}_2\text{O}_3 - \text{SiO}_2$	1	—
Итого	144	34

¹ Абдуразаков А. А., Безбородов М. А. Средневековые стекла Средней Азии. Ташкент, 1966.

Химические составы раннесредневековых и средневековых стекол Согда, вес. %

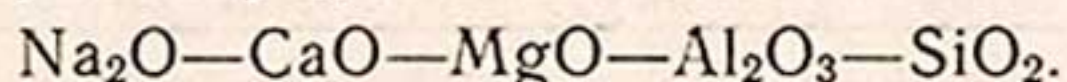
Химические компонен- ты	Na ₂ O—CaO—MgO—Al ₂ O ₃ —SiO ₂				Na ₂ O—CaO—Al ₂ O ₃ —SiO ₂		Na ₂ O—CaO—MgO—SiO ₂
	Аултепа (V—VI вв.)	Навзандак (IX—X вв.)	Культепа (X в.)	Афрасиаб (IX—X вв.)	Коштепа 2 (V—VI вв.)	Коштепа 2 (V—VI вв.)	Коштепа 2 (V—VI вв.)
SiO ₂	62,82	69,63	56,11	61,90	62,78	68,37	64,20
Al ₂ O ₃	3,86	4,42	5,20	3,12	6,05	4,72	2,27
Fe ₂ O ₃	1,79	0,10	0,26	1,00	2,20	1,55	1,05
CaO	7,25	9,80	8,96	6,86	4,85	8,12	7,09
MgO	3,05	4,30	5,60	5,00	1,36	1,42	5,40
TiO ₂	0,26	0,12	0,17	0,12	0,24	0,03	0,06
Mn ₂ O ₃	0,11	0,56	0,03	0,49	0,03	0,49	0,03
P ₂ O ₅	Не определен	0,40	0,32	0,22	Не определен	Не определен	Не определен
K ₂ O	2,36	2,75	2,54	2,00	2,98	1,24	1,02
Na ₂ O	16,58	13,66	16,00	17,00	17,54	12,26	16,17
SO ₂	0,11	1,22	1,53	1,02	0,72	0,43	0,39
п.п.п.	1,77	1,26	2,36	1,82	1,14	1,21	2,08
Σ	100,49	99,65	99,76	100,25	99,89	99,84	99,73

химическому анализу были подвергнуты 38 образцов стекол раннесредневекового и средневекового периодов. В результате этих анализов установлена их принадлежность в основном к двум химическим типам, наиболее характерным для стекол средневекового периода, обнаруженных на территории Средней Азии:

В первом стеклообразующая основа включает пять химических компонентов, во втором — шесть. Из 125 изученных стекол Средней Азии, выявленных на 22 памятниках, 107, или 85%, принадлежат к указанным химическим типам.

В последние годы изучались новые образцы древних и средневековых стекол из среднеазиатского региона. К имевшимся в мире 762 химическим анализам стекол прибавилось еще 142 с 23 археологических памятников Узбекистана, датируемых V—XVI вв. н. э. На основе новых анализов выявлено существование третьего химического типа стекол, обнаруженного ранее в единичных экземплярах на ряде памятников:

Для этого химического типа характерно низкое содержание окиси калия. К нему относятся 33 из 142 стекол, подвергнутых анализу, т. е. 23,2% (табл. 1).

Среди исследованных образцов большое место занимают стекла второго химического типа (77 из 142, или 54,2%), который отличается от стекол античного мира несколько повышенным содержанием окиси калия и глинозема. Таким образом, 77,4% изу-

Химические составы стекол

Химические компоненты	$\text{Na}_2\text{O}—\text{CaO}—\text{MgO}—\text{Al}_2\text{O}_3—\text{SiO}_2$			Na_2O
	горуб Мединец (около 1500 г. до н. э.)	древнеарабское	наганда (древне-индийское)	древнеримское
SiO_2	62,70	68,3	63,44	69,43
Al_2O_3	3,82	3,3	6,90	3,55
Fe_2O_3	Не определен	Не определен	Не определен	1,15
CaO	8,80	8,7	8,00	7,24
MgO	3,29	3,2	4,14	Не определен
TiO_2	Не определен	Не определен	Не определен	Не определен
Mn_2O_3	0,83	0,6	Не определен	0,39
P_2O_5	Не определен	Не определен	Не определен	Не определен
K_2O	2,12	2,5	1,54	1,25
Na_2O	15,21	12,7	15,69	17,31
SO_3	0,94	Не определен	1,13	Не определен
п. п. п.	Не определен*	Не определен	Не определен*	Не определен

* Присутствуют красители.

ченных стекол относятся ко второму и третьему химическим типам.

Среди стекол, подвергнутых анализу, имеются образцы, добытые при археологических раскопках памятников Согда: в Самаркандской области — Афрасиаб (IX—XI вв.) — 18 образцов, Рабинджантепа (IX в.) — 4, Навзандак (IX—X вв.) — 2, медресе Шердор (XV—XVI вв.) — 1; в Кашкадарьинской области — Коштепа 2 (V—VI вв.) — 3, Аултапа (V—VI вв.) — 1, Еркурган (V—VI вв.) — 1; в Бухарской области — Культепа (X в.) — 1, и в г. Бухаре (XI—XII вв.) — 3. Таким образом, в числе изученных стекол имеются анализы 34 проб с девяти памятников Согда.

Первый химический тип и раньше встречался на некоторых памятниках Средней Азии. Но наиболее распространен в Среднеазиатском регионе второй химический тип стекол (см. табл. 1). Особый интерес представляет появление третьего, четвертого и пятого химических типов. Они были выявлены при изучении стекол памятников Согда и Каракалпакии. Ранее стекла с таким составом встречались в единичных экземплярах среди раннесредневековых стекол Пенджикента и средневековых стекол с некоторых памятников Ферганы (9 из 125). Для стекол этих химических типов характерно низкое содержание окиси калия.

Появление нового химического типа — важное событие в истории стекла, оно приводит к изменению свойств стекла и технологических условий производства. В большинстве случаев распространение того или иного состава или химического типа стекол тесно связано с определенным почвенно-климатическим рай-

Таблица 3

древнего мира, вес. %

CaO—Al ₂ O ₃ —SiO ₂			Na ₂ O—CaO—MgO—SiO ₂	
Фивы (около 1500 г. до н. э.)	Салона (II в. до н. э.)	Фивы (около 1500 г. до н. э.)	Нимруд (около 715 г. до н. э.)	Ниппур (1400 г. до н. э.)
67,82	63,76	62,48	62,60	64,41
4,38	5,51	1,33	0,38	1,52
1,08	1,67	0,80	0,27	1,36
4,03	5,50	5,57	5,68	6,19
2,30	1,94	4,16	5,31	5,59
Не определен	Не определен	Не определен	Не определен	Не определен
1,12	Не определен	Не определен	Не определен	—
Не определен	Не определен	Не определен	Не определен	Не определен
2,34	2,78	0,64	2,41	2,37
13,71	16,92	17,80	16,54	13,98
0,48	0,86	0,75	1,20	1,28
Не определен*	Не определен	Не определен	Не определен*	Не определен*

оном и ограничено хронологическими рамками². Так, образцы стекла третьего химического типа относятся к V—X вв. н. э. (табл. 2). Данный состав стекла в последующий период отмечен лишь в некоторых памятниках Ферганы, датированных временем до завоевания территории монголами. Стекло подобного типа в средневековый период производилось только на территории Кавказа (Байлакан, Самтавро, Карсани и Тбилиси)³. Подобные образцы химического типа встречаются среди древнеиндийских, древнеегипетских и древнеарабских стекол (табл. 3).

Стекла четвертого химического типа, характеризующиеся низким содержанием окиси калия и окиси магния, на территории Средней Азии ранее не были обнаружены. Эти стекла более сходны с древнеегипетскими и древнеримскими.

Пятый химический тип стекла выделяется среди других среднеазиатских стекол низким содержанием окиси калия и глинозема, раньше встречался только среди стекол Пенджикента (3 образца). Наиболее распространен был этот тип в древней Индии и Египте.

Таким образом, исследование стекол раннесредневекового Согда выявило наличие здесь стекол трех химических типов, причем один из них (третий) аналогичен традиционным составам среднеазиатских стекол, а другой (пятый) существовал в пределах Согда (Коштепа 2, Пенджикент) только в пору раннего средневековья. Стекла четвертого типа пока найдены лишь на одном памятнике (Коштепа 2). Производство стекол подобных типов, широко распространенных в более ранний период в Индии и Египте, свидетельствует об осведомленности раннесредневековых мастеров Согда о традициях стекольного ремесла, существовавшего в странах древнего мира.

² Абдуразаков А. А. Биогеохимические провинции — основа для изучения локальных характеристик археологических материалов. Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР. Ташкент, 1973, с. 267—268.

³ Безбородов М. А. Химия и технология древних и средневековых стекол. Минск, 1969.

М. РЕУТОВА, Ш. ИЛЬХАМОВ, А. АБДУРАЗАКОВ

РЕСТАВРАЦИЯ ДРЕВНИХ ИГРАЛЬНЫХ ФИШЕК ИЗ БУХАРЫ

Среди археологических находок встречаются всевозможные предметы, изготовленные из разных материалов. Это изделия из стекла, керамики, металла, кости и др. различной сохранности.

Реже всего встречаются изделия из кости. Несмотря на свою долговечность и прочность, кость является неустойчивым материалом. Со временем она подвергается заметному разрушению под влиянием окружающей среды. Разрушение идет особенно интенсивно, если костяные предметы находятся под землей в течение многих веков. Поэтому реставрация таких находок требует особой осторожности. В этой области у реставраторов отдела химико-технологического исследования и консервации исторических памятников Института археологии АН УзССР накоплен некоторый опыт. Ранее проводилась реставрация таких предметов, как рог бухарского оленя, найденный в учтутской неолитической шахте, датируемый V—III тысячелетиями до н. э.¹, набор шахматных фигур с городища Афрасиаб и др.

Для консервации подобных предметов древности реставраторы широко применяют раствор полибутилметакрилата, а также клей БФ-4, БФ-6. Имеются и другие средства сохранения старинных вещей из кости и бивней мамонта. Так, предлагается использовать препарат, состоящий из воска и канифоли². Этот состав универсален и прост, поэтому его чаще всего применяют при реставрации различных археологических материалов, например, обугленного дерева и растительных остатков. Для закрепления кости (устранения расслаивания) некоторые авторы рекомендуют применять пропитку ее ксилолом или толуолом, в результате чего кость перестает расслаиваться и делается довольно прочной³. Однако последнее заключение нельзя считать верным.

Реставрацию и консервацию костяного материала производят также растворами синтетических смол и клеями (2-процентный раствор поливинилбутираля, поливинилацетатной смолы и 5-про-

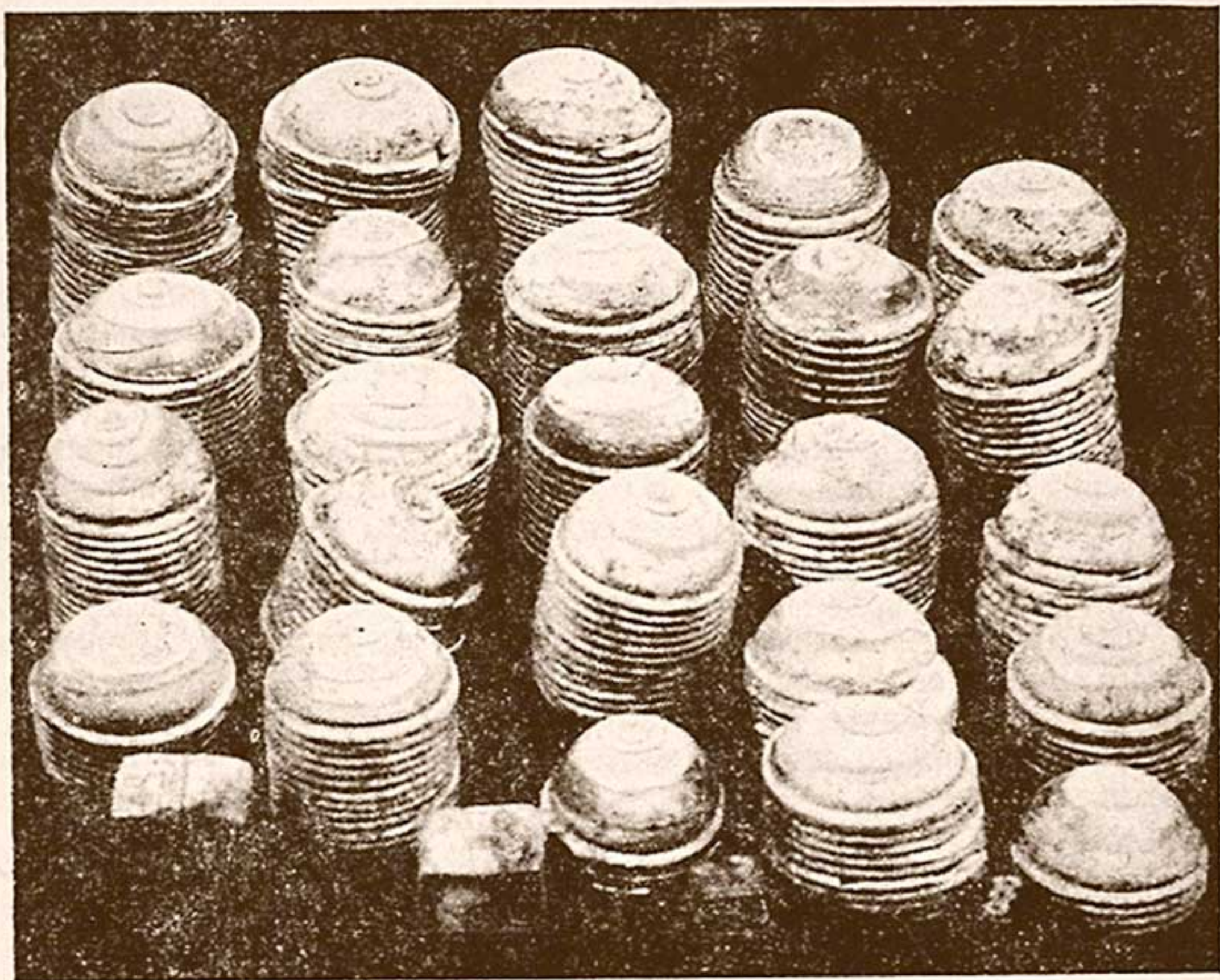
¹ ОНУ, 1973, № 10, с. 58.

² Абдуразаков А. А. Как сохранили рог бухарского оленя.— «Химия и жизнь», 1975, № 2, с. 83.

³ Елисеев А. В.— «Химия и жизнь», 1974, № 7, с. 111.

центный раствор клея БФ-4). Растворы наносятся на поверхность кости пульверизатором или мягкой кистью⁴.

Археологами Института археологии АН УзССР найден полный комплект костяных фигур для игры в нарды, изготовленный в конце X в. (рис.). Он обнаружен в центре Бухары на семиметровой глубине сотрудниками Бухарской археологической экспе-

Комплект игровых фишек из Бухары после реставрации.

диции под руководством А. Р. Мухамеджанова. Комплект состоит из 24 фигурок и двух кубиков различной сохранности. Шесть фигурок целые, восемнадцать разрушены наполовину или на одну треть. Реставрация этих хрупких предметов требовала особой осторожности. Визуальное обследование показало, что каждая фигурка собрана из отдельных костяных округлых пластин диаметром около 2 см и толщиной 0,3 см, соединенных между собой клеящим веществом. Вследствие длительного нахождения под землей связующее вещество пластинок значительно разрушилось и возникла вероятность разделения фигурок на отдельные части. Кроме того, продолжительное воздействие подземной агрессив-

⁴ Кирьянов А. В. Реставрация археологических предметов. М., 1960, с. 85—86.

ной среды (минеральных солей, микроорганизмов и т. п.) повлияло на химический состав кости, она стала хрупкой. Все это требовало особого подхода при реставрации. Костяные предметы имели не только химические и механические повреждения (трещины, отслоения и т. д.), но были и значительно загрязнены. Довольно пористая и окрашенная в светлые тона, кость быстро и легко воспринимала различные загрязнения.

По данным М. К. Калиша, естественные загрязнения представляют собой сложные неоднородные смеси различных веществ, отличающиеся разнообразием качественного и количественного состава. В некоторых случаях загрязнения состоят из твердых частиц земли, прилипших к кости. Кроме того, загрязнения содержат некоторое количество кожного жира, пота рук и продуктов его разложения, которые попадали на поверхность кости при очистке и осмотре в полевых условиях⁵. По утверждению М. К. Калиша, загрязнения являются благоприятной средой для переноса и развития различных микроорганизмов, например гнилостных бактерий, способных вызывать гниение белковой составляющей кости и плесневидных грибов, продукты жизнедеятельности которых содержат кислоты и могут разрушать минеральную составляющую кости. Поэтому перед закреплением пришлось очистить поверхность кости от всех загрязнений.

Пыль и частички земли снимались мягкой кисточкой. Очистку поверхности кости от кожного жира, пота рук производили ацетоном при помощи ватного тампона. Лишь после проведения этих операций можно было приступить к закреплению фигурок. Учитывая, что фигурки были собраны из отдельных пластин, мы отказались от поверхностной пропитки и применили глубинную. Этот способ основан на вытеснении воздуха из пор, трещин кости и заполнении их закрепляющим веществом.

Закрепление фигурок и кубиков осуществлялось следующим образом: предметы поочередно погружали в 10-процентный раствор полибутилметакрилата (ПБМА) на ацетоне. При погружении в раствор выделялись пузырьки адсорбированного воздуха. Закрепляемые предметы находились в растворе около 7 мин., т. е. до окончания выделения пузырьков воздуха и заполнения пор и трещин закрепляющим составом. Затем пинцетом вынимали фигурки из раствора и сушили до полного испарения растворителя.

В процессе закрепления на поверхности предметов остается некоторое количество полимера, придающего характерный блеск. Этот нежелательный блеск устраняли путем снятия остатков полимера ватным тампоном, смоченным в органическом растворителе. Такой метод обработки совершенно не повлиял на фактуру материала. В результате реставрации все предметы комплекта приобрели достаточную прочность, обеспечивающую возможность экспонирования их в музее.

⁵ Калиш М. К. Промывка музейных экспонатов из кости— Сообщения ВЦНИЛКР, М., 1968, № 20, с. 45—46.

А. БАТИРОВ

ФАУНА ДОМАШНИХ И ДИКИХ ЖИВОТНЫХ ПОСЕЛЕНИЯ СЕТАЛАК 1

Археологический памятник Сеталак 1 расположен в низовьях Зарафшана в 45 км к западу от г. Бухары, вправо от шоссеиной дороги Бухара—Газли. Он представлял собой сравнительно высокий конический курган (тепа) длиной 80 м, шириной 60 м и высотой около 9 м. По данным археологических материалов, полученных при раскопках, Сеталак 1 относится к IV—V вв. н. э.¹

В процессе раскопок на поселении наряду с различными археологическими материалами обнаружено 2949 фрагментов костей домашних и диких животных, принадлежавших 138 особям. Приводим количество костей по видам животных:

<i>Вид животного</i>	<i>Количество костей</i>	<i>Количество особей</i>
Домашние		
Собака— <i>Canis familiaris</i>	13	3
Осел— <i>Asinus domesticus</i>	56	5
Свинья— <i>Sus scrofa</i>	38	10
Верблюд— <i>Camelus bactrianus</i>	10	2
Мелкий рогатый скот— <i>Ovis, capra</i>	2288	83
Крупный рогатый скот— <i>Bos taurus</i>	446	20
Дикие		
Лисица— <i>Vulpes vulpes</i>	8	3
Заяц-толай— <i>Lepus tolai</i>	14	5
Тонкопалый суслик— <i>Spermophilus leptodotyl</i>	4	1
Дикобраз— <i>Hystrix leucura</i>	1	1
Кулан— <i>Equus hemionus</i>	46	4
Джейран— <i>Gazella subgutturosa</i>	3	1
Птицы— <i>Aves</i>	22	—
Итого	2949	138

Исследуемые фрагменты костей домашних и диких животных (за исключением собаки, тонкопалого суслика и, вероятно, осла) представляют собой типичные кухонные отбросы обитателей Сеталак 1.

Здесь представлено по шесть видов домашних и диких животных. Домашние животные преобладают над дикими как по количеству костей, так и по количеству особей. Среди домашних

¹ Сулейманов Р. Х. Отчет за 1972—1975 гг.

животных первое место занимает мелкий рогатый скот, по количеству костей составляющий 77,55%, по количеству особей — 60,14%. В поселении обнаружены почти все элементы костей скелета мелкого рогатого скота, за исключением целого черепа (табл. 1).

По отдельным частям скелета (стержень рога, метаподий) нам удалось отличить овец от коз. Выявлено, что основную массу костей составляют кости овец — 95,4%, а кости коз — лишь 4,6%. Эти данные свидетельствуют о том, что скотоводы-кочевники, обитавшие в IV—V вв. н. э. в низовьях реки Зарафшан, использовали в пищу преимущественно мясо овец.

Таблица 1

Состав костных остатков домашних животных, обнаруженных при раскопках Сеталак 1

Кость	Собака	Мелкий рогатый скот	Крупный рогатый скот	Свинья	Верблюд	Осел
Стержень рога	—	23	—	—	—	—
Фрагмент черепа	4	107	—	1	—	—
Нижняя челюсть	3	152	12	25	—	4
Изолированный зуб	—	132	18	8	—	8
Позвонок	—	390	39	—	—	—
Ребро	—	208	248	—	—	—
Лопатка	—	109	24	—	—	—
Тазовая	1	117	31	—	—	—
Плечевая	2	200	13	—	—	—
Лучевая-локтевая	1	105	20	—	—	3
Берцовая	—	140	15	—	—	3
Бедренная	1	37	3	—	—	—
Пяточная	—	35	8	—	—	—
Астрагал	—	10	11	1	—	4
Метаподий	—	110	47	3	4	11
I фаланга	1	38	37	—	2	10
II фаланга	—	8	26	—	2	4
III фаланга	—	7	21	—	—	1
Фрагменты трубчатых костей	—	360	93	—	—	8
Итого	13	2288	666	38	8	56

Большинство обнаруженных костей — кости молодых животных, у которых еще не полностью завершилось формирование постоянной системы коренных зубов. Из 70 исследуемых нижних челюстей (табл. 2) 55,7% принадлежат животным первого и второго года жизни. Костные ткани молодых организмов сохраняются сравнительно плохо, поэтому допускается увеличение последней цифры еще на 10—15%. Аналогичные явления обнаружены и на других памятниках Средней Азии, что свидетельствует об одинаковых условиях содержания домашних животных в течение последних столетий.

Некоторые археологи, судя по архитектуре и археологическим материалам, считают Сеталак 1 идеологическим центром древнего населения на северо-западной границе Бухарского оазиса, связанным с культом. Вероятно, здесь совершались жертвоприношения, в качестве которых чаще всего использовались молодые животные, в частности мелкий рогатый скот.

Среди костных остатков Сеталак 1 второе место занимает крупный рогатый скот. Обнаружены почти все части скелета, за исключением полного черепа и целых длинных трубчатых костей

Таблица 2

Возрастной состав мелкого рогатого скота
поселения Сеталак 1

Состояние системы коренных зубов нижних челюстей	Возраст, мес.	Кол-во исследуемых челюстей	
		абс.	%
Отсутствует M_1	до 3	—	—
Есть M_1 —отсутствует M_2	3—12	17	24,3
Есть M_2 —отсутствует M_3	12—24	22	31,4
Есть M_3	старше 24	31	44,3
Итого		70	100

(см. табл. 1). О породной принадлежности крупного рогатого скота с поселения можно сказать, что по размеру он близок к особям с поселений Каунчитепа² и Гяуркала³. По морфометрическим признакам, полученным нами при обработке костного материала, можно проследить наличие обыкновенного и зебувидного скота. О присутствии последнего свидетельствуют наличие грудного позвонка с двумя ответвлениями и остистый отросток. Следовательно, обитатели поселения Сеталак 1 разводили две породы крупного рогатого скота — обыкновенную и зебувидную.

В составе костных остатков, обнаруженных в Сеталак 1, определено 38 костей свиньи, происходящих минимально от 10 особей. Найдены нижние челюсти, изолированные зубы и фрагменты метаподий различных животных. Анализ нижних челюстей показал, что 77,8% челюстей принадлежат молодым животным до двухлетнего возраста. Это свидетельствует об использовании в пищу древним человеком в основном молодых особей.

² Цалкин В. И. Фауна древнего Хорезма в свете данных археологии.— В кн.: Древнее животноводство племен восточной Европы и Средней Азии. М., 1966.

³ Громова В. И. Материалы к изучению древнейших домашних животных Средней Азии.— В кн.: Григорьев Г. В. Каунчи-тепе (раскопки 1935 г.). Ташкент, 1940.

Из костей домашних животных обнаружены кости осла, верблюда и собаки. Осел и собака в пищу не употреблялись, на что указывает сравнительно хорошая сохранность костных остатков. По-видимому, эти виды использовались в пастушестве как ближайшие помощники пастуха. Верблюд в основном использовался как транспортное средство.

Среди фаунистических остатков поселений Сеталак 1 обнаружено шесть видов диких животных. Из них охотничье-промысловыми являются лисица, кулан и джейран. Незначительность остатков этих видов свидетельствует о второстепенном значении охоты в жизни обитателей поселения. Среди обнаруженных костей диких животных преобладают кости кулана (46 костей от 4 особей). Все трубчатые кости кулана раздроблены, это результат добычи костного мозга. Обнаружены стержни рогов и фрагменты метакарпальных костей джейранов. Среди костей животных были найдены кости лисиц, зайцев, дикобраза и тонкопалого суслика. Судя по обнаруженным костным остаткам, древние жители Сеталак 1 наравне с ремеслом и земледелием занимались животноводством и частично охотой (10,7% из общего количества особей).

По составу дикой фауны можно охарактеризовать ландшафтно-географические условия окрестностей Сеталак 1. Неподалеку от поселения располагались степи, полупустыни, местами кустарниковые и тугайные заросли, что подтверждают находки костей представителей фауны степей и полупустыни — кулана, джейрана, тонкопалого суслика; кустарниковых зарослей — лисицы, зайца и некоторых видов птиц.

Б. БАТЫРОВ, А. БАТИРОВ

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ФАУНА ПОСЕЛЕНИЯ КУРГАНЧА

Состав и морфологические признаки домашних и диких животных низовьев р. Амударьи изучены слабо. Этому вопросу посвящена лишь работа В. И. Цалкина, где приведены результаты изучения костных остатков животных из памятников древнего Хорезма¹.

Исследования археологов Института истории, языка и литературы Каракалпакского филиала АН УзССР в этом направлении дали большой остеологический материал, который позволил осветить некоторые вопросы древнего скотоводства в низовьях р. Амударьи. Прежде всего, был установлен видовой состав домашних и диких животных, породы домашних животных, их место в хозяйстве кочевников. Остеологический материал был собран на городище Караумбет, Куланли, Княжол 2, Малый Айбугир, Аджибей, Саксаулсай, Курганча, Сигнальная башня Акгулак, Дэвкескен и Устюрт.

Остановимся на фаунистической характеристике поселения Курганча. Поселение расположено в низовьях Амударьи. Раскопки здесь производились в течение последних лет под руководством В. Н. Ягодина. В результате обнаружено более 14 500 фрагментов костей домашних и диких животных. Из общего числа фрагментов пригодными для определения оказались лишь 8517, т. е. 60%. Остальные 40% являются осколками трубчатых костей и вовсе непригодны для определения их видовой принадлежности.

Приводим данные о количестве костей и особей домашних животных, обнаруженных на поселении Курганча:

<i>Вид животного</i>	<i>Количество костей</i>	<i>Число особей</i>
Мелкий рогатый скот	2958	297
Крупный рогатый скот	1973	245
Лошадь	854	• 108
Осел	306	47
Верблюд	126	31
Свинья	210	73
Собака	51	19
Кошка домашняя	2	1
В с е г о	6480	821

¹ Цалкин В. И. Фауна древнего Хорезма в свете данных археологии. Древние животные племен Восточной Европы и Средней Азии.—МИА. Вып. 135. М., 1966; Он же. Фауна античного и раннесредневекового Хорезма.—ТХАЭЭ. Т. 1. М., 1952.

Фрагменты костей и особей диких млекопитающих животных, обнаруженных на поселении Курганча, представлены в следующем количестве:

<i>Вид животного</i>	<i>Количество костей</i>	<i>Число особей</i>
Кулан	259	40
Кабан	109	31
Бухарский олень	123	34
Джейран	146	72
Волк	55	27
Лисица	11	6
Шакал	6	1
Тигр (?)	5	2
Кошка дикая	1	1
Куньи	1	1
Заяц-толай	16	12
Крыса туркестанская	4	3
Большая песчанка	5	4
Дикобраз	18	1
В с е г о	759	235

Мелкий рогатый скот — *Ovis et capra*. Среди обнаруженных на поселении 297 особей мелкого рогатого скота первое место по количеству костных остатков безусловно принадлежит овцам и козам. Такая ситуация характерна для всех археологических памятников Средней Азии. На некоторых из них образуются весьма обширные серии, насчитывающие несколько тысяч штук костных остатков. Так, на поселении Сапаллитепа, расположенном недалеко от г. Термеза², обращает на себя внимание относительное обилие фрагментов мозгового черепа и нижних челюстей. Сохранность костей, найденных в кухонных отходах, довольно плохая, что связано с использованием мозга из длинных трубчатых костей в пищу. Возрастной состав использованных в пищу животных, судя по степени срастания эпифизов и состоянию коренных зубов, различный (рис. 1). Имеются кости старых особей, но основная масса их принадлежит молодым животным. Об этом свидетельствуют следующие данные:

<i>Состояние системы коренных зубов нижней челюсти</i>	<i>Возраст, мес.</i>	<i>Количество изученных челюстей, абс.</i>	<i>Количество изученных челюстей, %</i>
M_1 —отсутствует	до 3	25	24,5
Есть M_1 —отсутствует M_2	3—12	50	49,1
Есть M_2 —отсутствует M_3	12—24	17	16,6
Есть M_3	старше 24	10	9,8

Из приведенных данных видно, что кости овец и коз в возрасте 3—12 месяцев составляют 49,1%, а в возрасте до 3-х месяцев — 24,5%. Вероятно, в эпоху средневековья было широко рас-

² Батыров Б. Х. Фауна поселения Сапаллитепе.— В сб.: ИМКУ. Вып. 2. Ташкент, 1974.

пространено производство смушек (каракуля) и, возможно, в этих целях использовали ягнят до месячного возраста. Костные остатки особей этого возраста сохраняются плохо, поэтому в руки специалистов попадает незначительное их количество. Третье место по количеству занимают животные в возрасте 1—2-х лет (16,6%). Наименьшим количеством костей представлен мелкий рогатый скот старше 2-х лет (9,8%). Он, вероятно, служил маточным поголовьем и производителем и в пищу использовался в редких случаях. Определено лишь 10 нижних челюстей с наличием М₃.

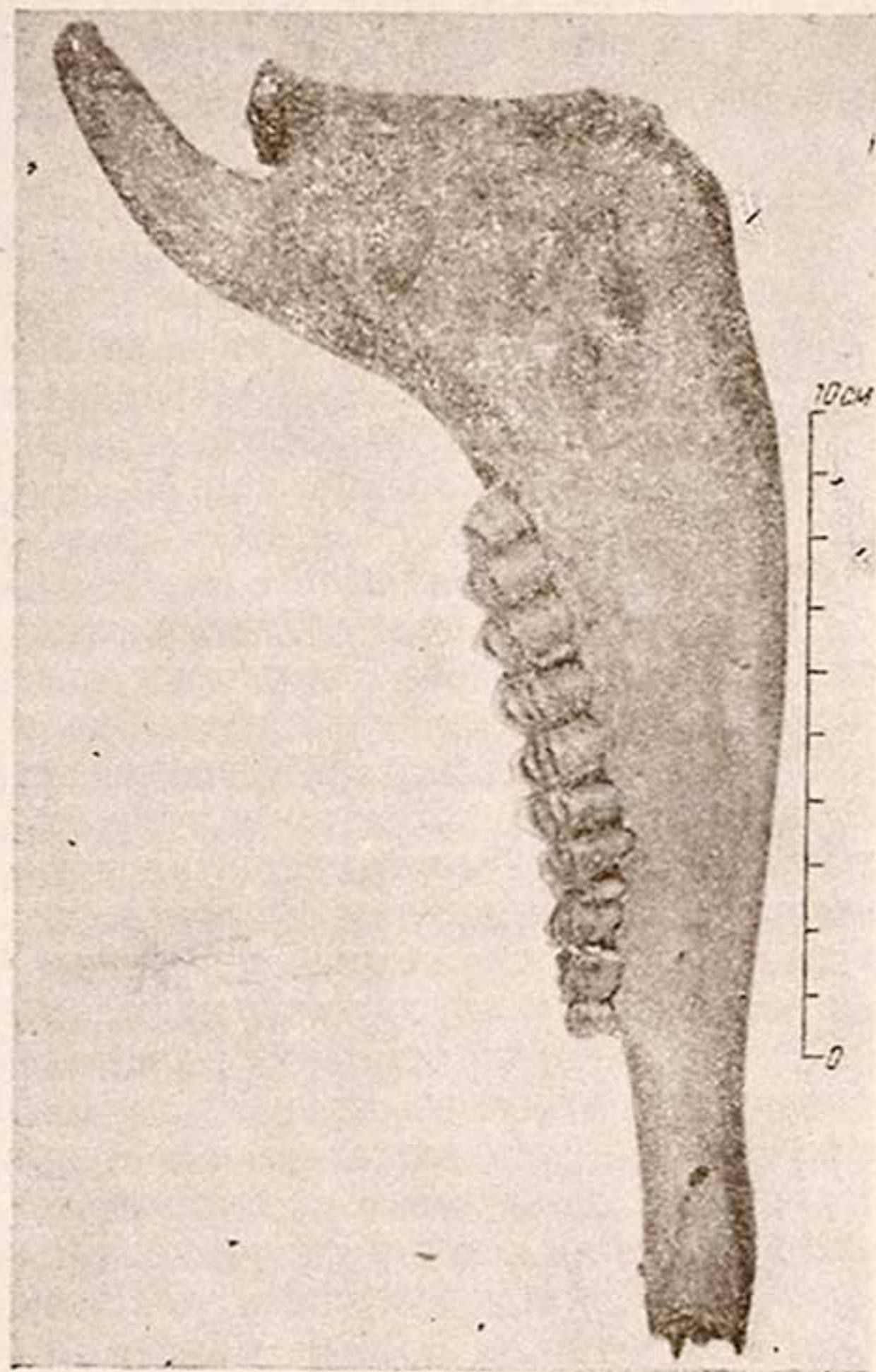

Рис. 1. Нижняя челюсть овцы.

Костные остатки овец и коз различить трудно, особенно по фрагментам костей. Но по некоторым длинным трубчатым костям скелета, стержням рогов и метаподиальным костям животных это удастся сделать. В результате выявлено соотношение овец и коз — 4:1. Обнаружено несколько десятков стержней рогов плохой сохранности. Большинство из них принадлежит баранам, на что ясно указывают их размеры и структурные особенности.

При изучении фрагментов мозгового отдела черепа выявлено, что подавляющая их часть принадлежит комолым особям. Среди исследованного материала комолые особи составляют 75%, тогда как по данным В. И. Цалкина³ в низовьях Амударьи они насчитывают 80%. Эти цифры свидетельствуют о том, что стада овец средневековых кочевников состояли в основном из комолых особей, имелись также и овцы с рогами (18—20%).

Значительный интерес представляют хорошо сохранившиеся астрагалы, метаподиальные и пяточные кости овец (рис. 2). Сле-

³ Цалкин В. И. Фауна древнего Хорезма..., цит. соч.

дует отметить большую изменчивость метаподиальных костей. Длина пясти составляет 108—150 мм, в среднем 125 мм. Из обнаруженных 16 целых пястных костей 10 имели длину более 145 мм. Аналогичные цифры получены по плюсневым костям (табл. 1). В отдельных случаях наименьшая длина плюсневых костей составляла 93 мм, что свидетельствует о наличии в стадах средневековых кочевников двух пород овец — каракульской и курдючной.

Крупный рогатый скот — *Bos taurus*. Костные остатки крупного рогатого скота в поселении Курганча довольно многочисленны. По количеству найденных костных фрагментов крупный рогатый скот занимает второе место, уступая лишь овцам и козам. Обнаружено 1970 фрагментов костей, принадлежащих 245 осо-

Т а б л и ц а 1

Размеры метаподиальных костей овец

Показатель	Пясть		Плюсна	
	предел	в среднем	предел	в среднем
Наибольшая длина	108—150	125	93—160	128
Ширина верхнего эпифиза	23—26	24	22—28	26
Ширина диафиза	14—17	15	15—19	16
Ширина нижнего эпифиза	25—28	26	25—29	27

бям разного пола и возраста. Основную массу костей крупного рогатого скота составляют зубы, выпавшие из альвеол, обломки челюстей и различные части периферического скелета (метаподии, фаланги пальцев, таранные кости и др.). Сохранность костных остатков довольно плохая, поскольку черепа и длинные трубчатые кости конечностей раздроблены при добывании костного мозга, за исключением небольшой серии пястных и плюсневых костей. Целые черепа отсутствуют. Обнаруженные стержни рогов имеют небольшие размеры (обхват у основания 103—110 мм) и, вероятно, принадлежат коровам. Среди посткраниального материала пяточные, таранные и метаподиальные кости хорошей сохранности. Приводим промеры некоторых костей крупного рогатого скота:

Показатель	Количество измеренных костей	Предел	В среднем
Длина			
альвеолярного ряда			
нижних зубов	20	125—160	138
пяточной кости	15	110—150	129,5
таранной кости	18	50—71	63
пясти	17	164—218	178
плюсны	21	195—240	225

Морфометрические признаки некоторых костей конечностей указывают на наличие в хозяйстве древнего населения Курганчи коров, быков и волов, но процентное соотношение их различно: коров — 80%, волов — 12% и быков — 8%. Незначительную долю быков можно, вероятно, объяснить тем, что они содержались лишь в том количестве, которое являлось необходимым для обеспечения репродукции оплодотворения или скрещивания. Наличие остатков костей волов свидетельствует о том, что они использовались как рабочий скот на земледельческих работах. Если сравнить кости современных аборигенных пород с полуископаемыми, обнаруженными при раскопках поселения Курганча, можно отметить, что у древних обитателей поселения крупный рогатый скот был крупнее. Так, высота в холке у вола из поселения Курганча в среднем достигала 115 см, тогда как у современного — 102 см.

Свинья — *Sus domesticus*. Среди костей домашних животных кости свиньи сравнительно многочисленны. Найдено 210 фрагментов костей от 73 особей. Значительная часть их принадлежит молодым животным с еще не завершенным формированием постоянной системы коренных зубов; многие длинные трубчатые кости конечностей оказались лишенными эпифизов. На долю таких молодых особей приходится не менее 50% костных остатков.

Костные остатки свиней на памятниках, относящихся к I в. до н. э. — VI в. н. э., свидетельствуют о том, что до завоевания территории Средней Азии арабами свинья являлась одним из основных домашних животных. Сделанные промеры указывают на то, что домашние свиньи, разводимые древними обитателями Узбекистана, отличались довольно мелкими размерами.

Лошадь — *Equus caballus*. Принадлежит к числу домашних животных, которые были широко распространены в средневековье на территории нынешнего Юго-Западного Узбекистана. По количеству найденных костей среди домашних животных лошадь стоит на третьем месте. Обнаружено 854 кости, происходящие от 108 особей. Найдены зубы, фрагменты черепа и нижних челюстей, обломки плечевых и берцовых костей. Среди целых костей имеются метаподии и фаланги пальцев. По степени сохранности костных остатков кости лошади не отличаются от костей других домашних животных. По характеру сохранности костей видно, что мясо лошадей употреблялось в пищу. Для выяснения морфологических признаков костей скелета лошади сделаны некоторые промеры (табл. 2).

Приведенные данные указывают, что лошадь с поселения Курганча была сравнительно мельче, чем полуископаемая лошадь из Туркмении.

Кулан — *Equus hemionus*. Остатки кулана среди костей диких животных занимают первое место. Извлечено 259 костей, происходящих от 40 особей. Ископаемые костные остатки куланов обнаружены в плейстоценовых и голоценовых слоях. В Сред-

ней Азии самые древние остатки кулана найдены В. И. Бибиковой⁴ среди костей животных в мустьерских слоях пещеры Аманкутан близ Самарканда. Обнаруженные костные остатки сильно раздроблены. Фрагментарность костей объясняется тем, что мясо и костный мозг трубчатых костей кулана употреблялись человеком в пищу. Наиболее сохранившиеся кости — пясть, плюсна, таранная, первые, вторые и третьи фаланги (рис. 3). Наибольшая длина первых фаланг задних ног кулана из Курганча 64—80 мм, средняя — 75,5 мм. Ширина верхнего конца 38—41 мм, в среднем — 38,5 мм. У современных особей в среднем соответственно — 70 мм и 39 мм.

В древности кулан обитал почти на всей территории Средней Азии. Доказательством этому служат кости, обнаруженные в ре-

Таблица 2

Размеры костей лошади с поселения Курганча и полунископаемой лошади из Туркмении

Показатель	Курганча		Туркмения (по В. И. Цалкину)	
	предел	в среднем	предел	в среднем
Длина пясти	203—228	220	246—276	257
Индекс ширины верхнего конца пясти, %	19,5—23,5	20,5	20,9—22,7	21,75
Длина плюсны	250—272	268,0	270—319	302,10
Индекс ширины верхнего конца плюсны, %	16,5—19,5	18,0	17,8—19,7	18,44
Длина первой фаланги передней ноги	75—91	84,5	92—103	96,76
Длина первой фаланги задней ноги	72—89	82,5	89—101	94,85

зультате раскопок археологических памятников Средней Азии. Область распространения кулана в прошлом охватывает степную, полупустынную и пустынную зоны Евразии, а также нагорные степи. Вследствие ряда причин, главным образом, антропогенных, к настоящему времени ареал кулана сильно сократился. По историческим летописям известно, что благополучие казахов-кочевников в зимний период зависело от добычи и запасов мяса куланов. В настоящее время кулан сохранился лишь в Бадхизском заповеднике Туркмении.

Собака — *Canis familiaris*. При раскопках найдена 51 кость собаки, происходящая от 19 особей. В отличие от остатков большинства домашних животных кости собак хорошей сохранности. Имеются даже целые черепа, если не считать сломанных скуло-

⁴ Бибикова В. И. Некоторые замечания по фауне из мустьерской пещеры Аманкутан 1.—СА, 1958, № 3.

вых дуг, поврежденных, вероятно, в процессе раскопок. Целые длинные трубчатые кости конечностей собак представляют обычную находку. Все это свидетельствует о том, что собака использовалась древним человеком в качестве охотничьего и сторожевого животного, об употреблении ее в пищу не может быть и речи.

Остановимся на некоторых морфологических признаках черепа. Основная длина черепа — 150—192 мм. Теменная длина варьирует от 172 до 212 мм. В среднем (по шести изученным черепам) длина темени составляет 199,8 мм, а основная длина —

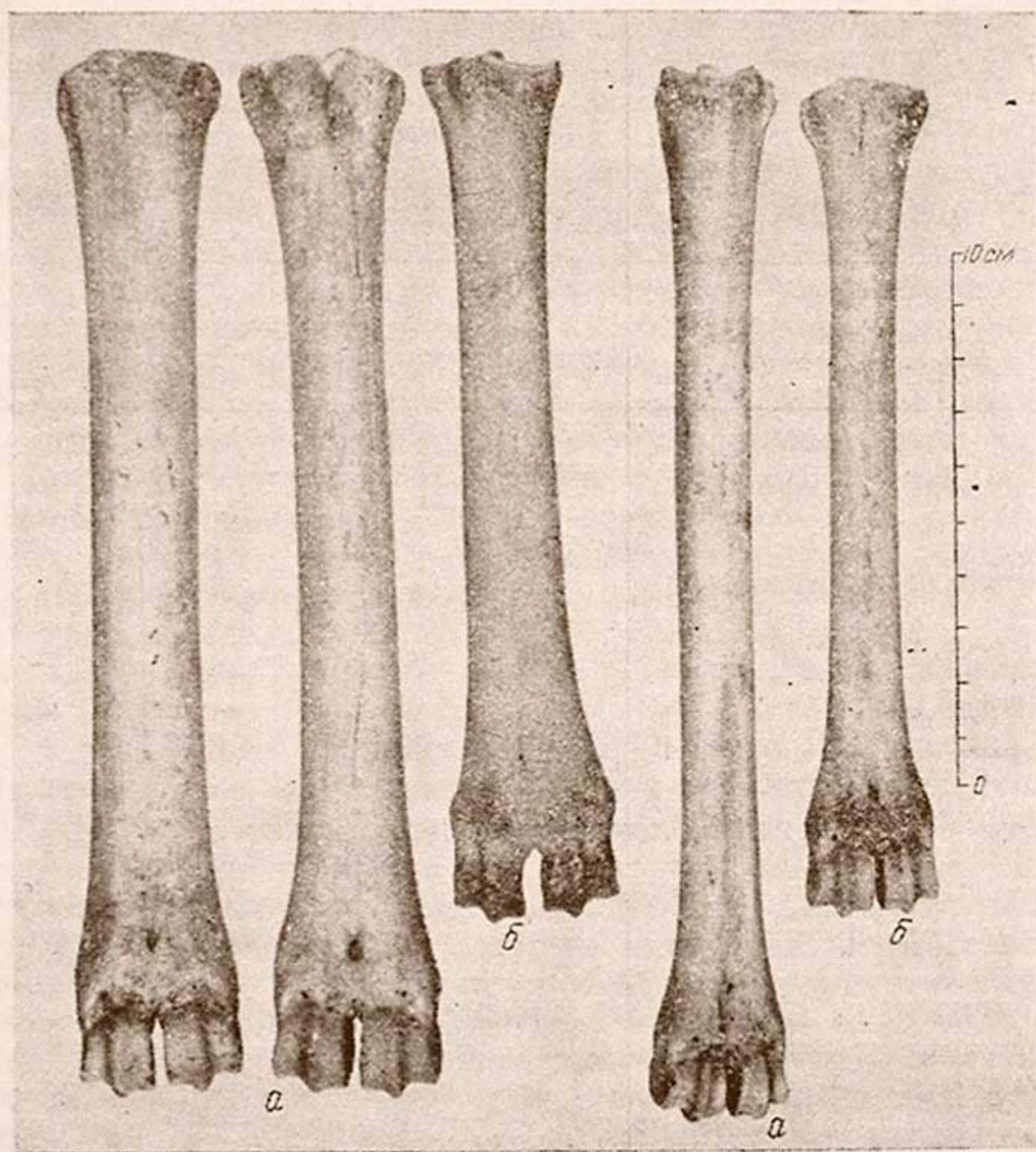

Рис. 2. Пясть и плюсны овец: курдючной (а) и каракульской породы (б).

171 мм. Подобные размеры черепов обычны у субфасильных собак Средней Азии.

У древних скотоводов Узбекистана собака была средних раз-

меров, о чем свидетельствуют некоторые сравнительные данные. Так, длина альвеолярного ряда нижнекоренных зубов собак из Курганча — 70—75 мм (в среднем 72 мм), длина M_1 —21—24 мм (в среднем 22,5 мм), высота челюсти на уровне M_1 (в среднем 31 мм). Аналогичные промеры получены на Каунчитепа: 75; 21,5; 27 мм⁵, Алтындепе (Туркмения): 68; 22; 31 мм⁶. Из приведенных данных следует, что собаки у древних скотоводов Средней Азии были почти одинакового размера.

Джейран — *Gazella subquitturosa*. Кости этого до недавнего времени широко распространенного вида встречаются на всех

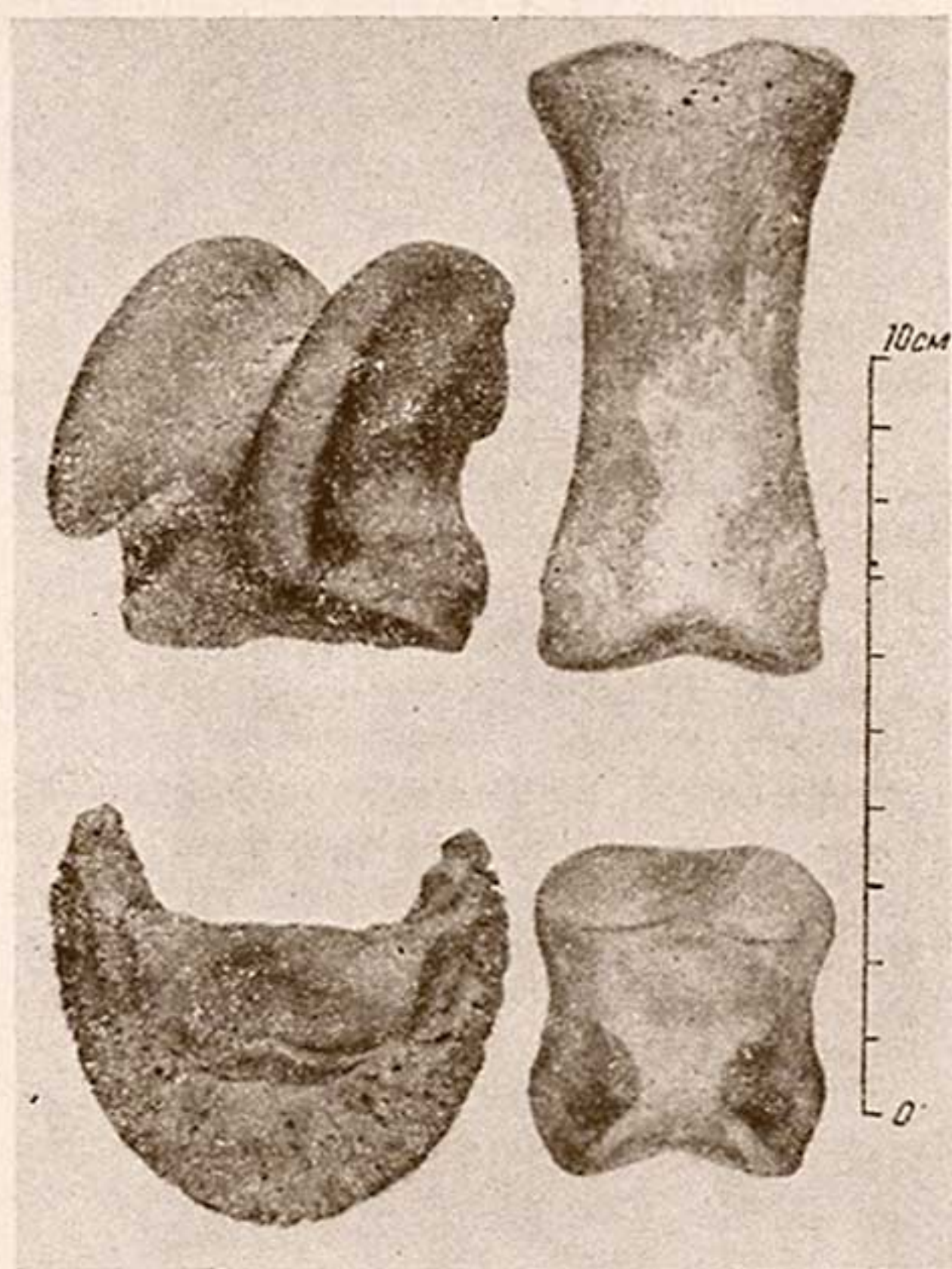

Рис. 3. Таранная, первая, вторая и копытная фаланги кулана.

памятниках Средней Азии. Среди костных остатков обнаружены стержни рогов, дистальные концы плечевых и метаподиальных костей (рис. 4). Исследовано всего 146 костей от 72 особей. Сохранность костных остатков плохая, что указывает на происхождение их от кухонных отбросов.

⁵ Громова В. И. Материалы к изучению древнейших домашних животных Средней Азии.— В кн.: Григорьев Г. В. Каунчи-тепе (раскопки 1935 г.). Ташкент, 1940.

⁶ Ермолова Н. М. Новые материалы по изучению остатков млекопитающих из древних поселений Туркмении.— В сб.: Каракумские древности. Вып. 3. Ашхабад, 1970.

Субфасильные костные остатки джейранов в пределах Узбекистана довольно многочисленны. Они обнаружены также при раскопках различных памятников Южного Туркменистана⁷.

Сравнение роговых стержней, лопаток, метаподий и первых фаланг джейрана, обнаруженных при археологических раскоп-

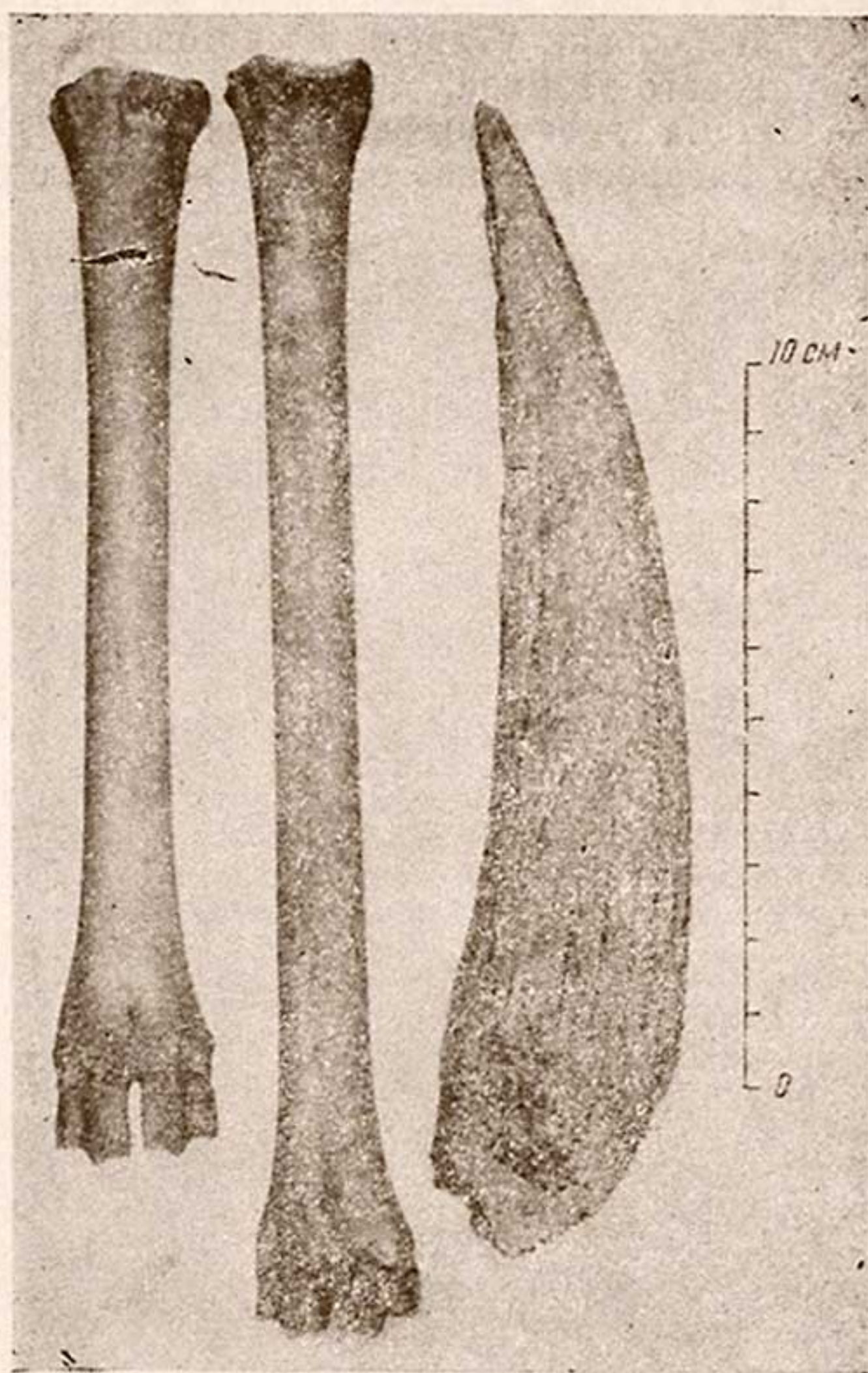

Рис. 4. Стержень рога и плюсна джейрана.

ках, с современными, показывает, что существенных морфологических отличий между ними почти нет. Так, длина пястья джейрана из древнего Хорезма равняется в среднем 189 мм, длина плюсны — 198,5 мм, что идентично размерам современных джей-

⁷ Ермолова Н. М. Костные остатки млекопитающих из поселений эпохи энеолита и бронзы Южного Туркменистана.— В сб.: Каракумские древности. Вып. 1. Ашхабад, 1968; Шевченко А. И. К истории домашних животных Южного Туркменистана.— Труды ЮТАКЭ. Т. 10. Ашхабад, 1961.

ранов. По нашим материалам из поселения Курганча, они имеют следующие размеры: 187,0 мм и 198,0 мм.

Прошлый ареал джейрана был намного шире настоящего, о чем свидетельствуют костные остатки, обнаруженные при археологических раскопках на территории Средней Азии. Основная причина сокращения ареала и численности джейранов — усиленное освоение пустынных районов Узбекистана и интенсивный отстрел этих животных.

* * *

В количественном отношении кости домашних животных занимают первое место: их 6480, т. е. 86,9% от определяемых фрагментов. Данные свидетельствуют, что скотоводы-кочевники низовьев р. Амударьи содержали домашних животных всех видов. Основными из них являлись овцы, козы, крупный рогатый скот, лошади, верблюды и свиньи. Из охотничье-промысловых млекопитающих преимущественно представлены кулан, джейран, олень, кабан; из мелких видов — заяц и дикобраз. Видимо, обитатели поселения, наряду с земледелием и скотоводством, занимались и охотой. При этом, очевидно, они пользовались ловчими птицами и собаками.

В поселении Курганча, наряду с костями домашних и охотничье-промысловых млекопитающих, обнаружены кости других позвоночных животных, в частности рыб (7 костей), принадлежащих, в основном, к семейству карповых, черепах (1241 кость от 135 особей), птиц (30 костей от 7 особей), а также единичные фрагменты костей человека.

Кости черепахи оказались самыми многочисленными. Обнаружены почти все кости ее скелета, притом целые, а также раздробленные панцири. Создается впечатление, что мясо черепах употреблялось человеком в пищу, но при обилии домашних и охотничье-промысловых животных вряд ли в этом была необходимость. Многочисленность костей черепахи, вероятно, объясняется тем, что население кормило своих ловчих птиц и собак мясом черепахи. Обнаруженные остатки полных скелетов черепахи указывают, что они скапливались здесь без участия человека.

Среди фрагментов костей птиц имеются кости домашних кур, диких уток и хищных птиц среднего размера. Последние, очевидно, специально содержались для охоты.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
М. Касымов, Г. Тетюхин. К вопросу об археолого-геологическом возрасте многослойной палеолитической стоянки Кульбулак	7
Б. Абдуллаев. Новые данные о культуре Сапалли	18
У. Рахманов. Зооморфные изображения на керамике памятника эпо- хи бронзы Бустан 4	27
К. Сабиров. Новые материалы к изучению укреплений кушанского времени. Городище Хайрабадтепа	31
М. Туребеков. Раскопки бастиона внутренней крепостной стены Еркургана	36
Е. Усова, Ю. Буряков. Терракотовые поделки с городища Канка	44
К. Абдуллаев. Стекланные изделия X—XII вв. из Бухары	52
Ю. Буряков, М. Тихонин. Раскопки керамической мастерской конца XV—XVI в. в Шахрухи	58
В. Гришин. Новые материалы к археологической карте Ташкентского оазиса	65
Б. Кочнев. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии Часть 3 (Караханиды, Мас'уд-бек, Чагатаиды, Тимуриды, Джа- ниды)	71
О. Папахристу, И. Ахраров. Стекло из раскопа в арке домон- гольского городища Ахсикент	88
Дж. Мирзаахмедов. Глазурованная керамика Бухары второй по- ловины XVII—первой половины XVIII в.	96
Дж. Мирзаахмедов, И. Ахраров. Керамика риштанского типа из Бухары второй половины XIX в.	114
А. Абдуразаков. Особенности химического состава стекол ранне- средневекового Согда	126
М. Реутова, Ш. Ильхамов, А. Абдуразаков. Реставрация древних игральных фишек из Бухары	131
А. Батиров. Фауна домашних животных поселения Сеталак I	134
Б. Батыров, А. Батиров. Средневековая фауна поселения Курганча	138

ИСТОРИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ УЗБЕКИСТАНА

Выпуск 16

*Утверждено к печати Ученым советом Института археологии,
Отделением истории, языкознания и литературоведения АН УзССР*

Редактор Х. Э. Раупова
Художник Е. И. Владимиров
Технический редактор В. М. Тарахович
Корректор Т. В. Кормушина

ИБ № 1096

Сдано в набор 26.03.81. Подписано к печати 26.05.81. P04620. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типо-
графская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 9,25. Уч.-изд. л. 9,3.
Тираж 1000. Цена 1 р. 50 к. Заказ 69.

Адрес Издательства: 700047, Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан» УзССР, Ташкент, проспект М. Горького, 79.

Цена 1 р. 50 к.